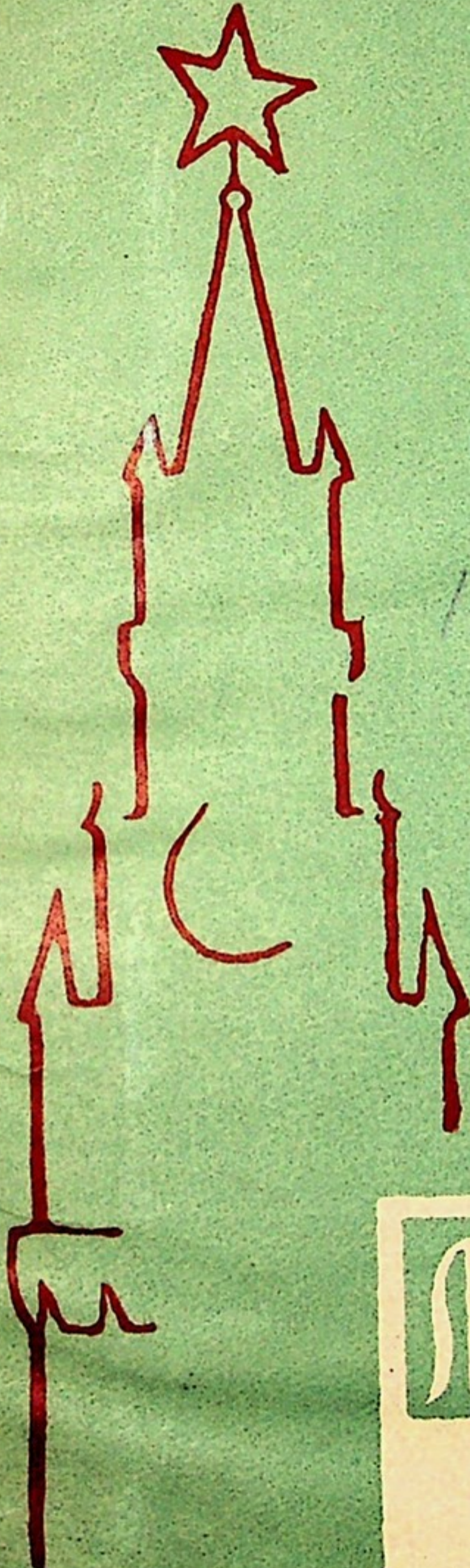

1961

27

10-335

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ
 ОКТЯБРЬ 1961

საქართველოს
საბჭოთავო რესპუბლიკა

საქართველოს
საბჭოთავო რესპუბლიკა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СЪЕЗД КОММУНИЗМА

АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Великие перспективы
ХУТА БЕРУЛАВА. Источник радости и вдохно-
вения
ЭЛИОЗ БЕКОЕВ. Мир — первое условие
ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ. Ленин. Стихи

ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

ГРИГОЛ ЧИКОВАНИ. Хозяйка зеленых холмов
ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ. Мы с тобой — комму-
нисты
РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. На берегу боль-
шой Алазани
ТЕБ ГУРДЖУА. Соперники. Рассказ

КАЛЕ БОБОХИДЗЕ. Родной партии. Стихи
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Иду по моей земле.
Стихи
МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Судьба женщи-
ны. Роман. Продолжение

ПУБЛИЦИСТИКА

ЭЛЕФТЕР АНДРОНИКАШВИЛИ. Наука и об-
щество
ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ. Неоплаченный долг

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

АННА НИКОЛАДЗЕ. Книга о братстве и
дружбе
ТАМАРА АМБАРОВА. Путешествие по городам
и дорогам республики

10

ОКТАБРЬ

1961

67.005

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-44-08

Акакий Белпашвили

Великие перспективы

Каждый день приближает нас к величайшему событию современности — XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза, на котором будет обсуждаться проект новой Программы — Программы строительства коммунистического общества.

Да, мы строим коммунизм! Мы подводим материальную базу под это светлое здание! Каждая строка проекта новой Программы волнует, изумляет, вдохновляет; каждая строка отвечает самым заветным думам и мечтам каждого советского человека. Мне хочется поделиться своими мыслями и чувствами.

Нельзя работать, не думая о тех, для кого работаешь.

Ни писатель, ни художник не станет творить, если будет знать, что никто не прочтет его книги, никто не взглянет на его холст...

Произведение литературы создается для читателей. И прежде чем в муках родить слово, фразу, писатель до мельчайших черточек представляет себе, как ее прочтет, как ее примет тот, кто раскроет его книгу.

Это давно провозглашенная и миллионы раз повторенная истина. Но я снова обращаюсь к ней потому, что сегодня мы имеем дело с особым читателем, высокие требования которого к литературе и являются основным критерием оценки произведений.

Наши читатели — советские люди, люди коммунистических бригад, цехов, заводов, маяки сельского хозяйства.

Это люди целины, которые своими трудовыми подвигами осуществили мечту народа — превратили засушливые земли в благодатные нивы. Это ученые, физики, работающие в области мирного применения атомной энергии. Это, наконец, славные космонавты нашей страны Юрий Гагарин и Герман Титов; это ученые, конструкторы, инженеры, рабочие, создавшие космический корабль «Восток». Это люди высокой культуры, широчайших интересов, люди, в характере и поступках которых все ярче проступают черты подлинно коммунистические.

Все они ждут от нас книг, рассказывающих о строителях коммунизма, людях умных, убежденных, с богатым и красивым духовным миром, книг, рассказывающих о них убедительно, увлекательно. «Нам нужны... такие талантливые, яркие книги, — говорит Н. С. Хрущев, — которыми люди зачитывались бы...» Это значит, что мы, писа-

тели, должны быть строже, во сто крат требовательнее к себе и нетерпимее к недостаткам в своем творчестве.

Герои советской литературы не раз завоевывали сердца миллионов людей. Но сейчас в произведениях наших писателей появляются герои, еще более значительные, чем, скажем, двадцать, двадцать пять лет назад.

Проект новой Программы предусматривает и немалые дальнейшие изменения в духовной жизни самих строителей коммунистического общества. В нем говорится об основных моральных чертах человека, создающего коммунистическое общество: о его преданности делу коммунизма, его любви к социалистической Родине и к странам социализма, о добровольном его труде на благо общества, о высоком сознании общественного долга, о нетерпимости к нарушениям общественных интересов, о коллективизме и товарищеской взаимопомощи, о гуманном отношении и взаимном уважении между людьми, о честности, правдивости, нравственной чистоте и скромности в общественной и личной жизни, о непримиримости к тунеядству, карьеризму, к врагам коммунизма, о революционной бдительности и о многих других моральных качествах нашего человека...

Читаешь эти строки проекта Программы и думаешь: какие большие, радостные, захватывающие дела ждут советских литераторов. И какую огромную ответственность возлагает на нас партия!

Хута Берулава

Источник радости и вдохновения

В ходе широко развернувшегося в нашей печати обсуждения проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза кто-то из писателей сравнил этот исторический документ с художественным произведением. И у меня тоже все время напрашивается, правда, более конкретное, сравнение проекта Программы с поэмой, вдохновенной поэмой о коммунизме. Я читаю и перечитываю это широкое эпическое полотно, покоренный выраженной в нем коллективной мудростью.

Вот первая часть. Она подводит итоги пройденного партией и народом пути. Знакомство с ним рождает гордость и удовлетворение и вселяет уверенность в грядущих победах. Недаром один из наших друзей, французский литератор Андре Вюрмсер, приветствуя Юрия Гагарина, сказал, что, благодаря ему, впервые за свою долгую жизнь он, член Коммунистической партии, без сожаления за потерянное время будет читать реакционную прессу, — ведь даже она вынуждена признать наши успехи. Американская газета «Ньюс», выходящая в Детройте, писала, к примеру: «Русские идут первыми... Мы сначала должны дойти до того места, где находятся русские, прежде чем сможем перегнать их».

Английский писатель Герберт Уэллс не без скептической улыбки назвал некогда Владимира Ильича Ленина за его план электрификации страны кремлевским мечтателем. Даже этот смелый фантаст не подозревал, как непосредственна и неразрывна связь космических полетов с ленинским планом.

И вот все, что когда-то казалось несбыточной мечтой, стало реальностью, нашей с вами действительностью. И наша большая мечта о светлом будущем человечества — коммунизме, так же станет явью. В этом убеждает вторая часть проекта Программы, где партией сформулированы конкретные задачи построения грядущего общества. Они рассчитаны на 20 лет. Всего через два десятилетия наше поколение будет жить при коммунизме! Вдумайтесь в значение этих слов! Они не только безмерно радуют, но и налагают на каждого советского человека огромную ответственность, так как именно трудом и усилиями каждого из нас будет построен коммунизм. А задача советских писателей — воспитать человека будущего. И на это вдохновляет нас величайший документ современности — проект Программы КПСС, в котором, наряду с программой построения коммунизма, поставлены огромные задачи и перед советской литературой. Образ строителя нового общества, человека сильного, умного, убежденного, красивого душой и деяниями, ищет своего воплощения во всем жанровом многообразии литературы. А мне он видится лирическим героем поэмы и многих, многих стихов, еще не написанных, или уже родившихся. Одно из них, посвященное строителям коммунизма, я приведу здесь целиком. Называется оно «Коммунарам, штурмующим небо»:

Скрещены,

как мечи,

свет и тень

на дорогах двадцатого века.

В наш грядущий, немеркнущий день

негасима народная вера, —

та, что учит нас

дружбу беречь,

лечит раны,

в борьбе помогает,

возвращает умолкшему речь,

свет

в потухших глазах

зажигает.

Эта вера, как воздух, нужна!

В гуле цеха,

в пустынном безлюдьи,

если трудно придется —

она

богатырские силы пробудит.

Несгибаемы наши бойцы.

Мы расскажем

далеким планетам:

умирали, не дрогнув, отцы,

завещая

грядущее

детям.

Мир—первое условие

Пересматривая свои записи за многие годы, читая часто на полуслове прерванные мысли, я вспоминаю все большие повороты жизни нашей Родины, кусочки своей биографии и судьбы многих близких и даже мало знакомых мне людей...

Советский народ повседневно живет большими свершениями, и повседневно каждому его начинанию предшествует одна самая заветная дума — о мире.

О мире мечтал измученный голодом и усталостью народ, когда свершал Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Принимая вторую Программу Коммунистической партии в 1919 году, большевики больше всего думали о мире, чтобы иметь возможность строить первое на нашей планете социалистическое государство.

На страницах записной книжки нахожу чудесные слова, взятые в кавычки. Это Алексей Толстой. Цитата из стенограммы его выступления на втором Конгрессе мира и дружбы с СССР, состоявшемся в марте 1937 года в Лондоне. «Мир — первое условие культуры. Ее семена не произрастают на почве, взрываеваемой военными снарядами, и путь человечества к расцвету и счастью не лежит по ту сторону колючей проволоки и волчьих ям...

Наши народы слишком долго жили на «краю ночи»...

Нужна была революция, чтобы народ познал страну, как свою собственность и назвал бы ее родной... Народы слишком много страдали, слишком много видели невзгод. Они знают цену миру и счастью и слишком хорошо отличают вкус кристальных вод Кастальского источника от вкуса крови».

Эти слова были произнесены в то время, когда фашизм выползал из своей норы и начинал свои «завоевания».

Алексей Толстой, написавший несколько десятилетий назад повесть «Аэлита», нисколько не сомневался, что первыми в космос полетят советские люди, для которых на свете нет ничего дороже мира. Но он, наверное, не представлял себе, что космическая трасса откроется так скоро. Во имя мира советские люди послали на разведку неизведанных миров своих лучших сынов Ю. Гагарина и Г. Титова.

Мы пережили страшную войну. Мы сполна ощутили «вкус крови». И нас ни на минуту не покидала мысль: «Наступит ли, наконец, день, когда на земле воцарится мир, свобода и счастье для всех народов».

Я читаю и перечитываю проект новой Программы КПСС и не могу сдержать волнения.

«Коммунистическая партия Советского Союза ставит следующие задачи в области международных отношений:

— использовать вместе с другими социалистическими странами, миролюбивыми государствами и народами все средства для предотвращения мировой войны и создания условий, которые дадут возможность полностью исключить войну из жизни общества»...

Полностью исключить войну из жизни общества! Разве это не извечная мечта всех людей и народов всех времен? Мечта, которая должна стать явью.

Нет цели более гуманной, более великой, чем та, которую ставит перед нами наша партия.

Только мир нужен советским людям, охваченным великим творческим созиданием.

После опубликования проекта Программы КПСС, этого величайшего документа, знамени нашей эпохи, коммунистическое общество стало еще ближе, приобрело реальные очертания.

На моей родной земле — в Юго-Осетии, как и во всей стране, все горячо одобряют проект Программы, потому что здесь воочию видят, какие блага несет с собой коммунизм.

До Советской власти осетинский народ жил в беспросветной нищете, бесправии, угнетении. При социализме он обрел крылья для взлета: бурный рост национального самосознания, гигантское развитие экономики, расцвет культуры — вот что увидите вы здесь сегодня.

Национальная ограниченность, национальные перегородки навсегда рухнули в нашей стране. История человечества еще не знала такого сближения наций, братской взаимопомощи и искренней, бескорыстной дружбы, которые стали сущностью новой общественной формации.

«Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними», — записано в проекте Программы.

Вот почему в Юго-Осетии, во всем Союзе, все горячо одобряют проект Программы, потому что она указывает новые, еще более широкие пути нашего дальнейшего развития.

Иосиф Гришашвили
народный поэт Грузии,

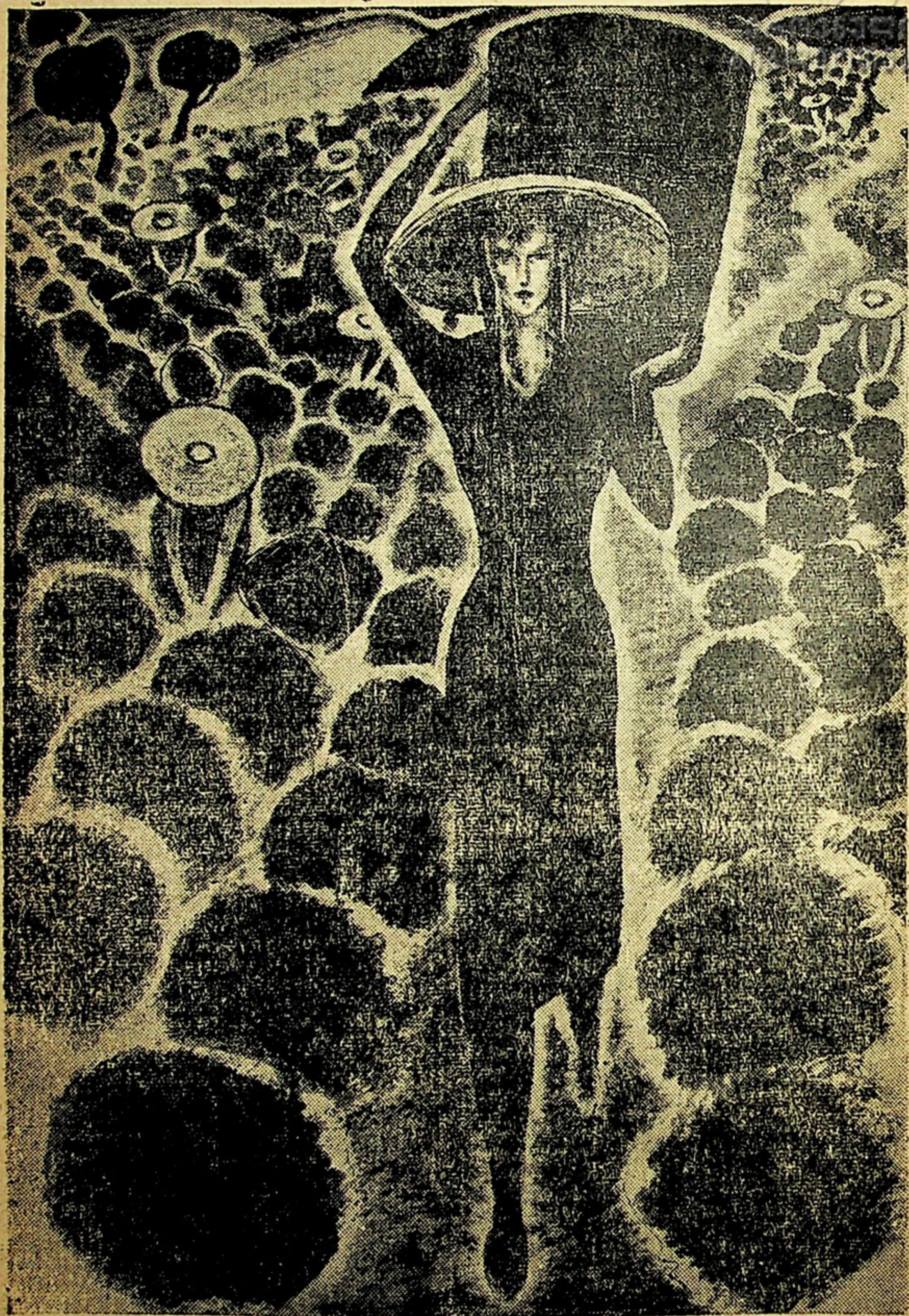
ЛЕНИН

Перевод с грузинского Г. Павловской

Он вечно жив. Лучистым, теплым взглядом
Следит за нами, мудрый и родной.
Он на трибунах съезда с нами рядом
Он и в труде, и в песне огневой.

Он — в Грузии, на Волге, в Кара-Кумах,
На мирных стройках, на полях страны.
Хранимы Партией его большие думы,
Его мечты в дела воплощены.

Григол Чиковани

Хозяйка зеленых холмов

О Ч Е Р К

Рис. Д. Нодия

Я листаю свои старые записные книжки. Беглые заметки разных лет, а за ними встают в памяти люди, простые и вместе с тем необыкновенные... Разве не во имя их написан ярчайший человеческий документ — проект новой Программы нашей партии! И невольно приходит мне на память судьба прославленного чаевода Тамары Купуния.

МУЖЧИНЫ УХОДЯТ НА ВОЙНУ

Палящий колхидский зной. Покрытая белой густой пылью дорога. По обе стороны — посеревшие от пыли чайные кусты.

По дороге быстро идет женщина. «В такую страду председатель не стал бы вызывать меня понапрасну. Наверное, какая-то беда стряслась! — взволнованно бормочет она, не замечая, что рассуждает вслух. — А может быть, с Бондо несчастье? Или с Пименом? Или в колхозе неблагополучно?.. Нет, что-то случилось, — из-за пустяка он не стал бы отрывать меня от работы»...

Председатель и раньше, в спокойные времена, никогда не вызывал Тамару с плантации или с поля во время работы; в случае нужды он сам шел к ней. Тем более теперь, когда треть ее бригады ушла в армию и женщины не справлялись с

уборкой чайного листа. Значит, не напрасно тревожится Тамара.

До колхозной конторы оставалось еще три километра. И все — в гору. А ноги уже отказывают, ноги не несут. «Господи, — мысленно молит Тамара, хотя не верит в бога, — сохрани Бондо и Пимена!»

В колхозной конторе нетерпеливо шагал по комнате худощавый мужчина с вдумчивым, суровым лицом. Другой сидел у стены на стуле; у его ног лежала модельная дорожная сумка. В руках он держал повестку из военкомата. Потом молча сложил эту бумагу, спрятал ее в нагрудный карман.

Наступила тягостная пауза, которая всегда предшествует расставанию.

В коридоре раздались быстрые шаги. Худощавый повернулся. Открылась дверь, и в комнату вошла Тамара. Трудно себе представить, что женщина, так спокойно входившая сейчас, была та же Тамара, которая несколько минут назад торопилась к председателю, такая взволнованная и встревоженная.

— Я оторвал тебя от работы, — как бы извиняясь, проговорил Антиmoz.

— Скажи, председатель, что слу-

чилось? — спросила Тамара, в голосе ее прозвучала нотка тревоги.

— Ваш бригадир на войну идет, Тамара...

Женщина вздохнула.

Еще с утра она знала, что Иона Купуня уезжает на фронт. Утром он сам обошел всех членов бригады и простился с каждым.

— Ты должна будешь заменить его, пока мы не подыщем нового бригадира, — продолжал Антимоз.

— Я?.. — только и могла вымолвить Тамара и удивленно уставилась на Иону.

Иона пожал плечами: он тут не при чем...

— Разве я в силах справиться с бригадой, Антимоз?

— «Разве я в силах», — передразнил ее председатель. — Черт бы побрал этих женщин! Почему мужчина может справиться, а женщина нет?! — Антимоз почувствовал, что порет чепуху, но, обозлившись, продолжал еще резче: — Сейчас не такое время, чтобы рассуждать — в силах мы или нет... понятно?

— Понятно, — ответила Тамара.

Тамара не обиделась. Она лучше, чем кто-либо другой, знала, что вспыльчивый и временами резкий Антимоз — добрый человек.

Что касается председателя, то он явно был недоволен собой, своей несдержанностью, тем, что так сурово обошелся с лучшей колхозницей, которую к тому же напугал неожиданным вызовом. Но вместо того, чтобы извиниться, он сухо сказал:

— Ты можешь идти!

Тамара направилась к двери.

— С бригадиром не хочешь попрощаться?

— Он еще утром простился с нами, — смущенно ответила Тамара, вернулась, подошла к бригадиру и, пожав ему руку, сказала мягко:

— Возвращайся скорее, Иона, с победой! — И в глазах ее сверкнула теплая искорка.

НА СМЕНУ ПРИХОДЯТ ЖЕНЩИНЫ

«Иона — четырнадцатый человек из нашей бригады, который уходит на фронт... — думала, выходя из конторы, Тамара. — Даже такому опытному бригадиру, как Иона, подчас трудно приходилось... А сейчас в бригаде остались почти одни женщины. Сумею ли я справиться?»

Перед глазами встала вся ее тяжелая и горестная жизнь. Детство было так коротко, так быстро кончилось, что Тамара не успела его почувствовать. Она была во втором классе, когда умер отец, оставив мать в бедности, с пятерыми детьми на руках. Ей пришлось оставить школу и помогать матери кормить семью.

...Это случилось однажды утром. Мариам полола кукурузу на поле, а младшие сестры и брат работали на кирпичном заводе. Тамара приготовилась уже пойти в школу, переступила порог, но внезапно задумалась, вернулась обратно в хижину, положила сумку на тахту, присела и долго сидела в раздумье. Взгляд ее скользнул по закопченным стенам и остановился на пустой бочке из-под кукурузной муки. Мать, сестры и брат голодными ушли на работу, и сама она шла в школу голодная — дома ничего не было, даже горсточки муки.

В школу девочка уже не пошла. Переделав, взяла прислоненную к стене дома тяжелую мотыгу и отправилась на поле.

Так началась трудовая жизнь Тамары.

И теперь, вспомнив все это, Тамара устыдилась своих слов, обращенных к Антимозу: «Смогу ли я управиться с бригадой?» Что за чепуха, почему не сможет? — разозлилась сама на себя Тамара и ускорила шаг.

НЕМНОГО О ПРОШЛОМ

Тамара быстро шла по тропинке меж чайных кустов, и воспоминания живо вставали перед ее глазами.

В труде и заботах прошли ее девичьи годы и оборвались так же внезапно и неожиданно, как ее детство. Тамара не знала, что такое отдых. Она была красива, стройна. Многие юноши в деревне теряли из-за нее покой, но у Тамары для них не было времени, пока прибывший в гости к соседу из далекой деревни юноша не похитил ее сердце. Это был Пимен Купуня из Ахалсопели Зугдидского уезда. Красивый, хорошо одетый, полный жизни и энергии парень.

Откуда могла тогда знать Тамара, что этот здоровый парень порой предпочитает мотыге веселую компанию. К старым заботам прибавились новые.

После замужества жизнь Тамары стала еще тяжелее. Там, в ее родной деревне, земля сторицей возмещала труд, а здесь, в Ахалсопели, была бесплодная красная глина — земля, которая почти не родит кукурузу — единственную кормилицу крестьянина с незапамятных времен. Есть у тебя кукуруза, значит, все есть, говорил народ, нет кукурузы — ничего нет. Ахалсопельский крестьянин потом орошал землю, но для пропитания ему никогда не хватало кукурузы. Поэтому крестьяне восемь месяцев в году занимались отхожим промыслом — уходили из деревни, чтобы где-нибудь на стороне заработать денег на кукурузу. Дома оставались только женщины и дети.

В 1928 году по деревне прошел слух, что правительство намеревается разводить в Грузии чайные плантации. Крестьянам будут всячески помогать, чтобы они на своих землях растили чай. Чай даст им такой доход, что уходить на заработки не понадобится.

Вскоре по приглашению правительства в Зугдиди прибыли английские специалисты-чаеводы. Долго изучали они земли Ахалсопели и других районов и пришли к заклю-

чению, что красная земля для разведения чайных плантаций не пригодна, что чайный куст на такой земле расти не будет.

Грузинские агрономы не поверили английским специалистам. Конечно, у них еще не было такого опыта, но они знали, что если внести в их красную глину минеральные удобрения, то на этой удобренной почве чайный куст будет великолепно расти.

Правительство создавало все условия, чтобы крестьяне занялись культурой чая, но многих одолевали сомнения — пригодна ли грузинская земля для выращивания чайного листа. С этими настроениями надо было вести решительную борьбу.

Эта борьба была нелегка. Крестьянину нужен прежде всего хлеб, а хлеба у него не было. Как же мог он решиться разводить культуру, которая даст урожай только через несколько лет? Кроме того, разведение чая было весьма трудоемким делом.

Вот почему только немногие решительные люди могли на первых порах отважиться на такое, как им казалось, рискованное дело, как разведение чайного куста. К таким немногим в первую очередь надо отнести Капитона Кутелия — человека «ненасытного в труде», каким его считали в деревне. Он оказался первым среди новаторов сельского хозяйства.

Скептическое отношение к разведению чая постепенно рассеивалось. Этому способствовала помощь Советского правительства: всем пионерам разведения новой для Грузии сельскохозяйственной культуры государство отпускало на льготных условиях кукурузу, сахар, ткани, им выдавали также денежные ссуды.

Тридцатые годы, как известно, ознаменовались в деревне поворотом к коллективизации сельского хозяйства. Все больше и больше крестьян вступало в колхозы. В то же время усилилась активность кулачества, которое всяче-

ски противодействовало новому движению.

— Обмануло вас правительство, — шипели кулаки. — На 45 сантиметров заставили вас вскопать землю. На такую глубину могилу копают. Эх вы, несчастные!

ПЕРВЫЕ ТЕРНИИ

Вскоре Тамара вступила в колхоз. Ни днем, ни ночью не знала она покоя. Престарелые родители Пимена заболели, Тамара ухаживала за ними, ухаживала за своим маленьким сыном Бондо, выполняла обязанности хозяйки дома и в то же время работала без устали на чайной плантации. Не потому, что была больше предана колхозному делу, чем ее подруги. Ей трудно было и кормить родителей мужа, и помогать своей матери и сестрам, и вкладывать всю силу и энергию в любимую работу.

Тамаре не хватало на жизнь того, что она получала от колхоза в виде трудодней. «Почему? — часто задумывалась она. — Разве я мало работаю?.. Почему же другие зарабатывают больше, чем я?» И тут она обнаружила, что ее подруги работают недостаточно добросовестно. Они меньше всего думают об уходе за чайным кустом и больше всего о том, как бы скорее убрать лист. Только бы собрать побольше и побольше денег получить. А дошел ли лист, который они срывают, созрел ли он — им и горя мало, и собирают незрелый лист. Все это Тамара наблюдала с огорчением, видела, что не соблюдаются и другие правила сбора чайного листа. При правильном срыве флешей на побеге должны остаться два нижних листа. Через несколько дней в оставшихся листах вырастают новые флешы. Таким образом на протяжении всей вегетации с одного побега лист собирают несколько раз. «Ура-сборщицы» обрывали на побеге все пять листов, и на нем уже не могла вырасти новая флешь.

Такая уборка сокращала урожай чайного листа в десять раз, в такой же мере сокращались доходы колхоза, и только сборщицы набивали свои карманы. Личные интересы торжествовали, а общественное, колхозное дело страдало. И что самое удивительное в этом деле — об «ура-сборщицах», бивших количеством в ущерб качеству, писали в газетах, их расхваливали на все лады, окрестили ударницами, помещали их портреты.

«Нет, так не может продолжаться, — с тревогой думала Тамара. — Так можно погубить не одну плантацию».

Тамара долго переживала молча, но однажды не выдержала и выложила все своим подругам. А те подняли ее на смех:

— Я буду ухаживать за плантацией, перекопаю землю, взрыхлю, вовремя внесу удобрения, вовремя прополю, — говорила одна из них, — пролью кровь и пот, а потом придет другая и очистит куст, за которым я ухаживала?! Что это за расчет? На что мне это нужно?

— Одному слава, честь и награда, — вспыхнула другая, — а мне — честный труд и голодный желудок? Нет, если ты хочешь так работать, работай, а я не намерена.

Долго еще звучали взволнованные голоса, долго женщины выкладывали свои мысли о противоречиях между личным и общественным интересами.

Тамара внутренне была убеждена в своей правоте, но как убедить в этом подруг?

Вскоре вернулся домой Пимен, как всегда, без гроша, беспечный, как младенец. Тамара поделилась с ним своими мыслями.

— Работай так, как работают другие, — посоветовал ей Пимен то же, что подруги. — Тоже мне честная нашлась! Мы жить хотим. Видишь, у меня ничего нет. Я гол и бос.

— Так жить нельзя, Пимен, —

вспыхнула Тамара, раздраженная упреком мужа.

— Другой жизни я не знаю и знать не хочу, — грубо ответил Пимен. — Вот твои подруги работают так, как лучше им, их семьям.

— Неправда, — прервала его Тамара, от волнения изменившаяся в лице. Пимен с удивлением смотрел на нее. — Если бы они работали честно, если бы ухаживали за колхозной плантацией, как за своей...

И вдруг Тамара почувствовала, что нашла то, что искала. Как за своей, да, своей, — в этом суть, в этом все дело.

И решила на другой же день поделиться своими мыслями с председателем сельсовета — Антимозом Рогава.

ОБЕЗЛИЧКЕ ОБЪЯВЛЕНА ВОЙНА

Антимоза Рогава в деревне все любили. Он знал нужды каждой семьи, каждого колхозника и всегда был готов помочь односельчанам в любой беде.

Тамара подробно рассказала ему о вреде, который наносится плантациям неправильным сбором чайного листа, и высказала свои соображения о том, как помочь делу:

— За каждым колхозником надо закрепить участок. Каждый чаевод сам будет ухаживать за своим участком и отвечать за свою работу. Тогда никто не станет нарушать агротехнических правил, все будут беречь кусты, холить и лелеять свой участок. Тогда и выяснится, кто как работает.

Все это Тамара, конечно, могла бы внести в виде своего предложения на обсуждение общего собрания колхозников, но она не была уверена, что ее голос будет достаточно убедительным для чаеводов. Другое дело, если это предложение будет внесено председателем сельсовета, — Антимозу все поверят.

Однако на деле вышло иначе. Когда председатель сельсовета ознако-

мил общее собрание с предложением Тамары, оно не всем пришлось по вкусу. Многие остались недовольны председателем. Люди, которые никогда раньше ему не перечили, сейчас стали возражать. Некоторые даже упрекнули его в том, что он вмешивается в дела колхоза, у которого есть своя голова, свой председатель.

Против закрепления участков выступили те «ударники», которые ради собственной выгоды пренебрегали правилами сбора чайного листа. Выступили они под маской защитников коллективного труда, поборников соблюдения колхозного устава, который якобы нарушается закреплением участков за отдельными колхозниками.

Вскоре ахалсопельские колхозники избрали Антимоза своим председателем, и тогда ему стало легче исправлять недостатки в работе артели.

Ни Тамара Купуня, ни Антимоз Рогава сами тогда не подозревали, какую огромную пользу принесет закрепление участков, насколько это нововведение, ликвидируя обезличку, поднимет творческую инициативу колхозников, увеличит стоимость трудодня.

Если раньше большинство чаеводов думали только о том, как бы собрать побольше листа, не заботясь о качестве работы (и это наносило плантации колоссальный ущерб), то сейчас все свое внимание они перенесли на уход за каждым чайным кустом.

Индивидуальное закрепление участков по инициативе Тамары Купуня и Антимоза Рогава показывало, как своевременны и жизненны были мероприятия партии и правительства, направленные на искоренение обезлички во всех сферах хозяйственной деятельности.

ПЕРВЫЙ РЕКОРД

Колхозники сами определяли размер закрепляемой за ними площади. На чайных плантациях работа-

ли преимущественно женщины, но ни одна из них, кроме Тамары Купуния, не решилась закрепить за собой больше половины или трети гектара. Тамара же взяла на себя целый гектар.

Все были поражены:

— Как она справится с таким большим участком? У нее в семье нет никого, кто бы ей помог! Не может же она положиться на Пимена!

— Все от спеси!

— Если женщина вошла в раж, то и десять пар волов ее не остановят,—говорили соседки про Тамару Купуния.

И действительно, Тамара «вошла в раж». Не жалея сил, ухаживала она за своим участком, точно выполняя все агротехнические требования. Всюду успевала, все делала на совесть. Дочь крестьянина, она с малых лет трудилась на помещичьей земле, выращивая урожай для помещика. А теперь она, крестьянская дочь, работала на себя, на свой колхоз, и это придавало ей силу.

Тамара взяла себе плантацию в один гектар. В то время это казалось невиданной смелостью.

— Посмотрим, как она выкрутится, как ухитрится собрать такое количество листа! — судачили колхозницы.

А завистницы заранее пророчили ей провал.

В то время дневная норма сбора была восемь-десять килограммов. Во всем колхозе лучшей сборщицей считалась полная сил и энергии восемнадцатилетняя Гугу Купуния. С площади в полгектара она собирала в день 50 килограммов чайного листа.

«Если Гугу собирает пятьдесят килограммов листа, нельзя разве мне повторить этот рекорд, а затем превзойти его, — думала Тамара. — Но как?» И этот вопрос не давал ей покоя.

Было распространено мнение, что сборщицы чайного листа работают обеими руками. Долгое и тщательное наблюдение убедило Тамару,

что в действительности дело обстоит не совсем так. В самом деле сборщицы сначала рвали лист одной рукой, а потом другой. Сразу, одновременно, обе руки в работе не участвовали. А между тем, сколько времени можно было бы сберечь при одновременной работе обеими руками!

Тамара начала упражняться. В первые дни у нее ничего не получалось, выходило так, словно она пробует писать обеими руками одновременно. Но постепенно, день за днем она добивалась своего. Постепенно она приучила свои пальцы к одновременным движениям. Ей удалось собрать сперва в день на килограмм больше обычного, затем на два килограмма и наконец наступил день, когда Тамара сдала бригадиру Ионе Купуния пятьдесят пять килограммов, то есть превысила рекорд лучшей сборщицы Гугу Купуния на целых пять килограммов.

Это была большая победа.

Вскоре вся бригада собирала лист одновременно обеими руками. Для изучения нового способа к Тамаре приходили люди из других бригад, потом стали приезжать из соседних колхозов. Способ Тамары стал известен всему району, всей Грузии.

Это нововведение сыграло огромную роль в чайном хозяйстве страны. Сбор чайного листа значительно увеличился. Намного увеличилась и стоимость трудодня чаевода. Тамара заслужила благодарность и всеобщее уважение чаеводов.

ТАМАРА ПРОДОЛЖАЕТ СВОИ НОВАТОРСКИЕ ПОИСКИ

А у Тамары новые заботы, новые думы. Кусты на молодых плантациях низкие, сборщицы в три погибели гнутся, чтобы дотянуться до листа. Сперва сгибаются почти до самой земли, потом разгибаются, чтобы перейти к следующему кусту... Это очень утомительно и отнимает у сборщицы много времени.

Как-то вечером, возвращаясь с работы, женщины увидели на плантации нечто необычное: Тамара Купуня стояла на коленях у чайного куста. «Что с ней приключилось», — забеспокоились они. Им показалось, что Тамара молится. Женщины крадучись подошли ближе. Стоя на коленях, Тамара собирала чайный лист с низкорослых кустов.

«Так вот оно что — опять новинка!»

Тамара повернулась к подругам, увидела их удивленные лица и улыбнулась. Ее загорелое лицо выглядело усталым. Видно, нелегко ей было собирать лист, стоя на коленях.

— Я убедилась в том, — сказала она, — что так гораздо быстрее и больше собираю с этих кустов. Вы сами знаете, какое сейчас время. Мы ни труда, ни сил своих не пожалеем для того, чтобы приблизить час победы!

— На коленях?! — изумлялись подруги.

— Да, на коленях. Зато я не наклоняюсь до земли, не трачу времени на то, чтобы нагибаться и выпрямляться. Меньше времени я трачу и на переход от куста к кусту. Правда, так работать труднее, но время! Надо же знать цену времени...

Прошло несколько недель, никто уже не считал зазорным собирать лист, стоя на коленях, и сборщицы добились хороших результатов: они уставали меньше, а листа собирали гораздо больше прежнего. В благодарность за ее инициативу они решили выдвинуть Тамару в звеньевые.

— Зачем? У нас же есть звеньевой! — удивилась Тамара.

— Есть, да не такой, как ты, — сказала Оля Купуня. Подруги ее поддержали, и звеньевого Платона Макацария заменили Тамарой Купуня.

В то время агрономов—специалистов по субтропическим культурам в

Грузии можно было пересчитать по пальцам. Весь Зугдидский район имел только одного агронома, с которым молодой чаевод мог бы посоветоваться. В Ахалсопельском колхозе не было не только агронома, но даже агротехника. Поэтому все обращались за советом к Тамаре. «Я сама слишком мало знаю, чтобы советовать другим», — думала Тамара. Она ведь и двух классов не успела закончить, а все, что знала, приобрела на практике, работая на плантациях.

Для содействия развитию субтропических культур в совхозах и колхозах Грузии начали организовывать научно-исследовательские субтропические институты. В Тбилиси при сельскохозяйственном институте открылся факультет субтропических и технических культур. Специальные техникумы и лаборатории создавались в центрах субтропических районов и даже в отдельных селах.

За очень короткий срок — в несколько лет — государство подготовило столько агрономов и агротехников, что их было достаточно для обслуживания двадцати шести районов Грузии, в которых разведение чая стало основной и ведущей отраслью сельского хозяйства.

Бок о бок с чаеводами встали агрономы и агротехники, наука и техника. Но самый большой толчок быстрому развитию чайного хозяйства дало закрепление участков за колхозниками, установление такой системы оплаты труда, при которой доход колхозника зависел от его личной инициативы, трудолюбия. Кроме того, государство в целях поощрения колхозников установило новые прогрессивно-премиальные нормы оплаты труда чаеводов; если колхозник собирал на гектаре земли больше среднего урожая, то есть больше трех тонн, ему за каждую лишнюю тонну листа выплачивалось 40 процентов премиальных.

Так были даны материальные стимулы для развития чайного хо

зьяйства, а также для дальнейшего роста колхозного движения. Все больше крестьян-единоличников устремлялось в колхозы.

Грузинские чаеводы и ученые на практике доказали, что именно красный глинозем был той почвой, на которой лучше других произрастает чай, дает обильный урожай при высоком качестве продукции. Они были правы, когда не поверили английским ученым, опорочившим в свое время красный глинозем. Правы были и два французских садовника, которые сто лет назад, проезжая через Грузию и направляясь в Тегеран по приглашению иранского шаха, обратили внимание на грузинские почвы. На французов неизгладимое впечатление произвели природа и земля Грузии. Один садовод нагнулся, взял горсть земли и восторженно сказал: «Знаете, одна горсть этой земли в Париже стоила бы 20 франков. Это не земля, а шоколад. О, какие камелии можно было бы вырастить на такой почве! Как жаль, что такое богатство находится в руках людей, не знающих, как его использовать!».

Французские садоводы были правы в оценке качеств грузинской земли, но они ошиблись в оценке грузинского народа. Не знали французские садоводы, что грузины издавна славятся как мастера земледелия, что само название страны — «Геоργия» (Грузия) означает «страна земледельцев».

ТАМАРА КУПУНИЯ ВЕДЕТ ЗВЕНО

После того, как Тамару избрали звеньевой, она не переставала думать о том, как бы лучше организовать работу в звене, чтобы оправдать доверие товарищей.

И она стала внимательно присматриваться к работе каждого члена звена.

Вот Лили Ревия собирает с гектара в среднем пять тонн листа. А по-

чему Елена Какулия или Татуша Беришвили намного от нее отстают? Разве они не так же молоды и сильны, как Лили? Нет, дело в том, что Лили Ревия работает добросовестно, с душой, а Елена и Татуша равнодушны к своей работе, иногда приходят на плантацию с опозданием, иногда совсем не выходят, плохо ухаживают за кустами, запаздывают с прополкой, не вносят вовремя удобрений.

Однажды Елена Какулия по своему обыкновению вышла на работу с опозданием. На своем участке она увидела склонившуюся над чайным кустом Тамару.

Елена, было, поразились, но, взглянув в глаза Тамаре, сразу поняла, в чем дело.

Тамара все же ей сказала:

— Ты же знаешь, Елена, опоздание даже на несколько часов делает лист грубым. Этого я допустить не могу, не стану я обманывать ни звена, ни колхоза. Лучше вместо тебя поработаю...

Елена покраснела и ничего не смогла сказать в ответ. На другой день она вышла на плантацию раньше всех.

Тамара заметила, что состояние плантации зависит не только от того, как за ней ухаживают, но и от того, где она расположена. Если участок расположен на возвышенности, кусты вырастают здоровыми, дают высокий урожай, цвет листа темно-зеленый. Если же участок расположен в низине, куст будет малоурожайным, цвет листа — желтым. Это происходит потому, что в низине кусту не хватает питания, здесь необходимо внести в почву минеральные удобрения. Но тогда минеральных удобрений было мало, да и дозировки их хорошо не знали.

Тамара обратилась за помощью к Зугдидскому исследовательскому институту чая и субтропических культур. С этого времени между институтом и звеном Тамары устано-

вилась тесная связь. Звено легко усвоило правила дозировки минеральных удобрений. После введения удобрений плантация, разбитая в низине, быстро поправлялась, лист терял желтизну, становился таким же темно-зеленым, как листья кустов, растущих на возвышенности. Это был большой успех звена Тамары.

ТАМАРА ВНОСИТ ПОПРАВКУ В АГРОТЕХНИКУ

Помогая своей консультацией Тамаре, институт в то же время сам многому учился у нее, у ее звена, перенимая их опыт. Раньше, например, чайные плантации перекапывались обычной лопатой. После перекопки чайный куст поникал и начинал вянуть. Это все замечали, но причины не знали.

Однажды, перекапывая свой участок, Тамара заметила, что лопата задела корни чайного куста и повредила их. Тамара задумалась, прервала работу и в перекопанных грядках по одному осмотрела каждый корень. Все корни оказались поврежденными лопатой.

— Так вот в чем причина увядания куста! — Тамара хотела было тут же поделиться своим открытием с научным сотрудником института Нино Дгебуадзе. Но воздержалась: надо еще раз проверить.

На следующий день Тамара продолжила перекопку, но уже не обычной лопатой, а укороченной наполовину. Так перекопала она большую часть своего участка. И что же? В перекопанных таким образом грядках ни один куст не завял. Здесь рано началась вегетация, тогда как завядшие кусты опоздали с вегетацией и дали низкий урожай.

Радость Тамары не знала границ, но она не спешила поделиться ею с другими. Когда на следующий год настало время перекопки плантаций, Тамара раздала членам своей бригады лопаты, укороченные по

сравнению с прежними. Ее подруги даже не выразили удивления: знали, что их звеньевая хитра на выдумки. И верили ей.

В колхозе в тот день только и было разговоров, что об этом эпизоде с лопатами. Иные пытались зубоскалить, говорили, что Тамара слишком мудрит. Но когда дело дошло до сбора урожая и все узнали, что в звене Тамары собрано листа больше, чем во всех других звеньях, зубоскалы и скептики прикусили языки. И вскоре укороченная лопата, или, как ее теперь называли, лопата Тамары, получила общее признание...

Вот какие воспоминания пронеслись у Тамары в голове, когда она возвращалась на плантацию из конторы, взволнованная и смущенная своим новым назначением.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Тамара все ближе подходила к плантации. Ей не терпелось поговорить и посоветоваться с друзьями. В ней все больше крепла уверенность, что она не осрамится, как не осрамилась тогда, когда ее выбрали звеньевой. Правда, тогда было мирное время, а сейчас война! Ну и что же? Значит, придется работать больше и лучше, — успокаивала она себя.

В бригаде никто не удивился ее назначению.

— Кого же, как не тебя, должны были поставить бригадиром?

— Наш председатель не ошибается!

— Не бойся, Тамара, мы все тебя поддержим, — ободряли ее члены бригады.

Но давать обещания было легко, а выполнить их оказалось труднее. Многим женщинам не на кого было оставить маленьких детей, и они не могли выходить на работу. Вынуждена была бросить работу и одна из лучших сборщиц чая Оля Купуния — ей не на кого было оставлять своих четверых малолетних детей.

Это был тот тяжелый год, когда фашистские орды продвигались вперед на фронтах. Зерна не хватало, кукуруза продавалась стаканами. Если колхозника оторвать от сбора чайного листа, лист погибнет, не прополоть кукурузу — кукуруза погибнет.

Тамара была между двух огней.

Кроме мужчин, ушедших на фронт, бригада лишилась и многих женщин.

«Зря мы на себя понадеялись! — убивались женщины. — Не хватает у нас сил работать и за себя и за ушедших на фронт мужчин... Не справимся мы...».

Тамаре казалось, что все только о ней и говорят, все над ней смеются.

И действительно, как-то в последних числах июня над головой Тамары разразилась гроза: ее высмеяли... И кто же? Сам председатель Антимоз Рогава, тот, кто назначил ее бригадиром, на чью помощь и защиту она надеялась.

На общем собрании под председательством Антимоза бригадиры отчитывались перед колхозниками в своей работе за последние три дня. Ни в одной бригаде не справлялись с работой — со сбором чайного листа, с прополкой, с выкормкой шелкопряда.

Это не удивляло председателя. Большого он не мог ожидать от бригад, где осталось так мало людей. В глубине души он был доволен и тем, что они успевали сделать.

«Нужно время, чтобы освоиться в новых, трудных условиях. Не могут же они сразу научиться за десятилетия работать. Еще месяц назад никто бы не поверил, что эти женщины сумеют так много сделать!» — думал про себя Антимоз, но лицо его не меняло сурового и строгого выражения, а с языка его срывались совсем другие слова:

— А ну-ка, пожалуйста сюда, бригадир! — насмешливо и сухо обратился он к Тамаре. — Расска-

жите, какие вы там развели цветочные клумбы?

Тамара вспыхнула, поняв, что под клумбами председатель подразумевает сорняки на ее кукурузном поле.

— Знаю, что ты ответишь, — в упор глядя на растерявшуюся женщину, продолжал Антимоз, — не хватает рабочих рук... «Своими женскими силами мы делаем более чем достаточно, больше мы не можем...» Ты ведь это собираешься сказать?

— Нет! — отвечала Тамара. — Нет, я не это собираюсь сказать. Я хочу сказать, что мы работаем не так, как нужно, как сейчас нужно. Нельзя теперь работать так, как мы до сих пор работали.

Всегда мягкая и обходительная, она говорила сейчас резко и сурово.

— Ну так расскажи, что ты предлагаешь, как ты собираешься перестроить работу? Мы слушаем! — с интересом взглянул на нее председатель.

— Я этого еще не знаю... И никто не знает... И ты не знаешь... Но работать так больше нельзя.

«Она права, Тамара, сам-то я чем ей помог? Завтра в райкоме со мной могут говорить таким же языком, каким сегодня я с ней говорю. Я понимаю, что так не может продолжаться, но... как, я и сам не знаю...» — думал про себя Антимоз, а вслух сказал:

— Нам некогда ждать. Даю тебе три дня на прощанье. За это время кукуруза должна быть прополота... Понятно?

— Понятно, — глухо ответила Тамара.

НЕОЖИДАННЫЕ ПОМОЩНИКИ

В этот день с собрания разошлись поздно. Была уже темная ночь. Тамара шла одна по проселочной дороге, в глазах ее стояли слезы.

Где-то совсем близко завыл шакал. Кто-то перебежал дорогу и скрылся в кустах. От страха у Та-

мары захватило дыхание. В полной тьме, ничего не видя перед собой, она побежала и вдруг остановилась, забыла свой страх. Мысль лихорадочно работала, ища выхода: как, каким образом... за три дня... двадцать пять гектаров...

Впереди слышались чьи-то голоса. Тамара узнала учительниц. Они стояли на дороге у ворот. Их было трое. Тамаре не хотелось останавливаться, но обойти их было невозможно. Она вытерла слезы, подошла к ним и рассказала про свое горе. Учительницы задумались. Им хотелось помочь ей, указать выход, но какой?

— Возьмите мотыги и давайте полоть с нами! — неожиданно вырвалось у Тамары. Она сама удивилась своей смелости, но решила не отступать. «А почему бы и нет? В такое время все, все мы обязаны делать все возможное...»

— Ты это хорошо сказала, Тамара, — одобрила ее предложение одна из учительниц, — но днем мы заняты на уроках.

— После уроков, — быстро сказала Тамара, боясь, что те передумают.

— Мы согласны, — сказала другая. — Завтра поговорим и с остальными.

— Нет, не завтра, я сама это сделаю сегодня же ночью, — сказала Тамара.

— Мы тебя проводим.

— Уже очень поздно, вам надо выспаться, — отказалась Тамара.

В селе было двенадцать учителей и учительниц. Если каждый из них выйдет работать в поле после занятий, то за три дня бригада сможет управиться с прополкой.

В ту же ночь Тамара обошла всех учителей, хотя они жили далеко друг от друга. Уже стало светать, она едва держалась на ногах, но чувствовала себя счастливой. Все приняли ее предложение. Ей очень хотелось зайти домой и хоть часок поспать, но у нее уже не оставалось времени: ей надо было раздобыть мотыги для учителей.

«Молодец, нашла-таки выход из положения, — думал обрадованный председатель. — Здорово она придумала... Если учителя вышли на прополку, почему не могут помочь нам и ученики? Мальчики на прополке, девочки на сборе листа... Вот как надо перестраиваться сейчас! А она говорила, что не знает, как сейчас работать... Это я не знаю, ты, оказывается, знаешь, Тамара!»

Бригада Тамары, единственная в колхозе, прополола кукурузу за три дня.

Хорошее дело некоторых радует, а у некоторых вызывает зависть.

И у Тамары появился завистник. Звеньевой третьей бригады Петре Рогава в тот день заявил в правлении, что бригада Тамары не закончила прополку и представила ложные сведения.

Тамара узнала об этом только вечером, обиделась, но ничего не сказала Петре Рогава. На другое утро, увидев его на своем поле, нахмурилась. Петре проверял, не наговорил ли он на Тамару.

— Что ты здесь делаешь, Петре? — спросила спокойно Тамара, неожиданно подойдя к нему.

Попав в неловкое положение, Петре растерялся:

— Я шел в свою бригаду, Тамара, и заблудился...

Тамара улыбнулась:

— Нет, Петре, ты не заблудился...

Тамара видела, что он смущен и пристыжен и решила не углублять дальше этот неприятный для него инцидент. Она была в прекрасном настроении: поле выглядело хорошо. Урожай кукурузы обещал быть высоким. Но чайная плантация? Тамара направилась к ней.

Уже рассвело. Земля была покрыта обильной росой — в косых лучах восходящего солнца изумрудами сверкали бусинки росы на чайных кустах, деревьях, заборах.

Тамара быстрым шагом шла между высокими стеблями кукурузы. Платье ее намокло от росы, роса

умыла ей лицо, роса сверкала на ее ресницах. В это утро она выглядела моложе своих лет.

Тамара торопилась на плантацию. Здесь положение было трудное. Чайный лист шел волнами. Его не успевали убирать. Школьники помогали бригаде, но этого было мало. Нужны были детские ясли, чтобы освободить матерей от ухода за грудными детьми.

О строительстве дома для детских яслей нечего было и думать. Тогда Тамара решила устроить ясли в домах престарелых женщин, уже давно не выходявших на работу. Но за детьми-то они сумеют присмотреть!

Так она и сделала. Ясли были созданы, и в бригаду вернулись передовые чаеводы — Оля Купунья, Лили Ревия и другие.

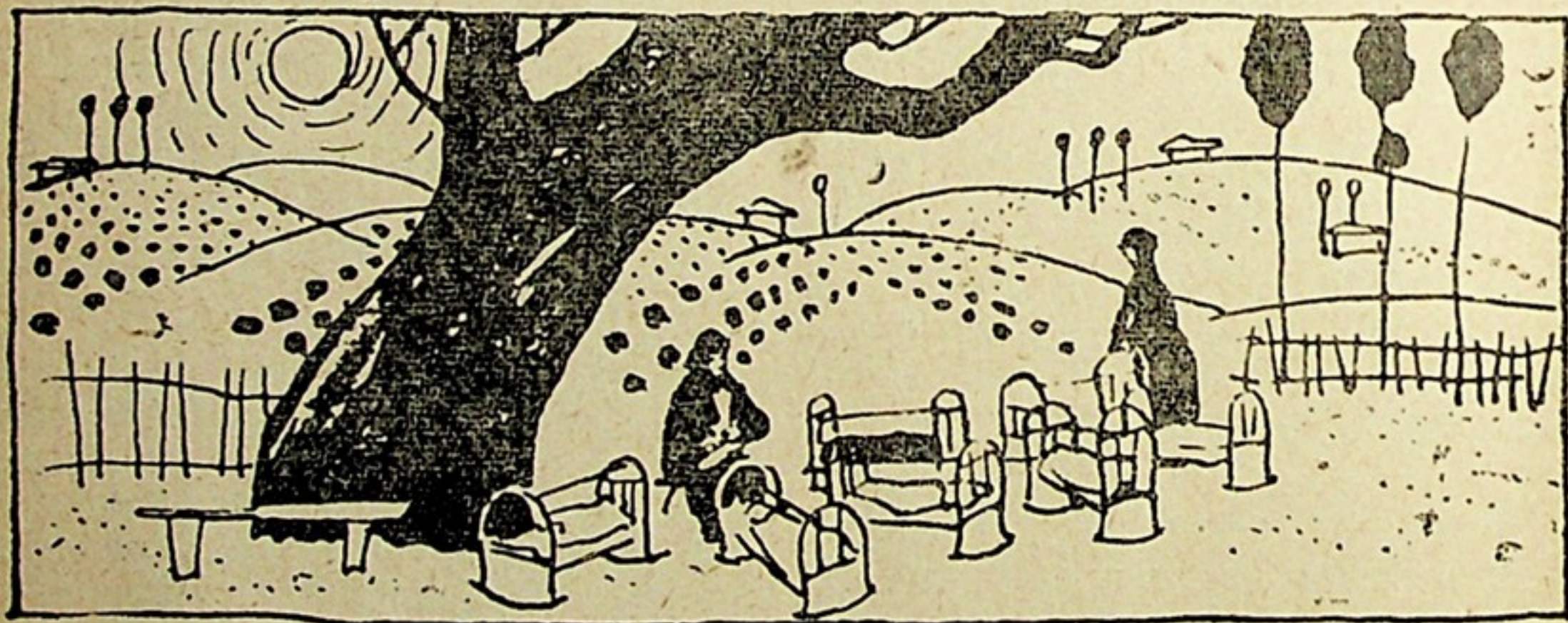
Почину Тамары последовали и другие бригады. Теперь часто можно было увидеть детские люльки, стоящие во дворах рядами в тени густых деревьев. Эти своеобразные ясли да-

курузу в контору поздно ночью. Ее было слишком мало, чтобы удовлетворить всех. Тамара добилась, чтобы полпуда зерна было выделено для Оли Купунья, которой надо было прокормить четырех малолетних детей и двух беспомощных стариков.

Лил проливной дождь. У Тамары не было с собой мешка. Не задумываясь, она смастерила из своей юбки мешок, ссыпала туда кукурузное зерно, перекинула самодельный мешок через плечо и понесла его темной ночью, в дождь, к Оле Купунья, жившей за три километра от конторы. Перед ее глазами стоял образ голодных детей и стариков, озабоченное, скорбное лицо Оли.

До глубины души тронул Олю этот самоотверженный поступок бригадира. Как и чем она может отблагодарить Тамару? И Оля Купунья придумала.

До войны Оля собирала пятьдесят килограммов чайного листа, а

ли возможность вернуть на работу многих женщин, ранее занятых уходом за детьми.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Тамару интересовала не только работа членов ее бригады, но и условия жизни каждого из них. У многих колхозников не хватало кукурузы. Как-то председателю удалось занять у соседнего колхоза двести килограммов кукурузы. Привезли ку-

сейчас она собирала сто пятьдесят. Всему есть предел, но кто сказал, что сто пятьдесят килограммов — это предел?

...Поздней ночью Тамара сидела на своем балконе. Внезапно ее внимание привлекли два слабых, едва заметных огонька. Свет мерцал издалека, как будто с плантации ее бригады. Что бы это могло означать?

Ночь была облачная. Вокруг царило спокойствие, и трудно бы-

ло себе представить, что где-то гремят орудия, грохочут танки, горят города и села, льется человеческая кровь...

И снова ее внимание привлекли огоньки на чайной плантации. «Да ведь это же Олина плантация!» — внезапно сообразила Тамара.

Она вскочила, закрыла дверь комнаты, тихо сошла с лестницы и направилась на свет мелькавших вдали огней.

Вот она уже совсем близко, и ее первоначальный испуг сменяется удивлением: Оля Купунья при свете двух площадок собирает чайный лист.

— Оля, — тихо произнесла Тамара, чтоб не испугать ее.

Мгновение подруги стояли, не сводя глаз друг с друга, потом Тамара бросилась к ней, обняла, поцеловала, и обе заплакали.

После этой ночи во всем колхозе женщины стали убирать чайный лист во всякое время дня и ночи, и на ветру, и под дождем.

В тот год бригада Тамары и чай убирать успела, и получила богатый урожай кукурузы. Ее бригада заняла первое место в колхозе.

ЗИМА КОРМИТ ЛЕТО

Есть такая поговорка: лето кормит зиму. Тамара как-то во время зимних работ сказала: зима кормит лето, и у чаеводов это стало поговоркой.

На чайных плантациях зимние работы закладывают основу будущего урожая. Если своевременно и хорошо провести зимние работы, то урожай чая можно удвоить. К этому выводу Тамара пришла в результате многолетних наблюдений.

Война с каждым годом ставила перед работниками сельского хозяйства все более ответственные задачи. Требовалось больше зерна, больше мяса, больше хлопка, больше чая. Нужно было расширять площади под посевами и плантациями. Но рабочих рук в колхозах становилось все меньше.

Сократился состав и Тамариной бригады. Она не могла рассчитывать на расширение плантации, на прирезку новой земли для посевов, оставался только один путь — получать от земли как можно больше. К этому надо было готовиться зимой.

— Зимой хотя бы дала нам передохнуть, — бывало, скажет Тамаре измученная трудом женщина.

Тамара освобождала ее от работы и брала на себя дополнительную нагрузку.

Осенью 1943 года, как только закончилась уборка чайного листа, бригада Тамары приступила к зимним работам. Это был целый комплекс агротехнических мероприятий: фумигация, внесение минеральных удобрений (их приходилось привозить на арбах, в тачках, а нередко таскать на спине), прополка, дренаж почвы, подрезка кустов, мотыжение, рыхление...

Все эти работы были закончены в конце января.

И труд был вознагражден: урожаем чайного листа в том году превзошел все ожидания. На тех участках, где год назад собирали четыре-пять тонн чайного листа, теперь собрали по семи тонн.

После этого в колхозе взяли за правило как можно раньше проводить зимние работы на чайных плантациях. Особенно следила за этим Тамара, и плантация ее бригады была первой по урожайности чайного листа.

Да, в чайном хозяйстве зима стала кормить лето.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИОНЫ КУПУНЯ

Кончилась война.

Многие из ахалсопельцев не вернулись домой — пали смертью храбрых на полях сражений.

Одним из первых с войны вернулся Иона Купунья.

Он прибыл днем, когда вся деревня находилась на плантациях и в по-

ле. Дома оставались только глубокие старики и дети. Стояла летняя жара: село казалось вымершим.

Он увидел стоявший на окраине дом. Двери закрыты. Дом наклонился на бок, лестница разрушена, драпка содрана. Видать, он заброшен хозяйкой.

«Что же делается в моем доме!» — подумал Иона. Будучи на фронте, он узнал, что его жена вышла замуж за другого. Тогда он послал Тамаре письмо с просьбой присмотреть за детьми. Иона не решился пойти домой и направился в контору колхоза.

В конторе никого не оказалось — ни бухгалтера, ни счетовода, ни даже сторожа. Дверь в комнату председателя была приоткрыта.

Антимоз ходил по комнате, как тогда, пять лет назад, в день отъезда Ионы на фронт. Такая же была тишина, такая же жара, так же, как и тогда, открыто было окно, словно здесь ничего не изменилось за долгие годы войны.

Антимоз подошел и протянул ему руку:

— Поздравляю с возвращением, — сказал он по своему обыкновению коротко и сухо, — садись!

Иона снял с плеч свой вещевой мешок, пронесенный им по длинным дорогам войны, и сложил его у ног.

Иона еще не успел произнести ни слова, как в коридоре послышались торопливые шаги. Вскоре дверь открылась, и в комнату вошла Тамара. Кто-то увидел шедшего по дороге Иону и сообщил Тамаре, и вот она уже быстро входит в комнату.

— Как дети, Тамара? — спрашивает Иона, даже не здороваясь.

На стене в деревянных рамках висели увеличенные фотографии лучших чаеводов: Тамары Купунья, Лили Ревия, Веры Ломая, Любы Сахокия...

Иона узнал всех, за исключением одной. Подошел ближе и остановил-

ся в изумлении. Он прочел подпись под портретом:

Дадали Купунья собирает в день 200 килограммов чайного листа.

— Моя Дадали, дочь моя! — Иона долго стоял спиной к Антимозу и Тамаре, чтобы они не увидели слез радости на его глазах. Потом заспешил домой.

Тамара шла впереди, Иона — немного позади, сбоку поглядывая на нее. Тамара рассказывала ему о своей бригаде. Рассказывала так просто, как будто ничего особенного не произошло за годы его отсутствия. А между тем все, о чем рассказывала Тамара, как о будничных делах колхоза, все факты, которые она приводила, цифры, которые она называла, — все это поражало воображение, звучало для Ионы новой, никогда ранее не слышанной музыкой.

Если до войны сборщица в среднем собирала в день тридцать-сорок килограммов чайного листа, то теперь Оля Купунья, Лили Ревия, Вера и Люба Сахокия, его дочь Дадали и другие собирали в день по сто пятьдесят—двести.

До войны бригада собирала с закрепленной за ней площади в среднем двадцать пять тысяч килограммов чайного листа в год, а теперь сто тысяч. До войны годовой денежный доход бригады составлял двести пятьдесят тысяч рублей, а теперь он превышал семьсот тысяч. До войны стоимость трудодня в нашей бригаде не превышала четырех, теперь же она достигла тридцати рублей.

Тамара рассказывала о членах своей бригады, но ничего не сказала о себе и о том, что она сделала для детей Ионы. А об этом следовало бы рассказать. И мы это сделаем вместо нее.

Вскоре после ухода Ионы на фронт, жена его вышла за другого, продала дом (покупатель разобрал его и увез в свою деревню), а детей забрала в дом второго мужа. Но

двенадцатилетняя Дадали и ее младший брат не захотели покинуть родное село.

Это событие взволновало всю деревню, но больше других была огорчена Тамара. Она сама испытала горечь сиротства и решила взять детей Ионы на свое попечение. И стала для них второй матерью.

После школы Тамара водила маленькую Дадали на плантацию и учила ее собирать чайный лист. Вскоре на имя Дадали открыли трудовую книжку, куда записывали ее заработок. Девочка думала, что на эти деньги она сможет со временем содержать брата. Но Тамара не позволила Дадали тратить эти деньги. У Тамары были другие планы: она надумала построить для Ионы новый дом.

— Мы должны построить дом к возвращению твоего отца, — открыла Тамара свой план Дадали, когда они однажды вечером возвращались с плантации.

У девочки от радости дух захватило.

— На какие же средства мы это сделаем? — робко спросила она.

— На твои, — ответила Тамара. — И мы тебе поможем — бригада, колхоз.

Проходили месяцы, годы. Имя Дадали упоминалось уже наряду с именами прославленных чаеводов — Олей Купунья и Лили Ревия. Эта девочка стала одной из передовых сборщиц колхоза.

Война приближалась к концу.

Однажды Дадали получила от отца письмо. Иона писал, что он сражается на подступах к Берлину и надеется скоро вернуться домой с победой.

И вот теперь Тамара ведет Иону к дому. Иона не знает, что жена и дом продала.

Показался двор Ионы. Новый дом, новые ворота, стройная девушка сбегает по лестнице и словно не идет, а летит навстречу.

Иона и опомниться не успел от

изумления, как девушка обвила его шею сильными руками.

Иона слышал трепетание ее сердца, чувствовал на губах соленый привкус ее слез, слез радости... Это была его Дадали... Он оставил ее двенадцатилетней девочкой, а теперь перед ним была молодая, красивая, здоровая девушка, полная жизни и энергии.

Дадали открыла отцу калитку.

— Да, но этот дом?! Откуда и как?!

— Это наш новый дом, папа... — она с благодарностью посмотрела на Тамару. — Правда, хороший дом? Ведь он лучше старого?..

Два дня знакомился Иона с бригадой, ее делами. Все, что он видел, казалось ему невероятным. И это сделали женщины! — восторгался он.

— Теперь вместе с вами мы сделаем вдвое больше, — сказала Тамара. — Принимай свою бригаду, Иона.

Но Иона отказался.

— Мне бы в учение к тебе пойти, — сказал он Тамаре. И это были искренние слова.

Ионе не терпелось узнать, каким образом бригаде удалось добиться повышения урожайности почти втрое по сравнению с довоенной.

— Правда, за время моего отсутствия здесь подросли молодые чайные кусты, которые теперь дают больше листа, но одно это не могло повысить урожайность настолько.

— Конечно, нет! — согласилась с ним Люба Сахокия и улыбнулась своими живыми, лукавыми глазами.

— А что вынудило тебя, Люба, сменить чистую, спокойную работу счетовода в конторе на трудную, беспокойную — на чайной плантации? — поинтересовался Иона.

— Когда я узнала, что Оля Купунья ночью с зажженными плашками собирает на плантации чай, мне невозможно стало сидеть в конторе, — ответила Люба...

БРИГАДА ТАМАРЫ КУПУНИЯ ПОЛУЧАЕТ НЕВИДАННЫЕ УРОЖАИ

Народ залечивал раны войны. Они были тяжелы. Страна испытывала острую нехватку многих товаров первой необходимости, в том числе и продовольственных. Не хватало зерна, многих продуктов питания.

Кто же мог дать это стране, как не работники сельского хозяйства, и в первую очередь колхозное крестьянство?!

И бригада Тамары Купуня обязалась получить с каждого гектара своего участка в среднем по 72 центнера кукурузного зерна. В 1947 году это была фантастическая цифра, если принять во внимание, что средний урожай кукурузы в районе не превышал тогда 12 центнеров с гектара.

Никто не верил, что бригада сдержит свое обещание. Ведь у нее не было ни тракторов, ни минеральных удобрений, рабочих рук не хватало, да и агротехники кукурузы женщины не знали.

В успех бригады верил только один человек в колхозе — это был председатель Антимоз Рогава. Тамара никогда его не подводила, и он знал, что и теперь не подведет.

Ранней весной бригада вспахала землю, в середине апреля произвела посев, при первом мотыжении, когда кукуруза выпустила три листа, внесла органические удобрения, а чтобы не дать развиться сорнякам (и это предусмотрела Тамара), вторично прополола кукурузу и снова внесла удобрения. Между стеблями было оставлено расстояние в 70 сантиметров. Бригада вовремя произвела и третье мотыжение.

Каждый стебель дал три-четыре початка, а каждый початок в полтора локтя. Такой кукурузы в Ахалсопели еще никто не видел.

78 центнеров кукурузного зерна с гектара, — таков был урожай того года в бригаде Тамары.

За высокие показатели урожай-

ности кукурузы все члены бригады были награждены орденами и медалями, а Тамаре было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Однажды Антимоз Рогава напомнил Тамаре, что она сказала, когда он выдвинул ее на пост бригадира; «женщина не сможет сделать того, что сделает мужчина».

— Обстоятельства заставили нас, женщин, сделать невозможное.

— Нет, Тамара, — серьезно ответил председатель, — не обстоятельства, а высокая сознательность. Когда человек сознает, за что он борется, он горы перевернет.

В течение нескольких лет подряд бригада Тамары получала высокие урожаи чайного листа, кукурузы, citrusовых, винограда и тунга. В 1948 году за высокий урожай чайного листа Тамара как бригадир была награждена вторым орденом Ленина, в следующем году — третьим орденом, а в 1951 году ей была вручена вторая золотая звезда «Серп и Молот».

Из сорока членов ее бригады шестнадцати было присвоено звание Героя Социалистического Труда, другие были награждены орденами и медалями. Все шестнадцать — воспитанники Тамары и называли ее своей матерью. Но она была для них не только матерью, но и учителем, и товарищем, и преданным другом. Ни одна мать не могла бы сделать для своих детей больше, чем сделала Тамара для членов своей бригады.

СМЕЛЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В 1950 году к ахалсопельскому колхозу имени Ленина присоединился колхоз имени 26 комиссаров. Это была одна из самых отсталых артелей в районе.

Бригады колхоза имени 26 комиссаров соединились с бригадами колхоза имени Ленина, но одну бригаду никто не хотел к себе присоединить, все, словно сговорившись, отказывались от нее. Это была:

бригада Шомахия. В нее входило около пятнадцати семейств, носивших эту фамилию.

Бригада Шомахия имела очень плохую репутацию. Хозяйство ее было крайне запущено. Чайные и цитрусовые плантации не были огорожены, за ними почти не ухаживали, урожай чайного листа собирали крайне низкие. Члены этой бригады «славились» как бездельники и пьяницы.

Ну какая же бригада решится присоединить к себе такую ораву отпетых бездельников? Что могли они принести, кроме вреда и позора?..

Иначе подошла к этому вопросу Тамара. Не жалость руководила ею и не честолюбие, не желание отличиться. Нет, она видела, что Шомахия живут неправильно, что им нужно помочь и что это можно сделать. Пусть для этого придется понести некоторые жертвы, помучиться с ними, но в результате все же удастся вытащить их из трясины и повести за собой. И Тамара решила присоединить бригаду Шомахия к своей бригаде.

Об этом смелом решении Тамара однажды вечером объявила в своей бригаде. Она ожидала, что ее предложение может встретить возражения, но что оно встретит единодушный, решительный отпор, — этого она не предвидела.

— Мы не благотворительное общество, — горячились члены бригады, — у нас есть свой план, свои обязательства, свои цели, мы призваны честно их выполнять. Наконец, у нас есть своя слава, добытая огромным трудом, и мы никому не позволим втоптать ее в грязь.

Некоторые даже грозили, что уйдут из бригады, если Тамара будет настаивать на своем решении.

На Тамару этот «бунт» ее подруг, ее питомцев, произвел сильное впечатление. В ту ночь она вернулась домой поздно, опечаленная и растерянная...

Тамара впервые пошла против

воли своей бригады, впервые не поверила своим подругам. Она настояла на своем. По ее категорическому требованию бригаду Шомахия присоединили к ее бригаде.

ЗАСЛУЖЕННАЯ ПОБЕДА

Ох, нелегкая эта работа,
Из болота
Тащить бегемота,—

невольно приходят на память веселые стишки из известной детской сказки К. Чуковского, когда думаешь о той тяжелой ноше, которую взвалила на свои плечи Тамара, приняв в свою бригаду Шомахия...

Семейка Шомахия и после присоединения к бригаде Тамары продолжала прежнюю беспечную жизнь.

— Мы же предупреждали тебя, — попрекали Тамару члены ее бригады, — мы же говорили: не вырастет на вербе груша, не заставишь ты Шомахия работать, не той это породы люди.

Тамара молча выслушивала эти упреки — она знала и раньше, что без этого не обойдется, и запаслась терпением. Нельзя ждать от таких людей, как Шомахия, внезапного перевоплощения. На это нужно время. Надо суметь подойти к ним, нужно подобрать ключ к их сердцам, и тогда дело пойдет.

И Тамара терпеливо и внимательно наблюдала за ними, ища этот заветный ключ.

И она нашла его.

Шомахия были голы и босы, но в то же время удивительно честолюбивы. Тамара решила начать с этого слабого места.

Однажды она явилась к Барнабу Шомахия. Был дождливый день. Дождь проникал и в хижину Барнаба через дырявую, как решето, крышу. На земляном полу по щиколотку стояла грязь. Вода погасила и огонь в очаге. В хижине все промокло. Промокшие сидели Барнаб, его жена и нахохлившиеся от холода дети. Хозяин не смог отыс-

жать сухого места, куда бы усадить гостью.

— Что же мне так на ногах и стоять?—насмешливо спросила Барнаба Тамара.

— Что делать, Тамара... — промямлил попавший в неловкое положение хозяин. Самолюбие его уже было задето.

— Как, что делать, уж лучше бы сквозь землю провалиться, — выпалила оскорбленная жена Барнаба.

— Не сквозь землю проваливаться, а руками пошевелить надо, — спокойно и с достоинством сказала Тамара. — Ну хорошо, меня вы не стыдитесь, я соседка ваша, а если к вам придет посторонний гость? Стыдно же будет...

Капли дождя падали ей на лицо.

— Сколько вас, Шомахия, таких бездомных? — спросила Тамара Барнаба.

— Шесть семейств.

— Помещение конторы вашего колхоза освободилось. Антимоз продавать его собирается. Почему бы вам не купить этот дом? Каждая семья получит по комнате.

Барнаб удивленно посмотрел на Тамару: смеется она, что ли...

— На какие деньги? — спросил он Тамару едко и злобно.

— «На какие деньги?» — передразнила его Тамара, — денежки бог тебе бросит с неба! На какие деньги — ты спрашиваешь? Да на те деньги, которые вы завтра зарабатываете на трудодни, — вот на какие. Или вы и в моей бригаде собираетесь сидеть сложа руки?.. Я поговорю с Антимозом, деньги потом заплатите... Чего молчите, или не сможете заплатить!.. Может, вы не собираетесь работать?..

— А Антимоз согласится? — робко спросила жена Барнаба с какой-то скрытой надеждой.

У Тамары сердце дрогнуло от радости («кажется, наступает просветление»), но она постаралась скрыть эту радость под маской сомнения:

— Не знаю, согласится Антимоз или нет... За здание той конторы соседняя деревня дает колхозу тридцать тысяч рублей. Им оно нужно для школы. Я попытаюсь уговорить Антимоза не продавать этот дом, а оставить его для вас. Но для этого мне надо будет его убедить, что вы из кожи вон вылезете, а деньги за дом выплатите.

— Вот этими детьми клянусь! — воскликнула жена Барнаба. — День и ночь буду работать.

— Это ты, а другие твои сородичи что скажут?

— И другие скажут то же, — твердо заявил Барнаб.

Тамара на второй же день поговорила с председателем.

— Если до конца года Шомахия не выплатят деньги за здание конторы, то запиши эти деньги за мной, я заплачу.

Антимоз согласился. Опасаясь, как бы председатель не передумал, Тамара в тот же день достала арбу и вселила семейство Шомахия в здание конторы. Многодетным она отвела комнаты побольше, у кого мебели не было, принесла из своего дома, некоторым кукурузу одолжила, некоторым деньги.

И в людях заговорила совесть. Особенно у женщин. Они первые взялись за мотыги и заступы, а потом и мужей заставили взяться за работу.

— Смотрите, не опозорьте меня! — поощряла их Тамара, — поймите наконец: «равный равного превзошел тем, что рано встал». Эту поговорку не я выдумала. Пока вы спали, Купунья, Сахокия, Рогава и Ревия трудились. Потому они теперь и живут по-человечески. Пора и вам за ум взяться. Ваше счастье в ваших руках. А я вам помогу.

Шомахия не нарушили обещания. В тот год они так поработали, что все шесть семейств полностью выплатили деньги за дом. Теперь они жили в приличной обстановке, оделись и обулись. В деревне на них смотрели

уже другими глазами. Да и сами они воспрянули духом. Возврата к прошлому уже не было.

И в этой поучительной истории победительницей оказалась маленькая женщина с твердой волей и большим человеческим сердцем.

ТАМАРА КУПУНИЯ — ДЕЛЕГАТ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ

Что бы ни сделала Тамара, она всегда говорила об этом от имени своей бригады: «Мы сделали», «Бригада сделала». Без своей бригады, без коллектива она не представляла себе живого дела. Недаром говорят, что одинокий человек и в еде жалок. Тамара верила в силу коллектива.

Своими трудовыми успехами Тамара была обязана не только дружному коллективу и повседневной заботе парторганизации, но и председателю колхоза Антимозу Рогава.

В 1951 году Антимоза избрали председателем Зугдидского райисполкома. Вскоре он попросился на работу в один из отстающих колхозов района, и его направили в колхоз «Грузия» села Рухи. Рухцы, знавшие Антимоза, единогласно избрали его председателем. И они не обманулись. За какие-нибудь два-три года этот отсталый колхоз превратился в один из самых передовых, многоотраслевых, крупных и богатых.

Но уход Антимоза из ахалсопельского колхоза имени Ленина отрицательно сказался на его делах. Только бригада Тамары сумела удержаться на прежнем уровне. Председатели часто сменялись. Один был агроном, но не имел организаторских способностей, другой больше думал о своей карьере и славе, чем о делах колхозных.

И тогда ахалсопельцы предложили избрать председателем Тамару. Но она не согласилась.

— Я останусь во главе своей бригады, — сказала она, — председателю готова помогать по мере своих сил.

Но честолюбивые председатели отказывались от помощи Тамары, зато требовали от нее представления сведений о выполнении и перевыполнении планов тогда, когда до этого было еще далеко.

Тамара давала резкий отпор таким председателям, а они мстили ей за это, мешали работать бригаде, пытались ее опорочить, чинили ей всякие препятствия — то удобрений не дадут, то транспорт задержат, словом, вставляли палки в колеса. Но это не сломило воли Тамары.

В это время она готовила свою бригаду к встрече XX съезда партии. Бригада взяла обязательство собрать на своих участках 93 тысячи килограммов чайного листа. Члены бригады еще с большим рвением взялись за осуществление этой большой и почетной задачи, когда узнали, что Тамара избрана делегатом XX съезда.

Тамара не в первый раз принимала участие в решении общегосударственных дел. Ее несколько раз избирали депутатом Верховного Совета Грузинской ССР, но ничего не могло ее так обрадовать, как великая честь быть делегатом XX съезда партии.

БРИГАДА ТАМАРЫ — КУЗНИЦА КАДРОВ

После возвращения со съезда Тамара вместе с членами бригады заново пересмотрела свои планы и возможности. Выяснилось, что бригада может сделать больше, чем было ранее намечено.

В тот год бригада собрала вместо 93 тысяч килограммов чайного листа 110 тысяч.

Этот новый успех привел в бригаду Тамары новых людей, таких которых она меньше всего ожидала.

В один прекрасный день к Тамаре пришла ахалсопельская учительница Цици Шония. Тамара обрадовалась ее приходу. Она привык-

ла принимать гостей из других колхозов и районов, из разных уголков страны, а также из-за границы: из Европы, Азии, Африки. У нее побывали даже английские специалисты, которые когда-то так пессимистически смотрели на возможности развития в Грузии чайного производства.

Но на этот раз Цици Шония пришла к ней не в гости. Она пришла в бригаду Тамары работать.

— Стану твоей ученицей, Тамара! — сказала ей учительница. — Буду у тебя учиться работать.

— Я и двух классов не закончила... Все мои знания — кукуруза и чай.

— А я ничего больше и не хочу... Ты говоришь, кроме чая и кукурузы, ничего больше не знаешь. Неверно это, Тамара. Ты умеешь воспитывать людей, да так хорошо, что я не представляю себе лучшей учительницы, чем ты. Ты сумела воспитать не только членов своей бригады, но и перевоспитать даже таких, казалось, неисправимых бездельников, как Шомахия.

Потом Цици Шония представила Тамаре пришедших с нею девушек, своих воспитанниц, закончивших школу и тоже пожелавших поступить на работу в бригаду Тамары.

Бригада Тамары Купуня давно уже стала той школой, где молодежь проходит трудовое обучение и получает блестящую подготовку для поступления в высшие сельскохозяйственные учебные заведения.

По окончании высшей школы они возвращаются в свой колхоз. Давно уже отошло в историю то время, когда весь бывший Зугдидский уезд имел только одного агронома. Теперь не только район, но и бригады имеют своего агронома, агро техника, механизатора и даже инженера.

Учительница Цици Шония оказалась хорошей ученицей. Ныне на своем участке в 0,3 гектара она получает пять тысяч килограммов чайного листа.

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ РЕЧИ Н. С. ХРУЩЕВА

Большим событием в жизни Тамары было Совещание передовиков сельского хозяйства республик Закавказья, состоявшееся в феврале 1961 года в Тбилиси, в котором принял участие Никита Сергеевич Хрущев.

В президиуме совещания рядом с руководителями партии и правительства, рядом с учеными и новаторами сидела седовласая Тамара Купуня... Внимательно слушала она речь Никиты Сергеевича, исключительную по своей простоте и сердечности. Это была в сущности товарищеская беседа, охватывающая обширный круг вопросов, государственных, хозяйственных, бытовых.

Речь эта покорила слушателей тем, что вся она была направлена в будущее, в наше замечательное завтра.

Тамара слушала эту речь с тем большим вниманием, что она была созвучна ее собственным чувствам и мыслям — ведь она сама была преисполнена благожелательностью к людям, а в голове постоянно рождались все новые мысли и планы, как бы сделать труд более легким для всех, а жизнь — богаче и ярче.

После закрытия совещания я вышел вместе с Тамарой из Дома правительства. Я не стал спрашивать ее о планах на будущее. Я знал, что Тамара никогда ничего не решает, не узнав мнения своей бригады.

Мы шли по проспекту Руставели. Стоял солнечный день, ранняя тбилисская весна согревала город. На улицах чувствовалось приподнятое, праздничное настроение. Все с удовлетворением говорили о речи Никиты Сергеевича Хрущева. Тбилиссцам особенно приятны были его одобрительные отзывы о грузинских молодых механизаторах, доярках, свиноводах, о Грузии вообще, ее народе, природе.

«...Наряду с зерновыми у вас хорошо растут чай, хлопок, виноград, благородный лавр, тунг, цитрусовые и другие ценные культуры. Богатства земель ваших республик необходимо еще полнее поставить на службу народу, — приходили на память выдержки из речи Никиты Сергеевича. — Хотелось бы посоветоваться с учеными-химиками по такому вопросу. Когда я бываю в вашей республике, когда приезжаю на отдых, радуюсь богатству южной природы. Но меня огорчает, когда вижу, сколько здесь дикой растительности, ненужных кустарников, совершенно бесполезных деревьев. Причем эти кустарники даже не являются украшением, а просто сорняки. Но уничтожить их очень трудно. Они укоренились в благодатной земле. Если бы нам ученые помогли уничтожить сорную растительность какими-то химическими средствами с тем, чтобы она засохла и погибла, — можно было бы

использовать освободившиеся площади под полезные растения. Эти земли дали бы новые богатства для нашей страны...»

— Вы знаете, — неожиданно нарушила молчание Тамара, обращаясь ко мне, — я сейчас вспомнила, что один из наших мудрых наставников — Илья Чавчавадзе мечтал о том дне, когда у грузинского крестьянина будет болгарский железный плуг, а сегодня партия строит планы преобразования земель всей нашей республики. — Глубоко вздохнув, Тамара продолжала: — Как жаль, что старость моя пришла, какие неоглядные перспективы открываются, какая прекрасная жизнь впереди!.. — И после минутной паузы она с улыбкой добавила: — Но ничего, у старого быка и рога пашут! Я еще могу кое-что сделать.

Мы помолчали.

— Помните, что говорил Никита Сергеевич о кукурузе? Как он подметил, что имеретинцы, например, кукурузную лепешку едят с сыром, а у румын — мамалыга один из первых продуктов.

Тамара вспомнила эпизод из своей жизни. Однажды она была в гостях у своей сестры в Тбилиси. И в это время к сестре приехал родственник из Мегрелии. Хозяйка угостила родственника по всем правилам грузинского гостеприимства. За столом было обилие всякой еды, не было только гоми (мамалыги). Через некоторое время гость заскучал. Хозяйка забеспокоилась.

— В чем дело?

— А когда будет обед? — спросил гость.

— Как, разве мы только что не пообедали? — удивилась хозяйка.

— Что же это был за обед без гоми?

— Это не анекдот, — сказала Тамара. — Если у жителей Западной Грузии нет кукурузных лепешек или гоми, то другая еда для них цены не имеет. Поэтому в этих районах особенно ценят куку-

рузу. Разведением кукурузы здесь занимаются свыше 200 лет!

— Знаете, — продолжала с некоторым огорчением Тамара, — меня знают только как чаевода, а между тем в Грузии я первой получила звание Героя за богатый урожай кукурузы. Тогда еще кукурузу так не ценили, как теперь, когда у нее появился такой большой защитник, как Никита Сергеевич.

Мы остановились у перехода через проспект. Перед нами шел поток машин, мелькали знакомые лица участников совещания — армян, азербайджанцев. И они, как Тамара, с новыми планами, мыслями и мечтами возвращались в свои края.

— Кукуруза — дочь мотыги, говорил мой отец, — продолжала Тамара, когда мы перешли проспект. — Кроме мотыги, для ее обработки у крестьянина тогда не было других орудий. Отец самое меньшее четыре раза мотыжил кукурузу. Мотыга была его правой рукой. А теперь у нас каких только машин нет!

Тамара говорила с увлечением, и видно было, что теперь, после совещания, в голове у нее роятся новые планы, новые мечты...

ТАМАРА ГОТОВИТСЯ К XXII СЪЕЗДУ ПАРТИИ, ЕЕ НОВЫЕ МЕЧТЫ, НОВЫЕ ПЛАНЫ

В конце марта я навестил Тамару в деревне. Было воскресенье.

Во дворе, среди покрытых белыми цветами деревьев алычи, меж яблонь, груш и вишни кое-где горели розовым цветом распустившиеся персиковые деревья. Солнце нещадно палило. Вокруг стояло непрерывное жужжание пчел. Неутомимые сборщики нектара не отдыхали и в воскресенье.

На месте покосившегося дома с покоробленной дранкой и разрушенной лестницей вытянулась двухэтажная ода (дом в Западной Грузии). Слава богу, нашлось у Тама-

ры время и для себя! Я застал дома всю семью. Пимен, Бондо — теперь уже хирург Зугдидской городской больницы, его жена и ребенок — все были в сборе.

Тамара накрывала завтрак.

Я хорошо знал кулинарные способности Тамары и с удовольствием присел к столу.

— А теперь что будем делать? — спросил я после завтрака.

Но Тамара вместо ответа стала быстро собираться в свою бригаду, хотя и было воскресенье.

Садясь в машину, я спросил, куда мы едем.

— В контору бригады, — отвечала Тамара.

— В контору бригады? — переспросил я.

Она не заметила моего удивления и сказала:

— Там у нас собрание в честь XXII съезда КПСС. Бригада решила с каждого гектара получить по сто центнеров кукурузы.

— Сто центнеров на вашей земле?!..

— Теперь эта земля — уже не та, — отвечала Тамара слегка обиженным тоном. — А завтра она будет еще плодороднее.

— Так-то оно так, но сто центнеров — это несколько большое и рискованное обязательство.

— Возможно, но наша бригада всегда держала слово. И теперь не ударит лицом в грязь.

Я вспомнил об Антимозе Рогава, который всегда говорил, что лучше сломать шею, чем нарушить свое слово, и спросил, что он теперь поделявает.

— Он теперь директор чайного совхоза в Хецери. Он всегда там, где трудно.

— Характер у него был немножко крутой, — сказал я.

— Такой характер делу не вредит, — ответила Тамара.

Мы ехали по широкой дороге среди чайных плантаций.

— А по чаю какие обязательства берете?

— Еще больше, — отвечала Тамара, — к концу семилетки Грузия должна дать государству двести тысяч тонн чайного листа. Это полностью удовлетворит потребности нашей страны в чае собственного производства.

Я не отрывал глаз от Тамары: передо мной был государственный деятель в полном смысле этих слов. Но почему я так удивился этому, словно я сделал какое-то открытие? Да, она государственный деятель и не только потому, что она депутат Верховного Совета Грузинской ССР, а потому, что она по-государственному мыслит, по-государственному работает и смотрит далеко вперед.

— По плану наша бригада в 1967 году должна собрать полмиллиона килограммов чайного листа, — прервала Тамара мои размышления, — но мы соберем на 200 тысяч килограммов больше, — она поверну-

лась и посмотрела на меня с какой-то хорошей и доброй иронией. — Может быть, и это вы считаете рискованным обещанием?

— И это... — кивнул я.

— Нет, наша бригада берет обязательство, зная, что выполнит его.

...Ветер дул в лицо, играл седыми волосами Тамары. А она смотрела вперед и улыбалась завтрашнему дню, который, она верила, будет прекрасным.

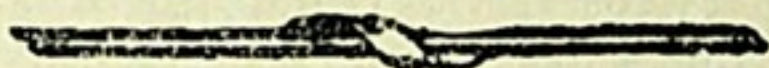
Ее настроение передалось и мне.

«Какая замечательная весна нынче, как будто сама природа участвует в нашем замысле, в нашей великой надежде, в создании нашего великого завтра», — думал я.

Я попрощался с Тамарой Купуния, крепко пожал ей руку и обещал навестить осенью, после сбора урожая.

— Чтобы проверить, выполнили ли мы свое обязательство?

— Нет, чтобы поздравить вас с новой победой!

Мы с тобой — коммунисты

О Ч Е Р К

«Строители электростанций — это люди, которые своим героическим трудом воплощают в действительность завет Владимира Ильича Ленина».

Н. С. ХРУЩЕВ

Ираклий вскрикнул. Должно быть, глубоко взволнованный судьбой рабочих, застигнутых катастрофой где-то под океаном, он повернулся слишком резко. Острая, нестерпимая боль пронзила сломанную ногу, со страшной силой сжала сердце. Теряя сознание, Ираклий выпустил из рук «Туннель» — книгу Бернгарда Келлермана.

Дежурный врач сделал укол. Взял руку, чтобы сосчитать пульс, а сам сердито размышлял: «Эка важность, что двенадцатилетним мальчишкой этот рыжеватый Мак — сын и внук шахтера — работал коногоном в угольных коях? Впрочем, кажется, и Ираклий тоже. И оба, когда ели орехи, абсолютно не нуждались в щипцах...»

За годы работы на строительстве доктор не раз был свидетелем, как Ираклий, разминая мускулы, укладывал на лопатки четырех противников.. Черта с два остался бы он жить, не недели его природа такой богатырской силой. Жить он будет, а нога? Завтра из Тбилиси приезжают на консилиум профессора. Было бы слишком несправедливо...

И думать не смейте об этом, доктор! И без того чересчур обидно. Случилось это все в последнюю смену, за несколько часов до полного окончания работ в туннеле № 3. Это стоит запомнить — день торжества — катастрофа! Сильнее всех пострадал Ираклий...

Доктор, он старожил этих мест, — живой свидетель. А мне бы подробностей побольше. Что за человек Ираклий? Что это за туннель № 3?

1

Осень. Небо высокое, голубое. Не белесое, как в разгар жары, а глубокого

голубого цвета. И воздух прозрачнее. Раздвинулись, словно нарисованные акварелью, дали. Хорошая пора возвращения к родным очагам демобилизованных солдат.

И в ту осень 1929 года разъезжались по домам красноармейцы. В сумерках поезд остановился на станции Риони. Постоял и пошел дальше, к Тбилиси. На перроне остался помкомвзвода Ираклий Оболадзе, артиллерист. Два года отслужил в дивизионе горных пушек. Сам из ткибульских шахтеров. Биография нехитрая. О родителях тоже много не расскажешь.

Мать, Софья, умерла через несколько недель после родов. Спустя два года умер отец. Осталось пятеро сирот. Малмала-меньше. Все на попечении деда Дмитрия, старика восьмидесяти лет.

Чуть подрос Ираклий, дед отдал в пастишонки. Девять лет еще мальчонке не исполнилось, а он уж тянет лямку, батрачит. Сначала в родном селе Хресили, потом по соседству — в Ахалдаба, Сормонти, Ткибули. В 1917 году двенадцатилетний Ираклий спустился в шахту. До сегодняшнего дня помнит: клеть пошла вниз. Сперва медленно, потом так быстро, что казалось, будто пол клетки, на котором он сидел, сейчас провалится. У мальчика потемнело в глазах, захватило дыхание... Вскоре привык так же, как старший брат Эстате и дядя Василий.

Следующие десять лет — до самого призыва в армию — Ираклий работал в Ткибули. На старых шахтах. Потом попросился нарезать забои в новом руднике имени Сталина. Многие комсомольцы перешли туда. А в комсомол Ираклий вступил в августе 1924 года, во время авантюры меньшевиков. Принес в ячейку комсомола заявление, потребовал

винтовку и пошел еще с двумя шахтерскими парнями охранять почту...

Теперь, отслужив свое, помкомвзвода Ираклий Оболадзе возвращался домой в Ткибули. Он жадно вдыхал воздух, надеясь ощутить ни на что не похожий, ни для кого, кроме шахтеров, неуловимый запах угля.

— А ты, парень, почему не здороваешься? — услышал Ираклий явно знакомый голос. Огляделся вокруг и бросился обнимать плотного мужчину в брезентовом дождевике и резиновых сапогах...

О лучшей встрече и не мечтать. Перед Ираклием стоял самый главный проходчик с его бывшей шахты, инженер Теймураз Немсадзе. Обходительный, веселый, душа-человек.

В буфете, за бутылкой белого имеретинского вина, Немсадзе переспросил:

— Значит, отслужил, домой едешь?

— Да, на нашу шахту.

— А я там больше не работаю, — объявил инженер и, заметив, что Ираклий сразу помрачнел, поспешил добавить:

— Оставайся в Риони. В газетах объявлено — Совет Труда и Оборона признал нашу Рионскую гидроцентрально-всесоюзной особо ударной стройкой! Подумай, друг.

— А работа какая?

— Наша, шахтерская! Туннели бить. По ним воду к турбинам пустят. А реку совсем в другое ущелье...

Немсадзе не закончил. Легонько стукнул себя по лбу:

— Старею, должно быть. Только сейчас вспомнил, ты же делегатом от шахтеров был. Хвалился что на закладке станции рядом с Калининским стоял.

Ираклий (память у него цепкая, все передает в точности) живо подхватил:

— Михаил Иванович закатал рукава своей легкой синей рубашки, надвинул кепку на нос и нажал кнопки, три подряд. Тут и грохнуло! Тот берег весь дымом окутало. Когда немного посветлело, я увидел — глыбы камня выворочены, разбросаны. У подножия горы — щель... Калинин обратно кепку на затылок перевел, бородку погладил, стал речь говорить.

...Переговорить друзьям надо было о многом. Два года — срок немалый. Так что Теймураз Немсадзе оставил Ираклия ночевать у себя в рабочем бараке.

Только улеглись, забарабанили в окошко, в дверь.

— Тревога! Река сносит перемычку...

Ираклий забыл, что он гость. Побежал вместе со всеми на берег. А так как силой он не обижен, то его сразу послали таскать камни на ряжи.

Положение сложилось более чем опасное. В припадке внезапной ярости взбунтовавшийся, вскипевший, необычно полноводный Риони сотрясал, коверкал, размывал

перемычку. Грязные с белыми хребтинами волны металась в диком водовороте. Наблюдательные пункты, расположенные в верховьях реки, сообщали о непрерывающемся подъеме воды. Из Алпани дежурный наблюдатель, сорвав голос, хрипел в телефон:

— Вода прибывает. Рейку покрыло. Спасайтесь!

На перемычке, покрывая адский грохот, размахивая палкой, командовал добровольцами из рабочих и инженеров новый начальник строительства Владимир Джикья. Человек, с самых юношеских лет мечтавший о научной лаборатории, о тихом кабинете ученого и всегда оказывавшийся в самой гуще событий, там, где всего опаснее. В Петрограде он блестяще окончил физико-математический факультет университета и тут же, по заданию подпольной большевистской организации, ушел на фронт. В революцию Джикья был помощником коменданта Петроградской крепости, охранял Ленина... С бригадой курсантов брал Кронштадт. Потом из Главного Артиллерийского управления Красной Армии перешел на строительство Свирьской гидроэлектростанции, стал заместителем академика Графтио. А несколько недель назад Джикья вызвал Орджоникидзе.

— Возьмись за Риони, — сказал Серго. — Когда почувствуешь, что сверх меры трудно, — звони мне. Помогу из последнего. Хотя живем пока небогато.

Перед рассветом вдобавок ко всему хлынул ливень. С гор сорвался ветер. Ободренный такой поддержкой, Риони захлестнул, сдвинул камни. Верхний тысячетонный ряж качнулся, на мгновение застыл и опрокинулся в черную, ревущую реку... Слово в судорогах забился, затрясся второй ряж. Он так же бесследно сгинул в волнах... Все остальные спасли. Люди отстояли перемычку — огромный труд многих месяцев.

Почти сутки спустя усталый, промокший, с кровотокающими ссадинами на лице и руках Ираклий снова встретился с Немсадзе. Время принять решение.

Молодому человеку, думал Теймураз, возможно, и незачем лезть в пекло, рисковать, мучиться, когда у него отличная специальность, возможность хорошо зарабатывать, пользоваться почетом и жить в Ткибули с гарантированным минимумом удобств.

Но если парень родился с душой туннельщика, если у него талант! Смеет ли он в таком случае поступать, как любой другой человек? Почему именно в книге о Советской России, о своей встрече с Лениным английский писатель Герберт Уэллс заявил, что люди уже по самой своей профессии делятся на «обыкновенных» и «творческих!». «Обыкновенный человек, — писал этот мудрый англичанин, — может переходить от одного занятия к другому: он может быть и моря-

ком, и фабричным рабочим, и чем угодно. Ему вообще необходимо работать, но у него нет внутреннего демона, заставляющего заниматься одним определенным делом. Совсем по-иному у людей творческих... «То-то. Ну, была бы протянута рука, а там, пусть себе на здоровье уезжает».

Ираклий и вовсе не касался высоких материй, был более категоричен. Он еще ночью, во время схватки с разбушевавшейся рекой, решил — остаюсь на строительстве. Место вполне по характеру.

2

Со стороны это выглядит даже комично. Кто же принимает всерьез вызов, брошенный мальчишкой борцу-тяжеловесу, победителю чемпионата. Мальчишку со смехом прогоняют, а чтобы не плакал, дают конфетку или контрамарку на дневное представление в цирке...

А как быть, если дело происходит не на арене, не на подмостках? Если от того, будет ли принят безмерно дерзкий вызов комсомольца Ираклия Оболадзе иностранным экспертам и консультантам, зависит дальнейшая судьба всего строительства на Риони!

Месяцы и годы все шло хорошо. Уже были определены близкие сроки окончания работ. Уже в Кутаиси, Ткибули, Зестафони спешили закончить строительство заводов, возникающих на энергии Рионгэс. Уже железнодорожники завершали все подготовительные работы по электрификации Сурамского перевала, по замене паровозов электровозами. И надо же!..

Гора, долго безучастно созерцавшая копошившихся внизу строителей, запротестовала, вздохнула, словно освобождаясь от оцепенения. Тысячи и тысячи тонн земли двинулись на канал. Трещины на косогоре стали зловеще распиряться.

Зарубежные консультанты, немецкие, итальянские, шведские эксперты — очень солидные, круглолицые, строго одетые — настаивали:

— Надо подождать несколько лет. Возможно, гора успокоится, земля осядет, утрамбуется. Тогда можно будет снова попробовать. Мы подчеркиваем — попробовать!

Разгоряченный, нетерпеливый комсомолец Оболадзе явился на собрание в брезентовой спецовке, в защитном шахтерском шлеме. Гнев мешал говорить:

— Не надо ждать ни одного дня! Наша молодежная интернациональная бригада решила... Мы беремся вместо открытого канала пробить туннель № 3... Обходной, сквозь все завалы!.. Мы дадим сверхрекордные темпы проходки. Европу мы обогнали еще в первом туннеле, теперь соревнуемся с Америкой...

Консультанты и эксперты немедленно сняли с себя всякую ответственность.

В зале шум, крики. Старик проходчик Нестор Гоголеишвили что-то в полный голос объясняет китайцу Ка Фа-юну. Серб Авдамович, грек Политиди, итальянец Бранкалиони темпераментно требуют немедленного и полного перевода всех речей и реплик.

Единственный человек, способный унять страсти, — начальник строительства Джикия. Но он почему-то не торопится воспользоваться своей властью. Проходит еще не меньше часа, покуда Джикия объявляет:

— Ну, на сегодня хватит. Собрание возобновится после приезда председателя Высшего Совета народного хозяйства республики Виссариона Чичинадзе. Он уполномочен товарищем Орджоникидзе.

Все облегченно вздохнули. У Чичинадзе авторитет непререкаемый. За ним слава руководителя строительством Загэс, инициатора работ на Риони и на реке Дзорагет в Армении. Он профессор, инженер, публицист с широким кругозором, блестящий оратор и просто красивый, обаятельный, щедрой души человек.

В ранние годы Виссариону посчастливилось испытать влияние своего родственника, видного грузинского общественного деятеля, литератора, экономиста, друга Чернышевского и Герцена, — Нико Николадзе. Вмешательство Николадзе во многом определило дальнейшую судьбу Чичинадзе. Он отправляется в Петербург, поступает в институт инженеров транспорта. Дипломный проект Виссариона привлекает внимание крупных русских инженеров и очень скоро воплощается в жизнь. Приходит признание, успех.

В расцвете своего таланта Чичинадзе близко знакомится с Серго Орджоникидзе. Особенно их сближает совместная борьба за Загэс. Когда против строительства Загэс выступили некоторые видные государственные работники, Ленин потребовал от Серго Орджоникидзе новых серьезных аргументов в пользу строительства. Все инженерные расчеты, все технические обоснования, выкладки, цифры готовил Чичинадзе. Он и сам несколько раз писал Ильичу. Ленин признал полную правоту Орджоникидзе и Чичинадзе. Из очень скромных золотых запасов России Владимир Ильич выделил семьсот тысяч золотых рублей на первоочередные нужды Загэс.

Кому же, как не Виссариону Чичинадзе, находить выход из неожиданного рионского тупика!

Иностранных экспертов он знал неплохо. С некоторыми из них встречался еще на Загэсе. Был ими доволен. А Оболадзе?

— Оболадзе... Оболадзе... Гм... Что-то я слышал о нем. Кажется, хорошее? — Чичинадзе напряг память.

Добравшись до стройки, сразу спросил Джикия:

— Владимир Габриелович, я не ошибаюсь, монтажников с «Красного путловца» откопал и вынес из завалившейся штольни этот «ниспровергатель» Оболадзе?

Да, это был Ираклий! Все отступили, и пожарные команды, вызванные из Кутаиси, и саперы. Один Оболадзе не уходил, шестнадцать часов не выпускал из рук кирки. На голову сыпалась земля, каждую секунду мог задеть камень—они то и дело обваливались. Ираклий продолжал работать. Наконец он проделал лаз—80×80. Всех спас!.. За ним числится и другое, добавил Джикия. Восьмого ноября загорелась рабочая столовая. Ираклий бежал два километра. Едва домчался, огонь охватил крышу. Оболадзе полил водой свой праздничный костюм, снял пиджак, обмотал им голову, выбил окно и прыгнул внутрь. Он выхватывал из пожарища мешки и ящики с продуктами, неся с ними во двор, снова поливал себя водой из ведра и опять в пламя... Две недели все рабочие первого туннеля питались тем, что спас Ираклий.

— Я в него очень верю, — заключил Джикия. — На днях мы его приняли кандидатом в члены партии.

...Опять было собрание. Чичинадзе бросал в бурлящую толпу:

— Я требую от вас смелости мысли, размаха. Никогда не забывайте, что вы живете в Грузии — стране с неисчислимыми запасами «белого угля», в республике рек...

Приказ Чичинадзе: бить обходной туннель за номером три. Врезаться в осевшую гору, в оползни сразу тремя щтреками, из каждого вести ход влево и вправо. Шесть фронтов работы вместо двух по старому правилу.

Все козыри сразу в руках Ираклия Оболадзе.

...Тридцатые годы во многом не похожи на шестидесятые и даже не во всем понятны поколению, которому жить при коммунизме. Сын Ираклия—Теймураз—ученик отца, туннельщик, но даже он... Не то, чтобы не верит, а как-то снисходительно улыбается, пожимает плечами. Дескать, кто же вы были, отцы, слишком одержимые, или еще очень отсталые?..

Теймураз налегке садится в подземный «трамвай» и через несколько минут у цели. В забое его ждут: бурильная машина — она с победным скрежетом, со страшной силой врывается в камень, отбойный и бурильный молотки, породопгрузочные машины, электровозы, бетон-пушка. На помощь спешат экскаваторы и, как артиллерия главного калибра, горнопроходческий щит московского метро-строя.

На Риони самой главной силой были натруженные, безотказные руки мастеровых. А ведь там пришлось выбрать два

миллиона двести тысяч кубов земли и раздробленных скал—столько же, сколько и на воспетом поэтами Днепрострое, и в одиннадцать раз больше, чем на Дзорагас, известной по книге Мариэтты Шагинян «Гидроцентральный».

Ираклий запросто взваливал на плечи кайло, лом, лопату, освещал «ходок» фонарем «летучая мышь» и шагал полчаса, час, сколько требовалось, покуда добирался до места работы.

...Как-то Джикия не стерпел, позвонил Орджоникидзе, признался:

— Я всегда считал себя хорошим математиком, думал, что это мое подлинное призвание. Сейчас посрамлен. Я рассчитывал, что третий туннель удастся пройти за два года (первый, если помните, отнял три года, а длина почти такая же...) Оползни, зыбкий грунт непрерывно надо крепить деревянными стойками, швеллерами, стягивать металлическими скобами. Под ногами — вода и липкая грязь, сверху течет... Место на редкость дрянное! Прошло восемь месяцев, и туннель — верхний и нижний ходы — готов. Все 1 500 метров... Все эти восемь месяцев бригады Оболадзе, Гоголеншвили, Григоряна, Херхадзе. Политиди работали без выходных дней. По восемь часов вместо шести!

— Обязательно надо отметить ваших туннельщиков, премию дать, — откликнулся Орджоникидзе. После короткой паузы воскликнул: — Знаю, знаю, что сделать. Мне докладывали — у немцев появилась новинка, механический бетонировщик откосов «Даймлер». Я выпишу один для Риони. И уж ладно, разорюсь, закажу еще фирме «Любек» два многоковшовых экскаватора. Благодарю, товарищ Джикия, туннельщиков!

...Тридцатые годы—молодость отцов — они во многом не похожи на шестидесятые! За несколько часов до окончания всех работ в туннеле № 3, когда все оркестры Кутаиси, Ткибули и Зестафони были мобилизованы и переброшены в Риони для того, чтобы исполнить громовой туш в честь героев-туннельщиков, рухнула подпиленная в нескольких местах наемным убийцей шестиметровая эстакада.

Ираклий еще пытался кого-то выхватить из-под вагонетки и, как камень с вершины горы, сорвался на дно туннеля. На левую ногу навалилась тележка с породой... Профессора, вызванные из Тбилиси, настаивали:

— Если хотите, чтобы этот парень остался жить, мы отнимем ногу выше колена, иначе... Слишком много плохих признаков. Раны рваные и грязные, а заражение крови редко удается победить.

Туннельщики подняли бунт. Дежурили в больнице, рвались в операционную. Джикия и даже Чичинадзе спорили с

профессорами. Все вместе они уговаривали молодую жену Ираклия — Женю, Евгению Григорьевну, как ее уважительно величали, дать расписку «в том, что за все, могущие проявиться последствия отказа от ампутации, врачи нисколько не отвечают».

Шесть месяцев лежал Ираклий в больнице. Вдосталь было времени раз и другой перечитать «Туннель» — подарок Джикия, поволноваться за этого славного шахтерского парня — рыжеволосого Мака. И как же ловко он выбрался из завалившегося штрека! Хватало ночей, чтобы с инженером Мак Алланом и крепко поспорить, и солоно поругать его, хотя в сущности он остался неплохим человеком...

Богатырский организм брал свое. Выздоровлению во многом способствовали друзья. На общем собрании строителей и прибывших из Ленинграда и Харькова монтажников решено было объявить Оболадзе «Героем Ударного Труда».

Уважение и признательность выражали многие коллективы, города, вовсе не знакомые люди. Все от души. Каждый как мог. Кутаисский городской Совет постановил: «Удовлетворить просьбу личного состава милиции и присвоить бригадиру туннельщиков РионГЭС товарищу Ираклию Онисимовичу Оболадзе звание почетного милиционера конного дивизиона»...

Поправился Ираклий. В прямом и самом буквальном смысле этих слов встал на ноги, левой притопнул разок другой, убедился — кости срослись, сила есть. Отпуску конец. Поспешили Евгения и Ираклий Оболадзе на восток от Сурамского перевала, в незнакомые, далекие от железной дороги места на реке Храми. Там, на гребнях Триалетского хребта, на вулканических плато Джавахетского нагорья, во впервые потревоженных человеком зарослях дуба, ели, сосны, друзья-туннельщики начинали новое большое дело. Под началом Владимира Джикия шла подготовка к строительству первой ступени большого Храмского каскада гидроэлектростанций.

Прохладный воздух наполнен раскатами взрывов, грохотом, ревом моторов, гомоном людских голосов. Для того, чтобы отвоевать у гранитных скал, у лесов, где веками стояли деревья в два обхвата, площадку для палаток или немного расширить рабочее место, одновременно закладывали несколько тонн взрывчатки.

Место и работа — все понравилось Ираклию. А людей он хорошо знал и раньше: испытанные рионские товарищи Лаврентий Гелашвили, Артем Григорян, начальник участка Николай Макаревич. Все давным-давно связали свою

судьбу с туннелями, с покорением быстрых, своевольных рек Грузии.

Уроженец старого Тифлиса Николай Макаревич долгие годы был рядовым железнодорожным техником. Однажды ему поручили отремонтировать туннель на Сурамском перевале. Это была «роковая встреча», за ней последовала безумная, ничего не признающая «любовь». Макаревич влюбился в туннели. Бросил железную дорогу, отказался от льгот и надбавок, от большого города и в тот же год, что и Оболадзе, поступил на строительство Рионской ГЭС. Теперь уже на долгие годы переплелись дороги Ираклия и Николая. Вместе они будут строить едва ли не все гидростанции Грузии. Вместе получают и Сталинскую премию!.. Макаревичу под семьдесят, а он все еще занимается своими туннелями. Ему говорят:

— Дорогой Николай Алексеевич, поберегите себя, ну хоть немножко. Сидите дома, напишите учебник о туннелях или воспоминания гидростроителя...

Макаревич понимающе улыбается, спрашивает:

— «Гидроцентральный» приходилось читать? Там главный инженер, чудный старик описан. Он сбежал из приемной врача, проработал до трех часов ночи, в оправданье сказал: «Мы, по чести говоря, кессонщики, нам лучше не выходить из-под нагрузки — отсутствие ее состарит нас»... А ведь хорошо это сказано: «кессонщики!»

Из той же породы и Артем Григорян. Не только Ираклий, целое поколение туннельщиков считает его первым мастером своего славного, гордого цеха.

У нас и за рубежом десятки раз переиздавалась книга дважды Героя Советского Союза Алексея Федорова «Подпольный обком действует». Автор — один из наиболее талантливых и прославленных партизанских командиров. В прошлом он секретарь Черниговского обкома партии, а до того, конечно же, туннельщик. Давнишний ученик Артема Григоряна, друг Ираклия Оболадзе. Почти четыре десятилетия назад Федоров бил туннели на железной дороге Мерофа — Херсон. Вспоминая о тех днях, он рассказывает:

«Образцом для меня были те рабочие, которые трудились не за страх, а за совесть. Особенно, помню, нравились мне два сменных мастера — братья Григорян — Артем и Иосиф. Простые в обращении, они всегда помогали советом и молодому и старому, а если надо — и денег одолжат. Это были веселые люди, охотники поплясать, провести свободное время в компании.

К концу 1927 года, когда мы заканчивали туннель, я работал горным ма-

стером. Затем меня пригласили в Москву, в Наркомат, и предложили поехать на Кавказ строить РионГЭС; там было немало скальных работ, предполагалось пробить несколько туннелей. На Риони я тоже работал мастером...»

Начинал Артем в 1907 году на Северо-Кавказской железной дороге. Бил все туннели от Армавира до Туапсе. Последняя его работа — Ладжанури, напорные туннели и машинный зал в толще скалы. Как повелось, начальником всех работ был Макаревич, начальником самого трудного участка — Григорян. После Ладжанури шестидесятивосьмилетний Григорян вышел на пенсию. Через несколько недель он умер от разрыва сердца. Провожая друга в последний путь, Ираклий сердито заметил:

— Сколько раз я говорил детям, если любите, не уговаривайте, чтобы я бросил свои туннели: Нуну — врач, в Научно-исследовательском институте работает, а такой простой вещи не понимает!..

Историей туннельщика Оболадзе заинтересовался Серго. Нарком вызвал Ираклия в Москву, просил быть гостем в его доме.

Орджоникидзе уговорил бригадир туннельщиков выступить перед гидростроителями, учеными, инженерами. Рассказать о своей жизни, поделиться мыслями, поспорить. Пришлось Оболадзе поработать и в Научно-технической комиссии, назначенной Серго Орджоникидзе для окончательного рассмотрения проекта гидроэлектростанции на Храми. 29 февраля 1936 года в печати появился снимок: за столом Серго, академики Графтио, Винтер и Ираклий Оболадзе.

3

Только размахнулись в полную силу, ушли подальше в гранитную толщу Триалетского хребта, началась Отечественная война.

Всю ночь с двадцать второго на двадцать третье июня Ираклий проработал в туннеле, а утром бросился в Цалку — к военному району.

— Сегодня же отправьте на фронт. Имею специальность горного артиллериста. Год учился в полковой школе, помощником командира взвода был. Что еще надо?

Военком попросил срок до завтра. Потом вовсе отказал:

— На вас, Оболадзе, бронь. Не имею права беспокоить.

Ираклий написал в республиканский Комиссариат. Попросил принять во внимание: в партии он с 1931 года, в комсомол вступил в 1924. Поколебался, по-

том все же добавил — орденосеца я, имею не меньше ста благодарностей и премий. Член Центрального Комитета профсоюза строительных рабочих СССР.

Ответ пришел быстрее, чем мог ждать Ираклий, пожалуй, даже раньше, нежели его письмо дошло до Тбилиси. По ночному звонку из Штаба Закавказского фронта Оболадзе вместе с другими, наиболее умелыми строителями туннелей, на вездеходах перебросили за перевал. Дальше на самолетах доставили к переднему краю обороны Кавказа. Под авиационной бомбежкой и артиллерийским обстрелом недавние строители гидроэлектростанций возводили важные фортификационные сооружения, превращали теснины и ущелья в неприступные рубежи.

Пришло время, и со стремительной, неуловимой лавиной наступающих дивизий Советской Армии туннельщики, бетонщики, плотники из сводной бригады Ираклия Оболадзе спустились в долины Северного Кавказа. В Нальчике они получили боевой приказ: вернуть к жизни взорванную, сожженную Баксанскую ГЭС. Бригадир тут же произвел переключку: Георгадзе Александр — убит на перевале, Кудрявцев Фрол — разорван авиабомбой на Тереке, Айвазов Василий — пал смертью храбрых в Кабарде...

— Я понимаю так, что в строю не должно быть прогалин, — сказал Ираклий после скорбных минут молчания. — Будем работать и за наших погибших товарищей и учить новых людей.

Новые люди — это подростки и старики, совсем недавно вызволенные из гитлеровской неволи. Угасшие, глубоко запавшие глаза. Кости, обтянутые сухой желтовато-коричневой кожей. Дрожащие руки. Их хочется пожалеть, а они, гордые, не принимают снисхождения! Им не терпится почувствовать себя равными во всем. Вот и приходится Ираклию, кроме всех своих старых специальностей: прокладчика, крепильщика, бетонщика, арматурщика, плотника, землекопа — срочно приобретать навыки и такт недюжинного дипломата. Надо очень деликатно, так, чтобы никто из пополнения не заметил, помочь хлебом, консервами, деньгами и работу подобрать не слишком тяжелую. С собой и старыми друзьями считаться уже не приходилось.

В ту военную пору мера на все была, конечно, другая. Отдан приказ, его надо выполнить, а что это подвиг — узнавали годы спустя, если оставались в живых. Нечто похожее произошло и в ущелье Баксана с восстановлением тщательно, методично исковерканной гидроэлектростанции. Теперь все удивляются, как же это удалось горстке мастеров, с такой быстротой!

— Надо было! — просто объясняет Оболадзе. — Приказ Верховного Главнокомандующего.

Верно, ему рапортовали — приказ выполнен. Электроэнергия Нальчику, Пятигорску, Минеральным Водам, Кисловодску, Георгиевску дана.

Сталин телеграммой ответил:

— Благодарю, Родина не забудет.

Будете близко от ущелья, полюбопытствуйте, зайдите в машинный зал красавицы ГЭС, там висит табличка: «На работах по восстановлению Баксанской гидроэлектростанции особенно отличилась бригада нашего друга из Грузии И. О. Оболадзе».

...Война откатилась далеко на запад. Исход битвы за спасение человечества был предрешен, но бои еще продолжались. Страна жила по правилам военного времени: будь там, где ты больше нужен.

Снова для бригады Ираклия подан самолет — большой, отслуживший свое бомбардировщик. Курс самый приятный, какой только может быть — в Грузию. Ей, как воздух живому человеку, нужна электроэнергия.

Ираклий — на Храми.

Если свериться с географией, — Храми к югу от Тбилиси. И все-таки зимы там суровые, совсем российские. В 1946 году февраль также начался 25-градусными морозами. В одну ночь сковало льдом водохранилище. Валил снег, неистовствовала метель, пурга. Обыкновенные сани с колокольчиками больше не годились. Впереди пошел бульдозер, за ним гусеничные тракторы потянули сани. Так с берега на берег доставляли рабочих, подвозили продукты и материалы.

На первом участке, в гигантской трубе — ее насквозь продувало со страшной силой, — действовала группа добровольцев под началом Оболадзе. Работа была не по специальности, но выполнить ее могли только добровольцы. Не работа — подвиг. Коченея на морозе, изнемогая от ледящего ветра, смельчаки во что бы то ни стало должны были до весеннего паводка смонтировать облицовку, уложить бетон. В половодье буйную реку необходимо было пропустить по трубам, в обход через штольню. Иначе все откладывается на год. Заводы во всей республике и без того на голодном пайке, целым сменам стоять в ожидании энергии. Кроме Храми, никто не может выручить. Остальные гидроэлектростанции давно работают на пределе...

— Мы с тобой коммунисты, Лаврентий, — обратился Ираклий к своему другу и коллеге Гелашвили. Оба с Риони, оба бригадиры. — Мы с тобой коммунисты, нам первыми идти!

— Я не привык отказываться, Ираклий, — ответил Лаврентий.

Взялись и сделали.

Гидростанцию Храми-1 пускали особенно торжественно. При описании туннелей, плотины, турбин, каждого агрегата обязательно добавляли — самый высокий, самый большой, самый длинный, самый мощный. Специалисты на этот раз не сдерживали корреспондентов. Сами подчеркивали, что проектировщикам и строителям ГЭС пришлось решать сложные, впервые возникшие инженерные проблемы, применять необычные конструкции. А уж напорные туннели, пробитые в самых неблагоприятных вулканических и обломочных породах, в озерных отложениях, — и вовсе уникальные. Европа не знала ничего подобного. Не могли похвастать и американцы.

Ираклий, годом раньше награжденный орденом Трудового Красного Знамени, теперь получил орден Ленина. Поблагодарил, собрал бригаду и поехал на новое место — в Самгори. Никто тогда не знал, что из Москвы дано правительственное задание просить ученых и крупных инженеров держать Храмскую гидроэлектростанцию под неослабным наблюдением, строго проверять, как поведут себя все оригинальные конструкции и сооружения. Испытание временем — самое верное, не зависит от чьих-то вкусов, симпатий, честолюбивых расчетов... В середине марта 1951 года ветеранам Храми была присуждена Сталинская премия.

Судьба, вернее профессия, разбросала кого куда эту славную группу лауреатов. Бригадир туннельщиков Ираклий Оболадзе и инженер Мириан Эбралидзе — вновь на Храми. Николай Макаревич — в тресте «Грузгидроэнергострой». Арон Гиндин — главный инженер строительства Братской ГЭС в Сибири, Георгий Цулеискири — в Египте, руководит туннельными работами на строительстве высотной Асуанской плотины и гидроузла. Висарион Эристави — в Москве, в Гидропроекте СССР.

Да, Храми — это высокая марка. Завидная школа.

Снова, после нескольких упущенных лет, гидростроители вернулись к отличной идее Чичинадзе и Джикия — создать на Храми и ее притоках большой каскад, чтобы воды, уже добросовестно поработавшие на верхней станции, сбрасывались на лопасти турбин следующей ГЭС; так до низовья реки. На всех ступенях — электростанции регулирующие, то есть не зависящие от времени года и половодья. Эту счастливую мысль поддерживали академики Винтер и Графтио. Ее одобрил Серго Орджоникидзе как раз в те дни, когда у него гостил Ираклий.

Потом уже XX съезд партии дал указание строить Храмы-2. Мириана Эбралидзе назначили начальником работ. Он предложил Ираклию пойти к нему прорабом, еще лучше старшим прорабом.

— Я с большой радостью, но только в туннель, — тотчас же отозвался Ираклий, третий месяц лежавший в больнице с переломанной ногой: на этот раз правой. — Хотите, пойду проходчиком, бригадиром. Прорабом — ни за что!

Но об этом потом. Еще много событий произошло в жизни Ираклия Оболадзе. Хороших и отчаянно плохих.

1948 год. Самгори. Неожиданное и страшное столкновение с пучащимися глинами. Так и хочется переспросить — глина, что за столкновение с ней может быть, какая у нее сила?! Даже поговорка насмешливая сложена — стоит на глиняных ногах, то есть, вот-вот завалится. Но...

Едва бывалые итальянские туннельщики на Симплонском перевале в Альпах наткнулись на пучащиеся глины, они бегом покинули забой. Несколько километров готового туннеля были навсегда брошены. Шоссе Милан—Берн и железную дорогу повели в обход. Никто не сказал ни слова осуждения.

А дело вот в чем. Когда проходчики вскрывают забой, эта глина освобождается от давления, действующего на нее многие столетия. Она пучится, невероятно расширяется, быстрее теста в квашне. Играючи, глина скручивает, выгибает самым причудливым образом стальные балки, сплющивает в лепешку бревна диаметром в сорок-пятьдесят сантиметров.

Было известно, что единственное средство борьбы с пучащимися глинами — не медля ни часу бетонировать каждый пройденный метр. Итальянские туннельщики в надежность такого средства не поверили... Грузинские проходчики устояли!

Ираклий хорошо помнит место и время — Самгори, одиннадцатый забой, только что вскрытый его бригадой. В ночной смене чуть замешкались, поотстали с креплением и бетонировкой. Пучащаяся глина сразу показала себя. Вырвалась и давай все крушить. Унять удалось не сразу — не через день и не через два — и дорогой ценой. Три человека погибли, нескольких поранило. Но выстояли и повели забой дальше через страшные пучащиеся глины.

Такая уж специальность — туннельщик!

После Самгори — Сиони. А там — мало кому известный поселок Дзеври. Это в горах, к западу от Сурамского перевала.

Проходку первой наклонной шахты будущего трубопровода, против обычного, вели снизу вверх. Вода сильно нажимала. Одновременно надо было быстро откачивать холодные потоки, крепить забой, вести проходку. Пригодились почти все восемь специальностей Ираклия. А бригадир как на грех заупрямился...

— Пришел к вам, товарищ начальник, по партийному делу, — объявил Оболадзе руководителю строительства Ткибульской гидроцентрали Василию Кавлашвили. Они были старые знакомые. Встречались десятки лет на берегах многих рек. Кавлашвили, как и Оболадзе, лишь один раз «изменил» призванию гидростроителя. Отечественная война сделала Василия сапером. С фронта он вернулся кавалером орденов Богдана Хмельницкого, Отечественной войны, Красной Звезды. Достраивая Храмы-1, получил и первый орден Трудового Красного Знамени.

— Если можно, пригласим и секретаря нашей партийной организации, — попросил Ираклий.

Вошел Илья Беришвили, секретарь партбюро. Оболадзе сразу в лоб задал вопрос:

— Правильно я понимаю, что в партийной работе самое главное — воспитание людей?

— Важнее ничего нет, — подтвердил Илья.

— И я так считаю. Важнее всего растить человека, давать простор его труду...

— Правильно!

— Тогда прошу мою бригаду ликвидировать.

— Ликвидировать? — начальник строительства от изумления вскочил. — Ты что, Онисимович?

— Очень просто. Коммунист я? Должен вести работу с людьми?

— Ну, а бригада? Мешает, что ли? О своих людях и думай.

— Я и думаю...

— Ничего не понимаю, — не выдержал Кавлашвили.

— Сейчас поймешь, — очень спокойно пообещал Ираклий. — Нельзя в одно и то же время звать человека вперед и держать на привязи. Людей давно надо на самостоятельное дело ставить, а они все под моей командой находятся. Я так предлагаю. Бригаду, с которой сюда приехал, распустить.

— А вас куда прикажете?

— Это, Василий Тимофеевич, ваша забота. Туннельных работ много. Не поскучите, выделите из разнорабочих человек шестьдесят, несколько комсомольцев. С ними поведу забой. Это и будет моя партийная работа с людьми.

Начальник строительства и секретарь партийного бюро молча переглянулись.

Кавлашвили не выдержал, воскликнул с досадой:

— Не понимаю твоего молчания, товарищ Беришвили. Знаешь, с каким трудом я добился в тресте, чтобы бригаду Оболадзе послали к нам. А теперь...

Беришвили развел руками. Сказал:

— Мы, Василий Тимофеевич, ответ дали в самом начале разговора. Оболадзе спрашивал, что главное. Главное, действительно, люди. Дашь людям простор — глядишь, и показатели вырастут. А на сегодняшний день решение, предложенное Онисимовичем, по-человечески говоря — трудное. Чего скрывать, мы ждали, что его бригада сразу рванет вперед, за нею невольно подтянутся все другие и выполним план. Сейчас положение меняется. Какое-то время не будет крепкого вожака в соревновании, да и Оболадзе уйдет с привычного места...

— Я своей честью дорожу, — вмешался Ираклий, — не бойся. Хвастать не стану, но через четыре—пять месяцев привезете переходящее Красное Знамя моей новой бригаде. А пока вызову на соревнование бригаду Гелашвили. Мы в одном году в партию вступали, одинаково комсомол нам рекомендацию давал. Оба ордена Ленина вместе получали.

— Так... Придется согласиться, — решил нехотя Кавлашвили. — Трудно тебе придется, Оболадзе. Да и жена не поблагодарит, что от премий наперед отказываешься. А в семье у тебя, я знаю, трое учатся. Меньше заработок мужа — больше хлопот жене. Достанется тебе, Ираклий. Со всех сторон шишки набьешь...

Через несколько дней Оболадзе принял новую бригаду. Из пятидесяти человек, только что поступивших на строительство. Сорок восемь из них туннеля и в глаза не видали. Двоим, спасибо, пришлось как-то спуститься с экскурсией.

Каждый метр проходки давался с муками. Еще одно усилие и впереди... огромный провал. Бездонная пропасть.

Невольно все новички подались назад. Кое-кто ошалело побежал. Ираклий в полный голос крикнул:

— Стой, пропадешь там позади... сейчас рухнет кровля!

Это бригадир уже нарочно припугнул, чтобы его подопечные не разбежались, держались возле него. С тыла ничего не угрожало. А впереди?.. Оболадзе вынул из кармана коробку папирос, пригласил: берите, ребята, закуривайте! Потом, будто так, по стариковской словоохотливости, бросая быстрые взгляды то на часы, то на хмурые лица

своих парней, принялся вспоминать былое, пережитое.

— Бьем мы, значит, туннель, спешим пропустить реку в новое русло, вдруг, на тебе, подарок от кавказских гор — провал. Побольше, чем сейчас. Бросили камень — не слышно, как на дно упал. Плохая встреча, много времени уйдет на обход, а так чтобы для жизни какая опасность — сомневаться не приходится. Пропасть называется карстовая пещера. В наших горах их больше чем надо. От сильной воды порода растворилась по трещинам... Ну, отдохнули, хватит, — совсем буднично сказал Ираклий. — Поведем ходок в сторону, вроде бы мы разведчики или, лучше сказать, саперы, ищем, где незаметно проход сделать... Пошли, пошли! Нам нельзя отстать в соревновании. У Лаврентия Гелашвили, знаете, какие парни подобрались, огонь!.. Некрасиво будет, если они подойдут к месту сбойки туннеля, а нас и близко нет. Засмеют!

Прошел месяц, второй. Ираклий первым поздравлял Лаврентия с заслуженной победой. Острый на язык Гелашвили не стерпел:

— А очень непривычно тебе, Ираклий, не видеть своей фамилии на Доске почета?!

— Ничего, я уже ездил в город, новую фотокарточку приготовил, скоро вывесят, — пообещал Ираклий.

Только на этот раз Ираклий плохо рассчитал. Фотографий он заказал слишком мало. Они понадобились не только для Доски почета. Вскоре после разговора с Лаврентием Гелашвили гидростроители, виноградари и кукурузоводы нескольких смежных районов горной Имеретии выбрали бригадира туннельщиков, члена партийного бюро строительства Оболадзе депутатом Верховного Совета Грузии.

Быть может, следует указать даты?

Ираклий попросил расформировать свою знаменитую бригаду и взял себе в обучение новичков в конце 1954 года. Выборы в Верховный Совет Грузии состоялись в 1955. Вторично Ираклия избрали депутатом в позапрошлом году, стало быть уже на Храми-2.

Как знать, где окажется бригадир туннельщиков ко времени следующих выборов?! Человек, однажды назвавший себя гидростроителем, всегда в пути. Когда все дерзко задуманное благополучно свершится, он укладывает чемоданы, чтобы где-то снова зажечь первый костер, пустить по кругу первую кружку с кипятком и пройти первый метр забоя. И снова будет день торжественного пуска и день отъезда...

На Храми-2 работы осталось всего на несколько месяцев. Природа попыталась было дать последний бой у посел-

ка с точным и выразительным названием — Пичвебис-Хеви — Сосновый овраг. Здесь собрались и обломочные породы — это страшная мешанина, получившаяся при гигантских разрушительных катастрофах, бог знает какого столетия, и захлестывающие проходчиков подземные потоки. Люди невесело шутили: «Если бы не было реки Храми, электростанцию можно было бы поставить на подземных водах. Пятьдесят литров в секунду!».

Положение в Пичвебис-Хеви бурно обсуждал партийный комитет строительства. Поднялся член парткома Оболадзе, сказал, что просит перевести его в самую отстающую бригаду и дать наиболее трудный участок проходки. Никто не стал отговаривать, ибо помимо всего с годами приходит мастерство, которое уже не укладывается в рамки квалификационных разрядов и тарифных сеток. Мастерство, если оно настоящее, — как у Ираклия Оболадзе! — с годами обязательно вступает в область искусства.

На Храми дело быстро идет к концу. Зато на Верхне-Сванетской дороге день и ночь надсадно гудят грузовики с передвижными электростанциями, сборными домами и совсем прозаическими ящиками с консервами. Сердито урча, задыхаясь на невообразимо крутых разворотах, карабкаются вверх экскаваторы, бульдозеры, подъемные краны. На отвесных скалистых берегах Ингури, что рождается в краю суровой песни Лилео, начинается строительство самой крупной гидроцентрали Закавказья. Она одна даст в два с половиной раза больше электроэнергии, чем все ныне работающие гидростанции Грузии, вместе взятые!

Одно остается неизменным — и на Ингурском рубеже первыми идут в наступление туннельщики. К XXII съезду партии будут добрые вести с Ингури — вскрыт первый забой туннеля, в кото-

ром, при желании, без труда уместится трехэтажный дом.

А начальником грандиозного ингурского строительства назначен Василий Кавлашвили. После того памятного столкновения, когда Ираклий ликвидировал свою бригаду, они с Василием очень довольны друг другом. Люди одной породы и такой же счастливой судьбы; не может быть, чтобы они еще не поработали вместе! Укрощение Ингури — это для них.

5

Когда-то большой, дальновидный немецкий писатель Бернгард Келлерман печально сказал о своем герое инженере Мак Аллане: «Творец туннеля, он превратился в его раба... Аллан начал строить туннель молодым человеком. А теперь он стоял здесь с белыми, как снег, волосами, изможденный, с бледными, дряблыми щеками и детски наивными серо-голубыми глазами».

Туннель отнял у Аллана жену, любимого ребенка, все, что дорого человеку... И сам Аллан, по словам писателя, служит вознаграждением за то, что один из могущественных дельцов Уолл-Стрита соглашается дать доллары для продолжения работ после катастрофы, происшедшей лишь вследствие того, что проходчики наткнулись на карстовую пещеру.

Да, был бы жив Бернгард Келлерман, рассказать бы ему о судьбе Ираклия Оболадзе...

Для Бернгарда Келлермана — свободолюбца и гуманиста — это было бы веским доказательством, что все зависит от того, где трудится туннельщик, — на земле доллара или на земле Коммунизма.

Храмы, Пичвебис-Хеви.
Август-сентябрь.

Ростом Бежаншвили

На берегу большой Алазани

Два дня подряд лил дождь. Дорогу так развезло, что и быкам трудно было бы ее одолеть.

Всю ночь мы не отходили от окна, за которым беспрестанно сеял мелкий назойливый дождь. Нас было несколько человек.

Крестьянин из Кеди, приехавший в Цители-Цкаро за макаронами, то и дело возмущенно восклицал:

— Льет сейчас, когда нивы уже сгорели!

— Хорош дождь, хорош! — улыбаясь, приговаривал тучный азербайджанец, приехавший из-за Алазани в гости к своим «кунакам».

— В местностях с глинистой почвой уровень осадков подымется до ста миллиметров, — объяснял мне молодой чернявый парень, нефтяник, буровой мастер по профессии.

Ранний летний рассвет медленно разливался по туманному, затянутому тучами, небу. Только второй раз прокричали петухи, но мы уже начали собираться в путь. Молодой нефтяник тщательно скреб электробритвой безбородые щеки, крестьянину из Кеди почему-то не нравились длинные макароны, и он ломал их на несколько частей.

Все мы спешили и подзадоривали друг друга — кто скорее будет готов; но долгожданное приходит неожиданно — и мы оглянуться не успели, как совсем рассвело и дождь перестал лить.

Выйдя из гостиницы, мы разошлись в разные стороны. Дождь и номер гостиницы объединили нас в эту ночь, но у каждого были свои дела и своя дорога.

Я направился в контору колхоза села Джапаридзе.

У конторы меня встретили бухгалтер, председатель сельсовета и директор школы. Председателя колхоза — Нико Кочиашвили я не смог повидать — он был на совещании в Тбилиси. Председатель сельсовета откровенно высказал мне свое неудовольствие по поводу

того, что все, кто к ним приезжает, пишут или о Кочиашвили, или о передовых бригадирах, или о передовых колхозниках, а о нем, о председателе сельсовета, никому и в голову не придет написать. Я постарался убедить обиженного главу сельсовета, что очерки пишутся вовсе не «исходя из должностного положения», но удалось ли мне это — не знаю.

Бухгалтер, прислушиваясь к нашей беседе, только улыбался, наклоняя голову вбок.

Неожиданно подъехал и остановился перед нами вездеход. Откинулась дверца, и на землю легко спрыгнул невысокий мужчина средних лет, просто одетый, небритый.

— Эге, вот и наш передовик явился! — воскликнул бухгалтер.

Давида Сепиашвили я представлял себе примерно таким, каким он и оказался, но был все же немного разочарован. Я знал, что этот человек — свиляр колхоза села Джапаридзе, что он еще молод и прославился, благодаря своей будничной, весьма прозаической работе. Он не был ни профессором, ни доцентом, ни председателем колхоза, ни депутатом. И тем не менее, Давида знает вся страна, знает его и Никита Сергеевич.

И потому думал, что Давид явится несколько даже загордившийся, в шляпе и при галстукее... Но голову его покрывала выгоревшая на солнце и вылинявшая от дождей старая кепка, в глазах, покрасневших от бессонницы, затаилась усталость и, казалось, он только недоумевал — для чего это отрывают его, крестьянина, от работы, кому он так не вовремя понадобился.

Мы пожали друг другу руки, сели в тот же вездеход и покатали в Милари, где находилась знаменитая свиноферма колхоза.

Давид — наредкость несловоохотливый человек. За него все время говорил

мой второй спутник, Амиран, инструктор райкома. Амирану, видимо, привычна эта роль — знакомить приезжих с жизнью и работой Сепиашвили. Когда я спрашивал что-нибудь у Давида, отвечал Амиран.

Мы выехали из села и едва не увязли в густой, чавкающей под колесами, грязи. Здесь, конечно, не проехала бы ни одна машина, кроме вездехода. Шофер после каждого поворота приговаривал, покачивая головой:

— Ну и дождь был! Кукуруза-то как ожила!

От Джапаридзе до фермы поворотов было немало, и он повторил эту фразу не один раз, но в голосе его было столько радости, простой радости крестьянина, который живет жизнью земли и урожая, что мне тоже захотелось петь хвалу этому дождю, который я проклинал весь вчерашний вечер и ночь, хотелось погладить ладонью длинные шершавые прохладные листья и початки кукурузы, росшей по обе стороны дороги, пройтись босиком по мокрой черной земле и вдохнуть ее неповторимый аромат.

А тот, ради кого я ни свет ни заря ехал в эту слякоть к берегу Алазани, сидел тихо, молча и задумчиво смотрел на орошенные дождем поля.

Миновали безымянное озерцо. Потянулись пологие холмы. На пастбищах разбрелись отары. Солнце уже поднялось, разогнало тучи. От мокрой земли подымался пар. Казалось, будто эти поля и холмы чьей-то невидимой рукой оторваны от всего мира. Здесь не было ничего, кроме сильного запаха мокрой, нагретой солнцем земли и травы. А вдали, за Алазанию, чернел лес. И человек, затерянный среди этих безлюдных просторов, выглядел маленьким, беззащитным. Но вдруг где-то в поле послышался знакомый голос: «Говорит Москва. Московское время...» И произошло нечто неожиданное: безлюдные просторы оставались такими же пустынными, мокрые стебли кукурузы так же доверительно шептались друг с другом, в небе черной точкой неподвижно висел ястреб, выискивая добычу; но голос московского диктора вдруг сделал близким и домашним все окружающее: радио, словно по волшебству, наполнило это безлюдье шумом большой жизни.

Машина выехала наконец на широкую ровную дорогу. Здесь не было рытвин и ям, не было и непролазной грязи. Горячими порывами налетал степной ветер.

Неожиданно в лучах солнца засверкал перед нами Алазанский канал. Шо-

фер смело, как хорошего коня, напразил машину в воду и вскоре мы были на том берегу.

Здесь начинались владения Давида Сепиашвили. Машина остановилась. Давид сошел первым и, по-хозяйски оглядевшись по сторонам, зашагал к дому, видневшемуся недалеко. Мы последовали за ним.

Длинное приземистое здание, выстроенное из бетона и кирпича. Со стороны фасада мы не увидели ни дверей, ни окон — у этого дома нет передней стены. Солнце и воздух беспрепятственно проникают внутрь помещения. Перед зданием, на обширной цементной площадке, иссеченной канавками с водой, стоят большие дощатые ящики. По обеим сторонам их внизу проделаны отверстия. Сверху в ящики засыпается комбикорм. Белые, скорее даже розоватые от жира крупные свиньи, стоят по обе стороны этих кормушек и, похрустывая, чавкая, завтракают.

Тут же, на площадке, оборудованы деревянные «ванны», в которых последние отдыхают обитатели длинного дома без стены. На одном из ящиков установлены два мощных прожектора; ночью они освещают всю окрестность.

Ферма огорожена прочным забором. Чистота здесь образцовая; если даже захочешь, ни одной мухи не сыщешь. А к специфическому запаху хлева постепенно привыкаешь.

Давид вынес стулья и расставил их на лужайке. Мы уселись, и я попытался вызвать его на разговор. Но он все отмалчивался, пока я не вытащил блокнот, авторучку и не пристал к нему, как говорится, с ножом к горлу.

Слава о делах Давида Сепиашвили прогремела за пределами его фермы. О его труде можно прочитать в любой газете. Но меня интересует не это. Я хочу узнать его поближе, узнать его за таенные мысли и чувства. И потому, как только блокнот и карандаш сыграли свою роль — «вынудили» заговорить отмалчивающегося человека, — я незаметно прячу их в карман. Наконец мне удается завязать с ним непринужденную беседу!

— А сколько вам лет, Давид?

— Э, дорогой, постарел я, постарел. — усмехается он и поглаживает рукой седеющую черную щетину на щеках. Лукаво глядя на меня, продолжает: — Ты, наверное, знаешь этот стишок — «Парень, выбрит ты на славу...» Я прерываю его:

— Небритый человек всегда кажется старше своих лет. Но я понимаю, что вам просто некогда бриться.

— Нет, — Давид протестующе поднимает руку. — На это уж у меня всегда есть время. И представь, мои свиньи так привыкли к запаху одеколona, которым я протираю лицо после бритья, что, пожалуй, не подпустят меня близко, приди я к ним небритый. Ведь животные узнают хозяина по каким-то неуловимым для нас признакам... А сегодня я просто не успел: всю ночь мы с ветврачом не спали — моя Тетрона заболела.

— Видно, объелась? — невольно улыбнулся я.

— Наоборот, она два дня ничего не ела. Лежала и стонала, бедняжка. Так мы ей теплые компрессы делали, поили чем-то. Сегодня зато все в порядке, и ест она с аппетитом.

— Часто они у тебя болеют? — незаметно перехожу я на «ты».

— Нет, очень редко. Миларские степи, правда, не живописны, но воздух здесь чистый. И животные все крепкие, как кремень.

— Вы пускаете их пастись за пределы фермы?

— Нет. Если пустить их на пастьбу, весь жир спустят. А здесь они, как в санатории — едят, спят...

— А давно ты работаешь?

— Семнадцать лет мне было, когда я начал пасти овец. Наш колхоз тогда был далеко не такой богатый, как сейчас. Война только кончилась, годы были тяжелые. И я тогда был уже не подпаском, а пастухом целого стада, за которое отвечал головой.

— Трудно быть пастухом?

— Да, жизнь пастуха полна опасностей. Он один со стадом в безлюдных горах, а у овец врагов много. Эти скитания и сделали меня таким неразговорчивым, но зато терпеливым, выносливым...

— И долго ты бродил с овцами?

— Три года. А потом призвали в армию. В 1953 году, отслужив срок, вернулся домой... По горам тосковал я в армии. И как только вернулся, на третий день ушел в горы.

— А эта ферма тогда уже существовала?

— Вот, слушай. Ушел, значит, я с отарой в горы, и через несколько месяцев меня вызывают в колхоз. На комсомольском собрании говорят, что нужно мне взяться за свиней. Слышишь, оставить овец, спуститься в долину и ходить за свиньями!

— Погнали горного оленя в поле, выходит?

— Погнали, погнали! Не хотел жалко было с той жизнью расставаться,

да что поделаешь! Понял я, что здесь, внизу, больше нужен, именно здесь трудно колхозу, а ведь я член этого колхоза и должен помогать ему всеми силами.

— А кто же остался с овцами?

— Мой подпасок. Хороший парень, сметливый, рассудительный, честный. С ним овцам не будет худо.

— А ферма?

— О, ферма! Свиньи тогда одичалые были, бегали всюду: то на Алазани паслись, то в лесу, то на канале. С расцарапанными рылами, грязные, худые... В неделю по две падали. Воды не было, комбикормов и подавно... Ни хлева, ни бани... Не ферма, а логово диких кабанов...

— А правление колхоза разве не помогало тебе?

— Ну как же, они очень помогали, но и требовали не меньше, если не больше. И мясо, и сало — все честь честью в срок сдавай.

— Это как же?

— Вот именно! Ну, думал, думал и решил. Прежде всего надо привести в порядок ферму, а потом уж о повышении продуктивности заботиться. Взаялся я за работу. Вот когда деревенские бездельники захлеб говорили и не могли наговориться: Сепиашвили свиньям паркет настиляет, молоком поить их собираются!.. В общем, вволю чесали языками... А я решил: умру, но своего добьюсь. Ну и вот, выстроили это здание, потом задумал я площадку зацементировать и воду провести. Тут уже меня и вовсе насмех подняли. Чего, мол, не в свое дело суешься. И вдруг читаем в газете про опыт украинских колхозников. Тогда уж все злые языки замолчали. А я поехал к ним и пробыл там три дня. И представь, так похожи оказались методы их и моей работы, словно мы с ними вместе обо всем думали. Ну, приехал я сюда и уже смело продолжал своего добиваться. И воду провел, как задумал, и «баню» оборудовал, и кормушки вот эти, словом, все, что ты видишь... Правда, мне помогали, один бы я немножого добился. Правление меня снабжало всем необходимым. Если б не народ — не бывать нашей ферме...

— А на приросте скоро сказалось все это?

— Очень скоро. В прошлом году сдал я 1 005 голов, в нынешнем взял обязательство вырастить и сдать 1 600. И вот, сейчас июль, а я уже сдал 1 018 голов. Весь годовой план решил выполнить к 17 октября — это будет мой подарок съезду партии...

— Я вижу, ты человек не только слова, но и дела. А когда выполнишь план, у тебя ведь еще два с половиной месяца будут свободны до конца года...

— Сверх плана я сдам 300—400 свиней!

— Сколько это составляет на килограммы?

— Немного, три тонны.

— А всего за 1961 год?

— Что же, посчитаем. В среднем каждая свинья дает 80 кило. 2 000 голов дадут 16 000 килограммов.

— Это невероятно! Ведь если дело так пойдет, тогда, знаешь...

— Верно! Вот из окрестных сел вести пришли, что не только один человек, но и два-три колхоза не могут сдать столько мяса. Что же, я Таризэл или они Нацаркекии?¹ Ни то, ни другое. Я не хвастаясь скажу, будь это метод Сепиашвили или кого другого, коли он хорош, должен получить широкое распространение. Иначе ничего не выйдет. Если я даже 50 000 килограммов сдам в будущем году, все равно ничего не получится. Общее дело должно делаться всеми сообща.

Только сейчас я заметил, что Давид все это время простоял на ногах.

— Садись, Давид, что ты стоишь, — сказал я ему.

Амиран слушал молча, но как только речь заходила о цифрах, он прерывал нас, утверждал, что об этом я точно могу узнать в бухгалтерии. Однако волновался он зря — Давид рассказывал о своем кровном деле и ни одну цифру не мог бы забыть или перепутать.

¹ Таризэл — герой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»; Нацаркекия — герой народного сатирического эпоса.

— Сколько трудодней выработал прошлом году, Давид? — спросил я.

— Более девятисот, этого уж точно не помню. Я получил только хлеба три с половиной тонны, до шестисот рублей денег, около двадцати ведер вина, мед, сыр, водку... Словом, в доме у меня лишь птичьего молока не хватает.

— Ну, я вижу, в этом году твои дела будут еще лучше.

Он улыбнулся.

— А чей этот дом? — спросил я Давида про аккуратный кирпичный дом под черепичной кровлей с широким деревянным балконом.

— Мой. Мой и младшего свинаря.

После дождя сильно парило. Мы решили поехать в правление, а вечером снова вернуться на ферму. Разбудили шофера. Он нехотя уселся за руль, включил мотор и, протирая глаза и позевывая, стал ворчать — что за непоседливый народ, выспаться не дадут.

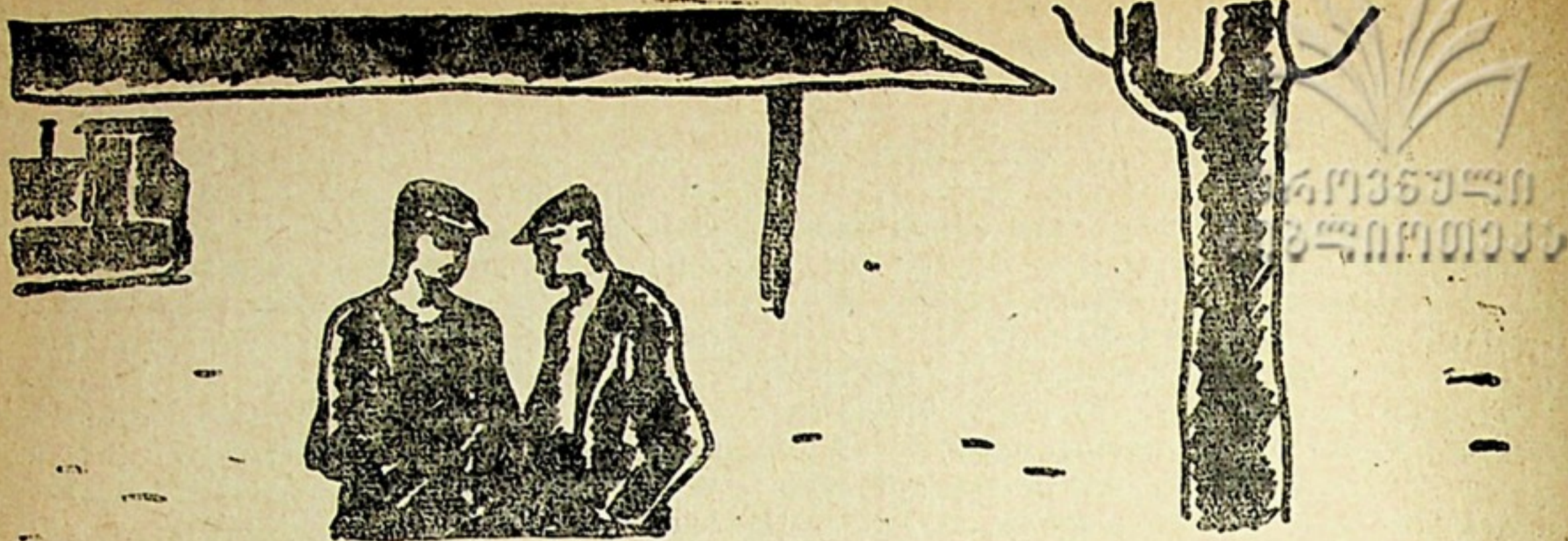
Машина миновала канал и легко покатила по уже совсем просохшей дороге. И снова шелестела кукуруза по обе стороны шоссе, и ветер обдавал нас своим горячим дыханием.

— Ну и дождь был, а! Ожила кукуруза! — с шофера сон как рукой сняло. Он улыбался и поглядывал на нас, словно ожидая подтверждения своим словам.

Амиран с жаром говорил о конголезском парламенте.

Давид вновь погрузился в молчание и, наверное, думал про себя, что зря потерял из-за меня целый день. А я слушал, как грохотал мотор, ожесточенно борясь с подъемом, смотрел на тучные алазанские поля, на черную полосу леса на том берегу, и мне хотелось обнять эту землю, прижаться лицом к ее щедрой родной груди.

Теб Гурджуа

Соперники

РАССКАЗ

Перевод с абхазского Р. Петрозашвили

Рис. Р. Кондахсазова

Кунта возвращался из города злой. Впрочем, это неточное определение душевного состояния, в котором пребывал директор Подгорной РТС. Плюньте на горячую кочергу, и вы услышите, как она шипит. Вот таким разгоряченным, как кочерга, только что вынутая из очага, был наш Кунта. Было отчего Кунте скрипеть зубами и всю дорогу, пока его старенький «Москвич» тарахтел до усадьбы РТС, призывать на лысую голову директора Приморской РТС Нико Харабуа дюжину чертей, запряженных в борону.

Представьте себе, приезжает Кунта в магазин «Автотракторосбыта», а ему вместо запасных частей показывают разведенные в стороны ладони с растопыренными пальцами. (Этот жест настолько общеизвестен, что и пояснять не надо). Как бы в дополнение к нему, продавец Федор Николаевич,

толстенький человечек из неудавшихся автомехаников, сказал:

— Где вы раньше были, батенька мой! Последние подшипники ваш сосед подчистую забрал сегодня утром.

Продавец сморщил маленький, как пуговка, нос, будто собираясь чихнуть, что у него выражало сочувствие. Кунте захотелось стукнуть кулаком по этой пуговке.

— Какой сосед? — спросил он, сразу наливаясь злостью, так как отлично понял, кого имел в виду продавец.

— Директор Приморской РТС Нико Харабуа, — ответил толстячок. — Он еще спросил у меня: Кунта Бутба брал какие-нибудь запчасти? Я сказал, что нет...

Кунта скривился, будто раскусил зеленую алычу.

— Так и спросил?

Продавец утвердительно кивнул круглой, как арбуз, головой.

— Ага. Еще и посмеялся. Пока, говорит, Кунта соберется отремонтировать свои тракторы, запчастей и след простынет. А у меня правило: запчасти кушать не просят, есть — бери, а нету — ищи.

— Значит, он знает, что у нас нет запчастей, и все-таки перехватил! Это он нарочно, хочет нас завалить. Я же тебя просил, позвони, как появятся.

— Э-эх, разве из города в район дозвонишься! Я, знаете, на такой героический поступок не способен.

— Оставил хотя бы немного подшипников. Я же тебя предупреждал, — с раздражением сказал Кунта.

— Дефицитный товар нельзя под прилавком держать...

— Дефицитный! Когда он перестанет быть дефицитным?.. Что же мне теперь делать? Председатели колхозов меня живьем съедят. И так каждый день торчат в мастерских, торопят тракторы ремонтировать, а я без подшипников не могу их выпустить.

— Попросите у Харабуа, может, он поделится с вами, — посоветовал продавец.

Кунта плюнул и вышел. Он так хлопнул дверцей машины, что задребезжали стекла.

— У Нико Харабуа зимой снега не выпросишь, не то что подшипников, — ворчал он, нажимая ногой на стартер.

И вот теперь Кунта возвращается ни с чем и в сердцах ругает себя за то, что ввязался в соревнование с Приморской РТС, ругает бездельников, не обеспечивающих РТС запчастями, а больше всего ругает жадного Нико Харабуа.

— И всегда-то он, черт, везде успеваает, — цедил сквозь зубы Кунта, вертя баранку. Особенно злило его то, что секретарь райкома партии Самсон Сеитович постоянно ставил ему в пример Харабуа.

— Эх, легок на помине! — воскликнул Кунта, увидев зеленую райкомовскую «Победу», которая,

обогнав его, стала у обочины. Из машины вылез Самсон Сеитович и пошел Кунте навстречу, шурша кожаным пальто.

— Как у тебя с ремонтом тракторов? — поздоровавшись, спросил секретарь райкома.

— Плохо, товарищ Самсон, — ответил Кунта, смотря куда-то мимо черных, как угли, глаз Самсона Сеитовича. — Подшипников нету. Сейчас только в Гутапе был. Нету, говорят, и все.

— Недавно же были, сам проверял...

— Были, да... Нико Харабуа перехватил. Хочет вперед выскочить, а мне ножку подставил.

— Проворонил, значит? — Мохнатые брови секретаря райкома сдвинулись, но в голосе слышалась насмешка. — А Харабуа уже вернул колхозам тракторы отремонтированными.

— За нами тоже дело не станет, — с наигранной уверенностью сказал Кунта. — Посмотрим еще, кто лучше отремонтирует тракторы.

— Чем же ты бахвалишься, хотел бы я знать? — спросил секретарь. — Какпустишь их без запчастей?

— А зачем ему запчасти? — заметил райкомовский шофер Хунта. — У него тракторы сознательные, он проведет с ними воспитательную работу, и они сами выйдут в поле, без подшипников.

Кунта метнул на шофера яростный взгляд.

— Будут подшипники! В Тбилиси достану, — запальчиво ответил он.

— Ну, ну, смотри...

Секретарь райкома уехал.

Встреча с ним еще более расстроила Кунту. Оставив машину посреди двора, он быстро, ни на кого не глядя, прошел к себе в кабинет и начал составлять телеграмму в тбилисский магазин запасных частей. Это была не просто телеграмма, а вопль души, мольба о спасении. Она способна была

разжалобить не только черствые сердца гутаповцев, но и растопить камень. Вот оно, это вдохновенное произведение Кунты: «Ввиду нависшей угрозы срыва ремонта тракторов отсутствия запчастей убедительно просим товарищески выручить безвыходного положения молнируйте наличие нужных до зарезу...» и далее следовал список запчастей. Здорово написано!

В кабинет вошел механик Иван Остапович Михайлюк в замасленном комбинезоне. Он недавно приехал в РТС и крепко прибрал к рукам ремонтников. Его уважали за трудолюбие и побаивались за крутой нрав.

— Ну, як оно, чи будуть, чи не?

— Нема подшипников, — подлаживаясь под мягкий украинский говор механика, ответил Кунта.

— Ждать часу нема. Доставайте подшипники швидче.

— Что я рожу тебе их, что ли! — огрызнулся Кунта. — Вот в Тбилиси телеграмму-молнию посылаю.

— Э-э, це пока сонце зийде, роса очи выисть, — пробурчал механик. Не удостоив великолепную кунтовскую телеграмму даже взглядом, он вышел.

Как ни сердит был Кунта, но на механика не обиделся. Прав был человек. Да и ссориться с ним Кунта не хотел. Михайлюк знал свое дело, дай бог всякому механику знать так же. Хозяйственный Михайлюк сумел реставрировать немало старых тракторных деталей и снова пустить их в дело, но побитые подшипники не восстановишь. Переписав начисто телеграмму, Кунта нажал на кнопку звонка. Вошла машинистка Назя.

— Перепечатайте, да побыстрее!

К конторе РТС подъехала «Победа». Кунта с удивлением увидел, как из нее вылезли Нико Харабуа и его механик Мирон Арчвадзе.

«Чего их черти принесли?» — с неудовольствием подумал он.

Мирон отправился под навес, где

ремонтировались тракторы, а Харабуа вошел в кабинет.

— Здравствуй, Кунта, как дела? — весело сказал он и снял шляпу, обнажив блестящую лысину. Лицо гостя выражало нескрываемое самодовольство.

— Копошишься еще? У меня последний трактор сегодня вышел в поле. А как у вас? — Харабуа хитро прищурился.

«Знает же, что у нас с запчастями туго, а хвалится, вынюхивает», — с неприязнью подумал Кунта, но вслух сказал:

— И мы не подведем!

Нико недоверчиво взглянул на сухощавое, с ястребиным носом, лицо Кунты и чуть улыбнулся одними только глазами. Как ни мимолетна была эта улыбка, Кунта все же ее заметил. Он хотел было попросить у Нико запчасти, но теперь не решился. «Не даст», — подумал он. А Харабуа в это время гадал: «Попросит или нет? Нет, не попросит, гордый», — окончательно решил он, увидев, что губы Кунты плотно сжаты.

— Говорят, у тебя замечательный механик объявился, — сказал Харабуа, протягивая Кунте раскрытый портсигар.

«Уж не хочет ли он сманить у меня Михайлюка?» — с беспокойством подумал Кунта.

— Ничего, знающий механик...

— Скромничаешь? Ну ладно, — Харабуа понимающе улыбнулся. — Давай обмозгуем: мой механик из вашего села, ему бы у вас работать — к дому близко, а твоего механика нам дай.

— Ты это серьезно? — Кунта нахмурился. По всему было видно, что он едва сдерживается, чтобы не вытолкать нахального гостя. Подумать только, запчасти перехватил, а теперь еще за его механиком охотится!

— Шучу, не бойся, не украду его, — весело продолжал Нико Харабуа. — Я привез Мирона, чтобы он познакомился с твоим механи-

ком и поучился у него узловому методу ремонта, а заодно и тому, как реставрировать старые детали.

— Что, обеднел запчастями? — ехидно спросил Кунта.

— Ну, знаешь, экономия на запчастях, снижение себестоимости ремонтных работ — это тоже нужно.

Кунта подумал, что Харабуа увиливает от прямого ответа, ничего не говорит о запчастях. Ну и жадюга этот Нико!..

В это время Назя положила на стол Кунте перепечатанную телеграмму. Дальнозоркий Нико успел прочесть, кому она была адресована. Он подождал, пока Кунта подписал телеграмму и придавил ее на ладони печатью, а потом, будто между прочим, сказал:

— В Тбилиси запчастей нет. Говорят, все, что полагалось нам на первый квартал, мы уже получили.

— Откуда ты знаешь? — растерянно спросил Кунта и впервые прямо посмотрел в глаза гостю.

«Неужели и теперь не попросит?» — подумал в свою очередь Харабуа.

— Я вчера вернулся из Тбилиси. Пытался кое-что достать, но не достал.

Нико не сказал о том, что прямо с поезда поехал в магазин и закупил все, что оставалось там ценного из запчастей.

Кунта сидел, как пришибленный. Он даже не воспротивился, когда Харабуа бесцеремонно взял телеграмму и начал читать ее.

В кабинет вошли Михайлюк и Арчвадзе.

— Це не дило, товарищи начальники!..

— Что такое? — угрюмо спросил Кунта.

— Вин просить, щоб я его узловому ремонту учил. А я ему кажу: дашь подшипники, научу, а нет, катись к бисовому батьке...

Харабуа захохотал.

— Дорого берешь, механик.

— Ни. Разве ж то дорого? вам помогаем, и вы нам трс подсобите, а подшипники не бесплатно же. Мы за них гроши платить будем. Так шо вы нам еще должны останетесь за науку.

Теперь засмеялись все.

— Правильно, Иван Остапвич! — Кунта готов был расцеловать своего механика.

— Ваш механик к тому же еще и дипломат, — смеясь, сказал Харабуа.

— А як же! Коли мы суседи, так и жить должны, як добрые суседи. Ну, так будут чи нет подшипники?

Кунта быстро взглянул на Харабуа. Тот крутил в руке телеграмму, прикидывая что-то в уме.

— Как, Мирон, дадим?

Арчвадзе сдвинул кепку на нос и всей пятерней стал искать ответа у своего затылка.

— Надо дать, — нехотя протянул он.

Харабуа сложил телеграмму и спрятал к себе в карман.

— Будут у вас подшипники, механик. Сейчас поедешь со мной возьмешь по этому списку. — Схлопнул себя по карману.

— О це добре! — обрадовался Михайлюк.

Когда механики вышли, Кунта сказал:

— Спасибо, Нико, за выручку...

— Эх ты, Кунта! Думаешь, раз мы соревнуемся, так я буду радоваться, если ты государственное задание провалишь?

— Я этого не думал, — краснея, сказал Кунта.

Харабуа загадочно улыбнулся. Он не хотел напоминать Кунте слова, которые тот сказал секретарю райкома час назад по его адресу. Тем более не счел нужным рассказать и о том, что Самсон Сеитович настойчиво посоветовал ему поделиться с Кунтой запчастями.

Кале Бобохидзе

РОДНОЙ ПАРТИИ

Перевод с грузинского Г. Павловской

Мы входим в коммунизм — сверкающее зданье
Величественной, строгой красоты.
Ты, Партия, осуществишь желанья,
Надежды и мечты.

Ты нас ведешь на труд, на подвиг вдохновенный,
Вперед, всегда вперед, в исканьях и борьбе.
Мы охраняем мир — желанный и священный —
Благодаря тебе.

Ты — Родины моей всесильная десница,
Ее горячий пульс, ее кипучий ум.
В тебя вливается, к тебе одной стремится
Поток народных дум.

Ты крылья нам дала — наш взлет недосыгаем.
Мы ускоряем дней нетерпеливый бег.
Мы в звездный океан, мы в космос проникаем
Благодаря тебе.

Ты осенила нас заветным алым стягом,
Нам указала путь свершений и побед.
Мы входим в коммунизм широким, твердым шагом.
Благодаря тебе.

საქართველოს
საბჭოთაო სოციალისტური
გეორგი ლეონიძე,
народный поэт Грузии

ИДУ ПО МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Перевод с грузинского Д. Голубкова

Там, где к скале виноградники лепятся,
Остановился мой конь вороной.
Крепости Картли, оставив летописи,
Главы склоняли передо мной.

Много дорог избродил я когда-то
И снова к родимой Иори пришел.
Ивы меня обнимали, как брата,
Сверстники мне накрывали на стол.

Душу мою озябшую грела
Отчего дома седая зола,
И гиацинтов запах несмелый
Юность вернувшаяся принесла.

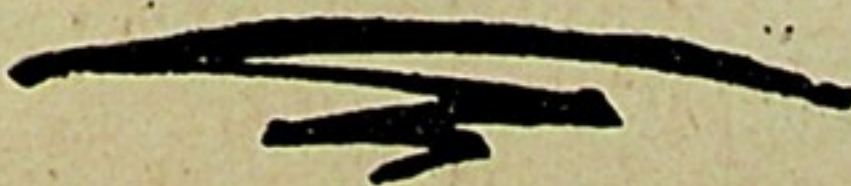
Но чего-то искало сердце бессонное,
Темною кровью гудела грудь...
Казалось мне, что и лозы зеленые
Бегут за мною, хотят прильнуть.

Но в сердце не умещалось что-то...
Куда я стремился? К кому? Зачем?
Меня сжигала жажда полета,
Но был язык мой бескрыл и нем.

Со мною возлюбленная рассталась.
Швырнул я ветру пригоршни слез,
Но злость ее, сладость, губ ее алость
Тяжелой ношей с собой понес.

Я шел, мечтателен и печален,
Впивая пьяного солнца пыл,
Посыпав кудри пеплом развалин,
Шел по земле и землю любил.

А там, впереди, в молнийном пламени
Ковалась тропа моей судьбы.
Гроза звала меня и вела меня,
И буря вскидывалась на дыбы.

Судьба женщины

РОМАН
Продолжение

Перевод с грузинского
Э. Ананишвили

Рис. И. Гурро

Пол в комнате был кирпичный, деревянные стены и потолок выбелены известкой. В углу стояла дощатая тахта, покрытая вытертым ковром, на ней — сложенная горкой, убранный на день постель, перед тахтой — простой стол, окруженный четырьмя табуретами. Рядом на стене висел жестяной рукомоиник. В большом, сложенном из кирпича камине шипел примус. На примусе свистел и клокотал голубой чайник. Вблизи камин валился на полу старый ободраный чемодан, в котором, по-видимому, заключалось все имущество обитателя этой комнаты.

— Когда ты сюда переселился? — с улыбкой спросил Раждена Зураб.

— Вчера вечером.

— А твоя мать?

— Осталась на прежней квартире.

— Я послал тебе вчера текст прокламации. Успел ты управиться с набором?

— Как же! Вчера же ночью набрал и напечатал ее в нашей новой типографии.

— Ну, теперь покажи мне типографию.

— Найди ее сам — вот и посмотришь, — ответили в один голос Леван и Ражден.

— Типография вместе со складом? — спросил Зураб.

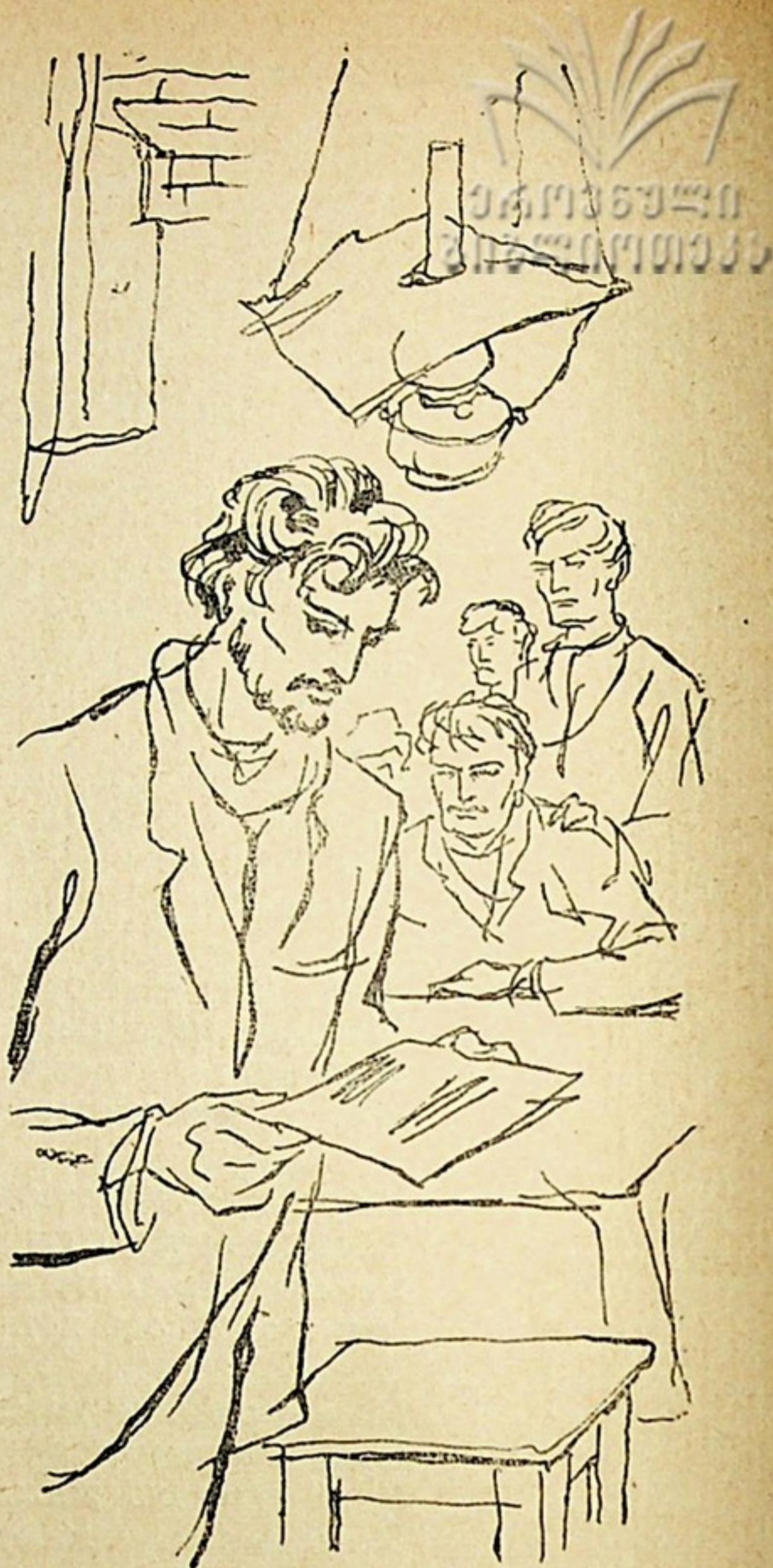
— Да, вместе.

— Вход со двора, или тут, в доме?

— В доме. Здесь же, в этой самой комнате. Кто найдет, пусть требует от меня чего хочет. Сделаю ему любую вещь по заказу — а мастер я, сами знаете... — предложил с лукавой улыбкой Леван.

— Целый час уже ищем, и не можем найти, — вставил Тедо.

— Ну, так начнем, — сказал Зураб и, в первую очередь, внимательно осмотрел камин.

Это был самый обыкновенный камин, похожий на любой другой. По-видимому с прошлой зимы в нем не зажигали огня. Камин был аккуратно подметен и очищен от сажи, лишь в углах и стыках между стенками и широкой плитой, служившей ему подом, оставалось немного золы.

— Помогайте уж и вы, — сказал Зураб товарищам. — Леван обещал за находку царский подарок.

— Зря ищем! Невозможно найти, — ответили ему, и все чуть ли не в десятый раз принялись выстукивать стены, колотить в пол и переставлять немногочисленную мебель. Отодвинули тахту, переместили чемодан, даже сняли со стенки рукомоёйник — но никакого тайника или скрытого хода не могли найти.

Леван и Ражден стояли подбоченясь, наблюдали с гордой улыбкой за тщетными усилиями своих озадаченных товарищей и время от времени подавали иронические советы:

— Давай уж, влезь целиком в этот рукомоёйник — авось, провалишься прямо в типографию.

— Поднимите пол, принесите лестницу, и все сразу обнаружится.

— Снимите лампу с потолка, проберитесь через отверстие на чердак, ступайте прямо, потом налево, потом направо, вверх, вниз, опять вверх, вниз, потом пересечете изрытое поле, перевалите через девять гор, переплывете девять морей, разыщете девятерых братьев, и уж они отведут вас куда нужно, хо-хо-хо! — смеялся Леван, гордясь созданием своих рук, этой типографией за девятью замками, спрятанной им так искусно, что все стали в тупик.

— Признайте себя побежденными, и я, так и быть, помогу вам, — сказал наконец Леван.

— Ладно, сдаюсь, — подчинился Зураб и в знак покорности согнул указательный палец. — А пешкеш за мной, это особо.

Леван снял висячую жестяную лампу и поставил ее на стол, а сам бросился к камину, вытащил оттуда чайник и примус, вымел золу из закоулков и вынул из стены в глубине камина черный, закопченный кирпич, ничем не отличавшийся от соседних. Кирпич этот упирался в один из углов нижней плиты камина. Когда его убрали, плита освободилась. Леван схватился за нее, приподнял и отодвинул. Под нею открылся провал — словно какое-то чудовище разверзло свой темный зев.

— Здорово! Молодец! Мастерски сработано!.. — зашептались изумленные товарищи.

— А теперь идите за мной! Не бойтесь — здесь крепкая лестница. Ражден, потуши лампу и помоги Марте спуститься, — сказал Леван.

Он зажег свечу и исчез в зияющей пасти дракона. За ним последовал Зураб, за Зурабом — Марта, а за ней остальные. Витая железная лестница привела всех в подвал, где царил мрак. Леван поднял свечу над головой и, указывая пальцем куда-то вверх, сказал товарищам:

— Видите в стене круглое отверстие? Это — труба, соединенная с дымоходом; оттуда поступает в подвал свежий воздух. Но запаха сырости я так и не смог уничтожить. С этим, кажется, ничего не поделаешь.

— Это не так уж важно. Покажи лучше, как ты все устроил.

— Все что вы тут видите, мы внесли через прежнюю дверь, вон в той стене, — сказал Леван, указывая на другую стену. — Потом эту дверь заделали кирпичом, и ступеньки, что вели к ней, засыпали до уровня двора. А теперь смотрите и наслаждайтесь! Вот тут сложено оружие. Мы держим его в масле и керосине — чтобы не заржавело.

И он осветил громоздившиеся у стен железные и деревянные ящики, бочки и корзины, доверху набитые бомбами, револьверами всех систем, ружьями, патронами, капсюлями, мотками бикфордова шнура, шашками кавказского и российского образца, кинжалами и кривыми ножами — «бебутами».

— Сколько набралось оружия? — спросил Зураб.

— Сто восемьдесят бомб здешнего изготовления, сорок македонских, сто двадцать револьверов, сотни две ружей и примерно столько же шашек и кинжалов, — отрапортовал Леван.

— Вместе с сегодняшним прибавлением или без него?

— Вместе с ним, конечно.

— По одному ружью на сто бойцов — и того не будет! — огорченно проговорил Зураб.

— Не то, что на сто, а на двести, на пятьсот! — воскликнул Тедо. — Стоит кликнуть клич, и весь народ поднимется, как один человек.

— Всех нам не вооружить... — отозвался задумчиво Гургенидзе. — Положим, шашка или кинжал найдутся у всякого. Но как выйти с кремневыми ружьями и кинжалами против скорострельных винтовок и пушек? — Он помолчал немного и добавил решительно: — И все же другого пути нет. Придется выстоять! Мы должны выступить с тем, что у нас есть. И даже если бы у нас не было ни одного ружья, — мы встретили бы врага, и стали бы сражаться камнями, дубинами, кулаками, зубами...

— В войсках идет брожение. На нашу сторону перейдут тысячи солдат, — сказал Тедо.

— Да, я на это надеюсь, — ответил Гургенидзе, — Мы должны бросить все свои силы на эти два участка работы: казармы и оружие. Ну, а ты чем нас порадуешь, Ражден?

— Вот моя типография, — ответил наборщик, беря у Левана свечу. — Вот печатная машина — «американка». Вот наборная касса. Вот стол. Верстатка. Инструменты... А вот, что я сегодня наработал.

На столе лежало несколько стопок свежепечатанных прокламаций. Зураб взял одну из пачек и стал рассматривать и перечитывать прокламации. Дочитав до конца, он спросил Раждена:

— Бумага у тебя еще есть?

— Есть, как же.

— Так оттисни еще пятьсот экземпляров.

— Кто написал? Коба? — спросила Марта, указывая на прокламацию.

— Коба, конечно. Кто же еще?

— Я спрашиваю потому, что и меньшевики составляют прокламации.

— Большевистские прокламации пусть печатают и распространяют сами меньшевики, — ответил Зураб.

Ражден поставил ногу на педаль «американки» и привел машину в действие. Он подавал на талер чистые четвертушки бумаги, а отпечатанные прокламации укладывал стопкой тут же рядом на столе. Бумага чуть шелестела, негромко постукивала машина.

— Говорят, самый лакомый кусочек оставь напоследок, — сказал Нико и отвел Зураба в другой угол. — Вот я и приберег к концу этот подарок: смотри и радуйся.

— Молодцы! Как вы все успели? Ах бездельник, что ж ты молчал до сих пор? — воскликнул Зураб и жадно накинулся на полученный из-за границы последний номер газеты «Пролетарий».

— Ну-ка, помогите мне, — сказал Леван, и все дружно принялись за разборку сложенных штабелем рулонов.

Разрывая бумажную обертку, они откладывали портреты в одну сторону, а газеты — в другую.

Зураб бросился к лестнице, взбежал по ней наверх, зажег лампу и впился глазами в статью Ленина, казалось, написанную не пером, а огнем. Жадно глотал он строчку за строчкой и чувствовал, как этот огонь охватывает его.

— Зураб, ты ничего не слышишь? — спросила его, выходя из камина Марта; но Зураб даже не заметил ее появления.

Не получив ответа, Марта тряхнула его за плечо.

— Слышишь или нет?

На этот раз Зураб поднял голову.

— Что случилось? — рассеянно спросил он.

— Прислушайся! Слышно что-нибудь или мне чудится?

Зураб напряг слух и через несколько мгновений кивнул головой:

— Да, я слышу тихий гул.

— Это наша печатная машина, — сказала Марта, сдвинув брови. — Надо закрыть пол циновками или коврами, не то этот гул может нас выдать. Пожалуй, завтра принесу из дому ковры, расстелю их здесь.

— Не нужно. Твои ковры слишком роскошны для этой лачуги. Достаточно будет простых циновок на десять-пятнадцать рублей. Как раз подстать нищенской обстановке этой комнатки.

Один за другим вылезли Тедо, Нико и Леван. Вскоре появился и Ражден, окончивший свою работу. Зураб прочел и перевел им ленинскую статью, сопровождая ее подробными разъяснениями.

Товарищи слушали Зураба, затаив дыхание. Время от времени они отзывались короткими восклицаниями:

— Правильно!.. Совершенно верно!..

— Как четко намечена линия! Вижу ее, как на ладони!

— Вот это — настоящие боевые лозунги!

— Могучее перо это написало!

По окончании чтения и беседы, друзья сели за ужин, собранный на скорую руку. На столе красовались сыр, вяленая рыба, колбаса, немного вина и горячий чай. Подняли чашу за победу революции, пожелали счастья друг другу и разошлись, не засиживаясь допоздна, так как каждый опасался ночного патруля, да и вставать завтра надо было спозаранок.

Выходили из дома по одиночке.

— Очень уж далеко тебе идти, Зураб, — сказал Ражден. — Время нынче опасное. Лучше оставайся ночевать здесь, а я устроюсь сегодня у матери.

Зураб сначала отказался.

— Остайся, Зураб! — сказала Марта, сжав ему пальцы горячей, трепетной рукой.

— Хорошо. Остаюсь, — согласился наконец Зураб.

Все ушли. Гургенидзе вновь с головой ушел в газеты.

Через полчаса полночную тишину нарушил осторожный стук в дверь. Вечно настороженный, ежеминутно готовый встретить опасность, Зураб уловил обостренным слухом шорох за дверью и, вздрогнув, вскочил. Безотчетным движением он схватился было за револьвер, но тут же успокоился, сообразив в чем дело. Опасности не было никакой. Он уже раньше ждал этого стука, но, увлекшись чтением, забыл обо всем на свете. И все же он не выпустил револьвера, а погасил лампу,

пересек на цыпочках комнату и застыл перед дверью, с рукой на крючке. Стук повторился: за первым громким ударом последовали после паузы два быстрых и тихих. Зураб смело отодвинул засов и прижал к груди закутанную с головой в шаль женскую фигуру.

— Истаяла я без тебя! — шепнула Марта, с трудом оторвавшись от него после долгого поцелуя. — Хоть бы раз в две недели навещался!

— И мне не легче, Матико, любимая моя! — ответил Зураб и, обняв девушку за плечи, повел ее в комнату.

* * *

С самого дня помолвки в доме Ахатнели воцарилось беспокойство.

Андро давно исчерпал свой кредит во всех банках. Кланяться Цверадзе ему не хотелось. Пришлось обратиться к ростовщикам, тем самым хищникам, с которыми он уже тридцать лет воевал в печати. С большим трудом удалось ему занять под большие проценты три тысячи рублей.

Мариам переселила Илико в маленькую каморку, а его просторную комнату превратила в швейную мастерскую. Пять мастериц, портних и белошвеек с утра до вечера кроили, мерили, стучали швейными машинами — шили приданое. Кето не давали отдыху: ежеминутно звали на примерку и заставляли вертеться перед зеркалом.

Анико проводила в этой комнате целые дни напролет. Часа на два каждый день поднималась сюда и Марта, чтобы помочь советом, вложить в дело свой вкус и опыт. Только Тамара и ее муж Акакий обходили эту комнату стороной, да и самсю Кето избегали. Однажды Акакий столкнулся с сестрой лицом к лицу. Не сумев уклониться от встречи, он остановился перед девушкой и развел руками, приговаривая:

— Ну, что я тебе скажу? Научи меня, что тебе сказать? Что тут скажешь?..

— Дорогой мой, очень тебя прошу: ничего не говори! Это будет самое лучшее, — отрезала Кето и быстро ушла.

Каждый день Мариам и Кето выходили в город. Нужно было сделать множество мелких и крупных покупок, и мать с дочерью сбивались с ног, объезжая магазины Доннер-Лейца, Цинделя, Альшванга, Дорожного... Они были постоянными покупательницами, и приказчики в этих магазинах, да и сами хозяева встречали их с преувеличенной любезностью и льстивыми, слащавыми улыбками. Обеих тотчас же усаживали, вываливали перед ними на прилавки горы товаров, а покупки отправляли к ним на дом с посыльным.

Но вот началась всеобщая забастовка, а многое еще было не куплено, не сшито и не заказано. Три мастерицы совсем перестали ходить, остальные появлялись через день, а то и через два — но и они сидели, как на иголках, и старались как можно скорее убежать.

Белое подвенечное платье взялась сшить Кето сама мадам Жан. Однажды утром Кето собралась к ней на примерку и около одиннадцати часов вышла из дому. Спускаясь по Давидовской улице, она уже издали заметила Авшарова, поднимавшегося с задумчивым видом ей навстречу. Несколько дней тому назад он преподнес своей невесте драгоценный подарок: литой браслет из червонного золота в виде бесстыдно переплетенных тел мужчины и женщины.

— Боже мой, ну и солдафонский вкус у твоего жениха! — сказала Мариам, оставшись наедине с дочерью. — Спрячь это куда-нибудь подалее и не показывай никому, даже самым близким, а то осрамишься на весь свет!

Впрочем, Кето и без совета матери не стала бы хвастаться этим браслетом.

Авшаров заметил Кето, только когда она подошла к нему вплотную.

— О чем ты задумался? Случилось что-нибудь?—спросила девушка.

Ротмистр поцеловал ей обе руки и сказал с горечью:

— Куда уж хуже! Стачка железнодорожников превратилась в общую политическую забастовку.

— Слыхала.

— Все это может иметь ужасные последствия! Вчера в городе взорвалось еще несколько бомб. На Вельяминовской улице ранили в стычке полицейского. В Надзаладеви убит железнодорожный машинист, вышедший на работу вопреки забастовке.

В Верийском переулке застрелили нашего агента. На Карсской линии повредили путь и устроили крушение: вчера ночью полетел под откос воинский состав. Убито и ранено восемь казаков. Подобные вещи происходят каждый день, и конца им не видно. Государственная власть в параличе. Никто не знает что делать, все растерялись и тянут в разные стороны. Революция побеждает, и каждый из нас ищет, в какую щель ему забиться.

— Растяпы вы все, потому и прячетесь по щелям! — выпалила вдруг Кето; она сама удивилась резкости своих слов и своего тона. — Значит, растерялись, не знаете что делать? Я хоть и женщина, но могу вас научить. Еще так недавно вы держались героями, а теперь сразу

в баб превратились! Какой-то Барс, какие-то девчонки, какой-то Курок и подобные им буквально на смех вас поднимают! Пора вам взяться за ум и ударить так, чтобы они в другой раз не смели и пальцем пошевелить! Иначе эти дикари все уничтожат и всех нас истребят. Вон — перед вами новые жертвы их самоуправства! — Кето указала на противоположную сторону улицы; там медленно поднималось в гору несколько арб и фаэтонов, а за ними плелись понурые фигуры — это были беженцы из деревни, священник и дворяне с чадами и домочадцами, с корзинами и ковровыми тюками. Это — преданное царю войско защитников культуры. И вот эти люди покидают веками насиженные гнезда, бросают все свое достояние и бегут, бегут, словно стадо перепуганных овец. А вы, вместо того, чтобы сражаться, опустили руки и бормочете: «Не знаем, что делать!»

Авшаров слушал свою невесту и изумлялся. В последнее время убеждения Кето, как говорится, «в корне переменились». Впервые она обнаружила свои новые взгляды в шантане, в ту самую ночь, которая окончательно соединила ее с Авшаровым. С тех пор Кето еще несколько раз высказывалась в том же духе при своем женихе, но столь решительные мнения Авшаров слышал от нее сегодня впервые. «Ударить», «чтобы они не смели» — это было уже похоже на лозунги Городцева, генерала Грязнова и «Союза Михаила Архангела».

Значит, Кето отвергла красное знамя и встала под белое! А Авшаров, наоборот, заметно склонялся к либералам. О, разумеется, вслух он порой даже поддакивал черносотенцам, но тайком по-своему играл в либерала и исподтишка улыбался революции, так как почти уже уверовал в ее окончательную победу, которой смертельно боялся.

Авшаров повернул назад и пошел вместе со своей невестой. В первые дни после помолвки Кето стеснялась показываться с жандармом на людях. Не так давно Авшаров купил четырехместную ложу в Казенном Театре и пригласил на оперу стариков Ахатнели с дочерью. Кето с трудом, переборов себя, приняла приглашение. Она сидела рядом с женихом, поеживаясь от неловкости, и мечтала провалиться сквозь землю.

Бессчетное число лорнетов и биноклей было нацелено со всех сторон на эту ложу. Нареченных разглядывали с беззастенчивым любопытством, точно придирчивые покупатели — товар в магазине. Чтобы спастись от назойливых взглядов, Кето вышла в антракте в фойе. Жених, затянутый в свой голубой мундир, шел за нею, позванивая шпорами, с гордым и самодовольным видом, как бы говорившим: «Видите, какой я молодец? Оттого и завладел такой красавицей!» Но в фойе дело пошло еще хуже: Кето бесцеремонно рассматривали в упор и громко, чуть ли не в лицо ей, выражали восторги по поводу ее черных глаз, изящной фигуры и серебряной пряди.

Хуже всего, однако, было то, что Кето за эти несколько минут столкнулась лицом к лицу с добрым десятком знакомых, друзей и родственников. Как себя держать? Как кого приветствовать? Она была в мучительном недоумении. Мундир Авшарова вызвал во всех разительную перемену. Один проводил Кето насмешливой улыбкой, другой изумленно уставился на нее, третий едва кивнул с равнодушным видом, а иные даже сделали вид, что вовсе ее не заметили. Кето вернулась к себе в ложу со слезами на глазах, забилась в угол и на все попытки жениха заговорить с нею отвечала односложно: «Да» или «Нет».

Авшаров сразу обо всем догадался и стал утешать ее:

— Не огорчайся, дорогая моя! Скоро они привыкнут и перестанут шарахаться. Да наконец и у нас есть свое благородное общество, ни в

чем не уступающее вашей хваленой интеллигенции — ни в образованности, ни в богатстве, ни в происхождении... Вот, к примеру, хотя бы...

Примеры он приводил уже и раньше, показав ей кое-кого в зрительном зале. Вон там, в глубине литерной ложи — губернатор, барон Рауш фон Траубенберг со своей просвещеннейшей и превосходительнейшей супругой.

А вон — начальник жандармского управления полковник Безгин и его супруга — дама высокого происхождения, великолепно владеющая иностранными языками.

Первый ряд партера почти пуст. Он весь закреплен по абонемен-там за драгунскими офицерами, никогда не приезжающими к началу спектакля, так как это считается у них «шокинг». Один за другим постепенно появляются они перед вторым актом. У Авшарова среди них немало друзей.

Вон в партере и ложах еще несколько родовитых чиновников и офицеров: барон Нотбек, граф Сегюр, полковник Нахимов («Не шутите — придется дальней родней знаменитому адмиралу»).

А вон еще с десятков полковников, статских советников, корнетов, ротмистров и капитанов, которые с удовольствием будут принимать Кето у себя в доме, оказывая ей по достоинству честь и уважение...

Но прогуливаться вот так, словно пристегнутой к жандармскому мундиру, по улице, на глазах у всего света, было бы нисколько не приятнее, чем в театре. И Кето напомнила жениху о его службе.

— Какая там служба! Никто ничего не делает. Мы решили тоже включиться в забастовку. Чем мы хуже других? — невесело отшутился Авшаров.

Они спустились на Головинский проспект и направились к Эриванской площади.

Стоял теплый, солнечный октябрьский день. Мягкий и сухой голубоватый воздух был словно пропитан расплавленным янтарем. Из-за всеобщей забастовки магазины не торговали, и ставни на витринах были наглухо закрыты. Трамвай не ходил, не было видно и экипажей. Нежданный досуг выгнал всех — мужчин и женщин, старых и молодых — на улицу. Людской поток запрудил широкие тротуары и перелился на мостовую. Медленно процокал по проспекту эскадрон вооруженных до зубов драгунов. Никто не обращал на них внимания — люди напирали прямо на откормленных лошадей, точно бросая вызов власти и говоря солдатам: «Ваше время прошло, остались считанные дни. Не испугаете!» Ехавший во главе эскадрона офицер улыбнулся Авшарову, и оба отдали друг другу «честь» по-военному.

Вслед за драгунами прогрохотали по мостовой четыре горные пушки, при виде которых толпа ощерилась, как еж. Со всех сторон слышался громкий ропот.

— Давно уже надо было выкатить пушки на улицу, — сказала Кето. — Ударить бы раз десять-пятнадцать картечью по этому сброду — сегодня здесь, завтра в Нахаловке... тогда уже не вы, а они постарались бы попрятаться по щелям. И крови пролилось бы гораздо меньше.

— Что делать! Воронцов-Дашков либеральничает. Он уверен, что от его нескончаемых призывов и проповедей террористы превратятся в невинных агнцев, — шепнул Авшаров Кето.

— Кто читает волку евангелие в конце концов попадет к нему в зубы вместе со своим стадом. Не пора ли избавиться от такого горепастуха?

— Тише! Замолчи!.. — испуганный взгляд жандарма забегал по лицам ближайших прохожих.

Около Классической гимназии Кето заметила в толпе Элизбара Шукураули. Поэт шел с полузакрытыми глазами, как бы слепо следуя за своей мечтой. Поравнявшись с Кето, он вдруг широко раскрыл глаза, боязливо улыбнулся ей и едва заметно кивнул головой. Но Кето прошла мимо, даже не взглянув на него, точно вовсе не была с ним знакома.

— Чем же этот несчастный поэт провинился? Почему ты не поздоровалась с ним? — спросил Авшаров.

Кето скрыла от него истинную причину.

— Кто хочет знаться со мной, пусть здороваётся, как подобает, — ответила она. — А кому я не нужна, тот и мне не нужен. Я никому не навязываю свое знакомство.

В эту минуту они увидели Марту, идущую им навстречу. Как и Шукураули, Марта растерялась от неожиданности и тоже еле поклонилась подруге. Кето бросила на нее изумленный взгляд, надменно сдвинула брови и прошла мимо, не ответив на приветствие.

— Я припоминаю, что видел тебя где-то с этой молодой женщиной, — сказал Авшаров. — За что ты на нее гневаешься?

— Ошибаешься, мой милый! Я вовсе ее не знаю. Должно быть, она обозналась... А может, поклонилась не нам, — спокойно ответила Кето.

«Браво, моя Кетино! Вижу, ты уважаешь себя и от других требуешь уважения. А значит, не уронишь и моего имени», — подумал Авшаров.

Перед комиссионным магазином на Дворцовой улице толпились люди, разглядывавшие предметы роскоши и произведения искусства, выставленные в огромном окне.

— Посмотри, какая чудесная картина! — воскликнул Авшаров, показывая на довольно большое полотно посреди витрины. — Как эта красавица похожа на тебя! Да это попросту твой портрет! Не хватает только серебряной пряди.

«Юдифь», — прочла Кето надпись на клочке бумаги, приколотом к раме. Картина была ей знакома по репродукции, виденной в каком-то журнале. На ней была изображена молодая женщина с гордым лицом и с черными, как смоль, вьющимися кудрями, рассыпанными по плечам. Женщина была в еврейской остроконечной шапке; в одной руке она держала окровавленный меч, а в другой — отсеченную голову Олоферна с длинной курчавой бородой. Прекрасное лицо и глубокие, черные глаза Юдифи дышали суровой страстью.

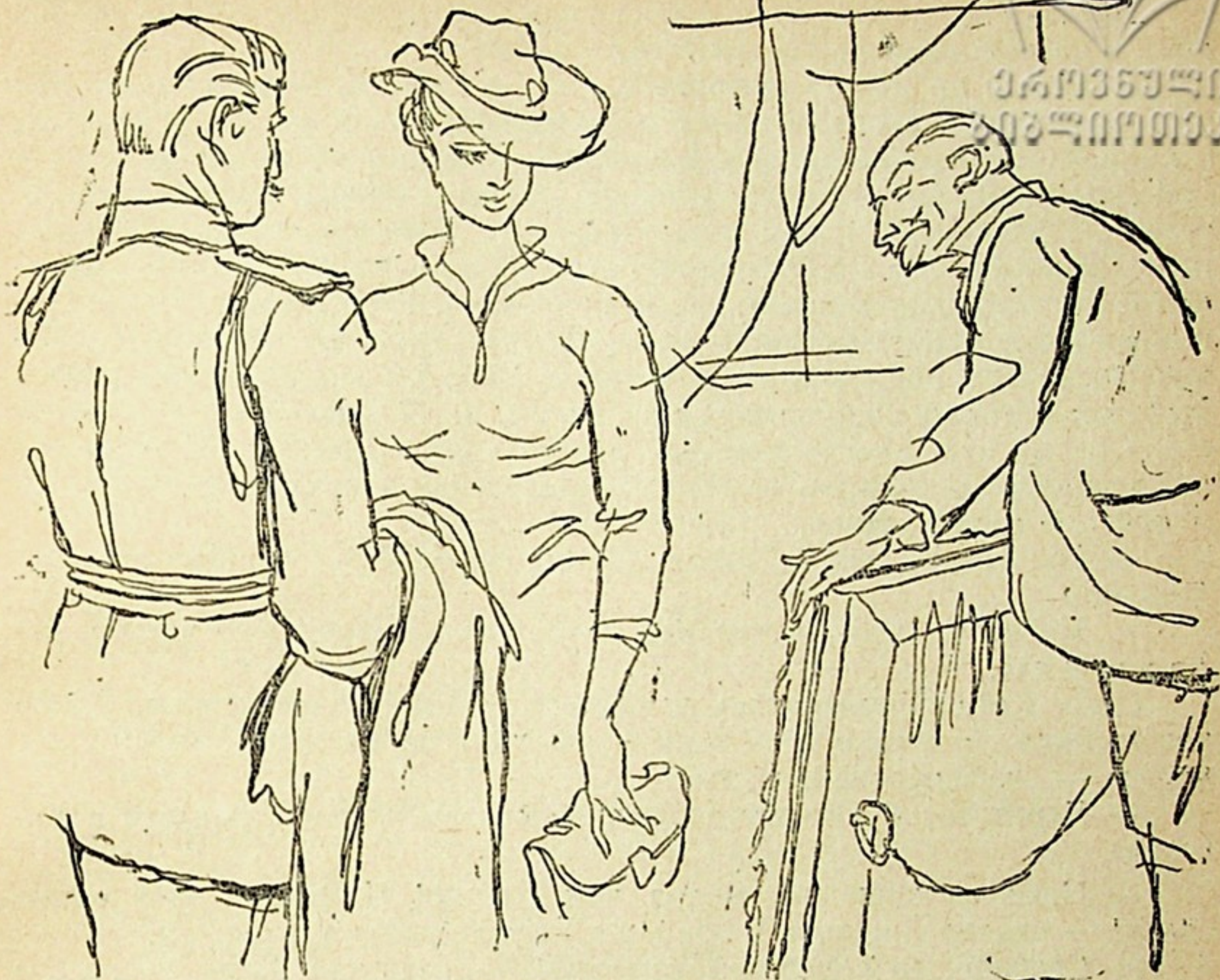
Кето глядела на свой портрет, словно замороженная.

— Ну как, нравится? — в третий раз спросил ее жених.

— Прекрасно! — отозвалась наконец Кето.

— Ну так пройдем сюда, — сказал Авшаров и, увлекая Кето за собой, вошел в соседние ворота, где находился караван-сарай дворянского собрания.

Хотя по случаю забастовки торговли в этот день не было, некоторые купцы сидели в своих запертых магазинах, надеясь на случайный барыш. Авшаров постучал в служебную дверь комиссионного магазина. За стеклами показался хозяин. При виде голубого мундира он поспешно отпер дверь, пригласил гостей в заднюю комнату, подал им стулья и почтительно спросил:

— Что вам угодно?

— Покажите мне «Юдифь», картину, что выставлена на витрине.

Купец ушел в магазин и через минуту вернулся с картиной, оправленной в золоченную раму. Прислонив ее к стене перед гостями, он обратился с льстивой улыбкой к Кето:

— Поразительное сходство! Это ваш портрет, право, ваш портрет! При других обстоятельствах владелец этого шедевра не уступил бы его и за тысячу рублей, но сейчас из-за этих нескончаемых забастовок он нуждается в наличных деньгах и отдаст его за полтораста. — Торговец тяжело вздохнул и спросил, понизив голос: — Господин полковник, скоро ли настанет конец нашим мучениям? — но не получив ответа, переменил тему, снова расплывшись в сладенькой улыбке: — Пожалуй, у меня найдется и еще кое-что для вашей дамы... Превосходная вещь... Если позволите...

— Показывайте! — коротко бросил Авшаров.

Купец снова исчез в глубине магазина и вынес оттуда горностаевый палантин с муфтой, шляпу «парадиз» и пару золоченных туфелек.

— Драгоценная вещь! Во всем городе не найдете ничего подобного, — торопливым шепотом объяснял владелец магазина. — Исключительный случай. Одна артистка перед отъездом спешно продает свои вещи. Клянусь честью, цена этому палантину, самое меньшее, две тысячи рублей. Но хозяйка очень торопится и уступает его за шестьсот

Вещь совершенно новенькая, ни разу не надеванная. Советую приобрести ее, не откладывая, а то будете потом жалеть.

— Что ты думаешь? — спросил невесту Авшаров. — Я в мехах ничего не понимаю. Нравится тебе?

Нравится ли Кето этот горностаи? Стоит ли спрашивать! Палантин уже у нее на плечах. Концы его почти достают ей до колен. И как этот мех к лицу Кето! Черная шляпа с широкими полями красуется у нее на голове. Длинное, пестрое перо райской птицы покачивается над пышной тульей, переливаясь всеми цветами радуги. Быстрые пальцы девушки перебирают белоснежный мех, то поглаживая шелковистую его поверхность, то погружаясь в мягкую, нежную ость. Кето ласкает горностаевые шкурки, прикосновение к которым доставляет ей огромное наслаждение. Потом она надевает золотые туфельки, засовывает обе руки в муфту и останавливается перед зеркалом. В золоченой раме трюмо стоит перед нею вместо прежней просто одетой миловидной барышни настоящая «гранд-дама» — гордая, прекрасная и надменная, как сама Юдифь на этой картине...

— Ну, как по-твоему, стоит шестьсот рублей? — спросил еще раз Авшаров.

— Конечно, стоит, — ответила Кето, послав чарующую улыбку даме в зеркале.

Пока Кето обменивалась улыбками со своим отражением, Авшаров шепнул несколько слов торговцу и написал на листке бумаги два адреса — свой и своей невесты.

— Через час будет доставлено, — сказал купец и скрылся в магазине.

— Носи на здоровье, милая моя Кетино! Истрепать тебе сотню таких! — сказал Авшаров и приник к ее руке долгим поцелуем.

— Спасибо, мой дорогой Артемий! — ответила Кето, несколько раз быстро коснувшись губами его бритых щек.

Попрощавшись с хозяином магазина, Кето и Авшаров вышли на улицу тем же путем, каким вошли.

— Я все еще не могу поверить своему счастью... Неужели через четыре дня ты будешь моей женой? — задумчиво проговорил Авшаров.

— Да, и мне трудно это себе представить. Странно! Удивительно!

— Говорят, большое счастье сменяется часто большим страданием...

— Артемий, перестань! Не пугай меня.

— Я получил телеграмму от матери. Она выезжает на днях и, хотя железные дороги не действуют, все же надеется поспеть к свадьбе. Наверно, приедет на пароходе.

— Молю бога, чтобы она доехала благополучно.

Беседуя таким образом, они дошли до улицы Петра Великого, свернули в нее и остановились у дверей ателье мадам Жан, где Кето предстояла примерка подвенечного платья. Они поболтали еще с минутой. Авшаров в последний раз расцеловал руки своей невесты и направился к жандармскому управлению, помещавшемуся в конце той же улицы.

Прощаясь с женихом, Кето заметила в отдалении двух статных, величественных стариков, поднимавшихся от Сололак. Один из них, с бритым подбородком и густыми, длинными седыми усами, слегка прихрамывал и опирался на толстую палку. Другой был старше и крупнее первого; со своей белоснежной, курчавой бородой, ниспадавшей на ши-

рокую грудь, он напоминал библейского патриарха. Голова его, увенчанная седыми кудрями, была слегка откинута назад, большие глаза глядели из-под полуопущенных век.

Ах, почему Кето не рассталась со своим жандармом минутой раньше! Она хотела было скользнуть в парадное, чтобы избежать встречи со стариками, но было поздно: они уже заметили ее. Великий грузинский поэт Акакий Церетели приветливо улыбался ей, а спутник его, писатель Антон Пурцеладзе, окликнул Кето в ту самую минуту, когда она схватилась за ручку двери:

— Постой, Кето, куда ты торопишься?

Церетели — старинный друг семьи Ахатнели, а Пурцеладзе, избранный после Ильи Чавчавадзе председателем правления земельного банка, — сослуживец ее отца. Когда-то оба они были частыми гостями в доме Андро, но потом стали ходить все реже и реже, и наконец совсем прекратили свои посещения.

Пурцеладзе поздоровался с девушкой за руку, а Акакий расцеловал ее в обе щеки и спросил своим тихим, ласковым голосом:

— Скажи мне, красавица, что это за жандарм сейчас целовал тебе руки?

Щеки Кето подернулись легким румянцем.

— Это Авшаров.

— Я не о фамилии спрашиваю.

Нет, Кетино, никак не уклониться тебе от ответа! Старый поэт, друг дома, хочет знать: кто он тебе, этот жандарм, почему он целует руки молоденькой девушке? Ничего не поделаешь — придется объяснить. Это неизбежно. И девушка ответила шепотом:

— Я помолвлена с ним.

Сказала — и вся зарделась.

— Помолвлена? — переспросил в изумлении Акакий Церетели; он помолчал несколько мгновений: — А Андро и Мариам дали свое согласие?

— Да, они согласны.

— Groш вам цена после этого! — сказал с горечью Церетели и, махнув в сердцах рукой, прошел мимо.

— Печально слышать! Очень, очень печально слышать! — присовокупил со своей стороны Пурцеладзе и, прихрамывая, поспешил за ним.

А Кето, посрамленная, с пылающим лицом и с глазами, полными слез, бросилась в подъезд.

Кето вернулась домой в два часа. Медленно поднималась она по лестнице. На втором этаже ее остановила Анико.

— Иди сюда! — позвала она золовку, выглянув из своей квартиры. — Твои подарки принесли по ошибке к нам, и я приняла их. Наши накинулись, любят, глаз не могут отвести! Что за прелесть! Какая чудесная картина! Но что с тобой, ангел мой? Кто тебя огорчил? Почему у тебя такие печальные глазки?

Ничего не ответив ей, Кето молча прошла в комнаты. В столовой у Григола собрались почти все младшие Ахатнели. Нико, развалившись в качалке, наблюдал с насмешливой улыбкой за женой Акакия, примерявшей обновки Кето. Завернувшись в горностаевый палантин, засунув руки в муфту и кое-как закрепив шляпу с высокой эгреткой на своих распущенных волосах, Тамара прохаживалась с ужимками и кривлянием из угла в угол. Завидев Кето, она сорвала с себя весь

этот наряд, швырнула его на стол и с хохотом вылетела из комнаты.

С нахмуренным лбом, не поднимая глаз, направилась Кето к столу и молча сгребла в охапку свои вещи. Но тут Григол внезапно обхватил ее сзади за талию:

— Не пущу! — сказал он. — Если ты уйдешь от меня в гневе, я не посмею явиться к тебе на свадьбу и тебе будет еще обидней!

— И я не приду на свадьбу, если не получу прощения, — услышала Кето знакомый голос. — А если Черный Лебедь простит меня, посвящу ему стихотворение и обещаю править свадебным пиром так, чтобы вся Мтацминда ходуном ходила!

Кето оглянулась и увидела Элизбара Шукураули. Поэт притаился за пальмой, всем своим видом показывая, что боится попасться ей на глаза. В руках у него были бутылка вина и стакан.

Кето быстро забывала обиды и огорчения. Вот и сейчас — лицо ее вдруг просветлело, и она улыбнулась поэту своими лучистыми глазами:

— Значит, признаешь свою вину? Всенародно раскаиваешься?

Элизбар вышел, пошатываясь, из своего укрытия, поставил бутылку на стол, скрестил руки на груди, склонил голову и после недолгого раздумья продекламировал, запинаясь:

Твой раб мятежный, голову склонив,
Я жду покорно тяжкого возмездья.
Но, мукой сердце мне испепелив,
Верни мне луч зари и блеск созвездий!

Помилован Иисусом даже тать,
Разбойник, на Голгофе с ним распятый.
Прекрасен дар — преступников прощать,
Блаженны милосердные трикраты!

— Bravo! Bravo! — воскликнул Григол и захлопал в ладоши.

Пока Элизбар ловил руки Кето, чтобы поцеловать ей кончики пальцев, и бормотал покаянные слова, Нико по своему обыкновению вышучивал поэта:

— Поразительно! Даже самого коротенького стихотворения не может сочинить на современном грузинском языке: сплошь допотопные слова! Ну, что это такое! — Нико пересчитал по пальцам: — «Мятежный», «возмездья», «мука», «испепелив», «Иисус», «помилован», «тать», «Голгофа», «дар», «блаженны», «милосердные», «трикраты» — целая дюжина мертвых слов, и все это в восьми строчках!

— Зато я сложу пятьсот строк, не припутав ни единого чужеземного слова, — огрызнулся Элизбар, — а ты можешь ораторствовать три часа, и при этом даже трех грузинских слов не обронишь!

— Как это так? — отозвался Нико.

— А вот, например, — и Шукураули в свою очередь принялся загибать пальцы: — Пролетариат, игнорируя бойкот и саботаж, проведет манифестации и демонстрации, совершит революцию, объявит социализацию, муниципализацию и национализацию капитала, ренты, латифундий, фабрик и банков и осуществит механизацию, мобилизацию, электрификацию, систематизацию, телефонизацию и статистизацию.

Ответом ему был взрыв общего смеха, отзвуки которого донеслись

до верхнего этажа. Громче всех смеялась Кето, а Элизбару только это и было нужно. Но девушка вспомнила вдруг Акакия Церетели и его презрительные слова: «Грош вам цена!», сердце у нее заныло, и краска снова прилила к щекам. Она закрыла лицо руками и перестала прислушиваться к спору.

Нико и Шукураули продолжали словесный поединок. Студент уязвил Элизбара в самое больное место:

— Таких поэтов, как ты, в Грузии что мусору под ногами! Да ты даже с последним стихоплетом не можешь идти в сравнение, — что ты за поэт! Никто твоих стихов не печатает!

— Что я могу на это ответить, Никуша! Сам знаешь, что я — соловей с вырванным языком! Моих стихов цензура не пропускает. Боятся — вот и не хотят печатать.

— Это тебя-то боятся? Хо, хо, хо! Да пойми, чудак — зря ты все в прятки играешь! Никто тебя не разыскивает!

— Хочешь одурачить меня, чтобы я попался в руки полиции? Напрасно стараешься, не выйдет! Я прекрасно понимаю, что внушаю страх властям. Людовик XIV больше всего опасался писателей. Он утверждал, что десяток литераторов может произвести революцию. И его слова оправдались в эпоху Людовика XVI. Кто, как не писатели, были движущей силой Великой французской революции?

Нико снова расхохотался и пояснил наставительным тоном:

— Ты имеешь в виду Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье, Даламбера и многих других их современников?.. Действительно эти авторы сыграли немалую роль в подготовке французской революции. Что ж, есть и у нас свои революционные поэты и писатели! И Николай II в самом деле их побаивается. Но ты-то чей прихвостень? Кому и на что ты сдался, скажи на милость?

— Какие же это у вас революционные поэты и писатели? Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели?

— Акакий Церетели не раз воспевал свободу, — ответил Нико. — А Илья Чавчавадзе жестоко высмеял твою возлюбленную сонную, старинную жизнь с ее допотопным укладом. Вспомни хотя бы «Человек ли он?», «Счастливый народ» и множество других таких же его вещей!

— Ради бога, не напоминай мне об Илье Чавчавадзе! — взмолился Шукураули. — Ни один истинный грузин никогда не забудет, что он отсек от живого тела грузинской азбуки пять букв, пять деятельных членов!

На этот раз вместе с Нико рассмеялись и Григол с женой.

— Право, тебе надо было родиться во времена родоначальника грузин Картлоса! — воскликнул Нико. — Голову даю на отсечение, что ты и дату в письмах ставишь по древне-грузинскому Хроникону!

— Вот именно! Конечно! Можешь убедиться, — подтвердил Элизбар и вытащил из кармана сложенный листок. — Это письмо я написал сегодня утром и хотел послать своему деду, да не мог достать денег на марку.

Нико взял у него письмо из рук и прочел вслух:

— «Года ЧШЕ: месяца августа: IЖ дня: бессмертный: прародитель: мой: Лонгинос: паки: объят: есмь: скорбию: и: воистину: горю: во: геене: огненной: ибо:»...

— Восхитительно! Никаких знаков препинания, но зато после каждого слова — двоеточие! Хо, хо, хо! Ха, ха, ха!

— Так и нужно, невежда! Безбожник! Грузинский бог и сегодня так пишет, — упрямо воскликнул поэт.

Он налил себе полный стакан вина и залпом осушил его.

— Да ты совсем ополоумел, что ли? — воскликнул Нико. — Какой еще грузинский бог?

— Тот, что живет в Вардзии и не знает иного языка, кроме грузинского, — проговорил с благоговением Шукураули.

Анико осенила себя широким крестом, Нико решил, что Элизбар, пожалуй, в самом деле помутился в рассудке и удержался от смеха. Помолчав немного, он осторожно спросил:

— Ты знаком с доктором Михаилом Гедеванишвили?

— Это тебе нужен психиатр, а не мне.

— Кто-то говорил, что ты изучаешь каллиграфию. Правда это? — не унимался Нико.

— Не изучаю, а уже изучил. Целый год упражнялся. Да что толку — весь город вверх дном поставил и не мог достать работы хоть на три рубля!

— Для чего вам каллиграфия? Лучше женитесь и вырастите родине десятков верных сыновей! — сказал Григол.

— Женись на той женщине... Ты знаешь, о ком я говорю, — улыбнулся Нико. — Уж она-то наверно воспитает тебе детей твоего толка!

Элизбар вздохнул и опрокинул еще один стакан. Вино потекло струйками у него по бороде и пролилось на пол.

— А теперь я расскажу вам историю, — начал Нико. — Однажды в Москве какой-то ломовой извозчик крепко отдубасил нашего Элизбара. Обоих потащили к мировому. — «Кто пострадавший?» — спрашивает судья. «Это я его поколотил!» — объявляет Элизбар. — «Совершенно верно, избил меня барин до полусмерти», — подтверждает изумленный и обрадованный извозчик. Судья поглядел на обоих и говорит Элизбару: «Но голова-то перевязана у вас — значит вы и избиты!» — «Ничего подобного! Этот болван ни разу не смог меня ударить! А голова у меня перевязана потому, что я свалился с лестницы». — «Истинная правда! — поддакивает извозчик, дюжий детина, и стонет для убедительности. — Это же зверь какой то! Чуть не убил меня — вот, ребра переломал и легкие повредил. Прошу вас, господин судья, посадить его в тюрьму, а то он меня в живых не оставит!» — «Совершенно верно, — подтверждает Элизбар. — Прошу слово в слово занести в протокол все, что вы слышали, и упомянуть об этом в приговоре». Мировой присудил Элизбару два месяца тюрьмы. Зато Элизбар положил себе в карман копию приговора и до сих пор хвастается ею перед всем светом. Я, говорит, солгал из самолюбия, а извозчик врал из низкого расчета. И вышло, что какой-то мужик безнаказанно вздул Элизбара, а Элизбар и колотушек попробовал, и в тюрьме посидел — и все ради какой-то выписки из протокола!

— Никуда негодный довод! — подтвердил Григол. — Эта история характеризует только самого Элизбара.

— И я ему то же самое твержу, да никак не могу убедить! Я бы сам, пожалуй, поступил, как тот извозчик. Раз мой противник добровольно берет на себя вину — пусть его хоть в Сибирь сошлют, и пусть

он забирает с собой хоть дюжину протоколов! А ты, Элизбар, и в повседневной жизни — поэт, то-есть беспочвенный человек, и больше ничего!

Элизбар поднял голову и заулыбался.

— Да, я поэт — и горжусь этим! Карл V сказал: «Я могу создать по первому своему желанию тысячу испанских грандов, а такого художника, как Тициан, может сотворить только господь бог».

— Не кривляйся, Элизбар! — сказал Нико.

— Мы все теперь кривляемся, — ответил поэт. — Ты же знаешь, что хвост ящерицы долго еще извивается после того, как его оторвут от туловища.

— Знаю. Видал. Ну и что из этого?

— Все наше нынешнее поколение — хвост, отсеченный от огромного туловища своих великих предков. Оттого оно и извивается.

— Рано же вы превратились в старика, Элизбар! Ведь у вас молоко еле обсохло на губах, — сказал Григол.

— Весь наш народ одряхлел — вот и меня вместе с ним постигла ранняя старость, — ответил Элизбар; он слегка оживился: — Поверьте мне, единственное, что может омолодить нас — это «Орден доблестных».

— Ну, принялся за свое! — Нико досадливо махнул рукой и вышел из комнаты.

Но Элизбару достаточно было и единственного оставшегося слушателя. Он сел на своего любимого конька.

— Окиньте взглядом всю нашу историю. Грузия возвышалась только в те эпохи, когда во главе народа стояли люди доблестные, герои. Величайшими героями были Вахтанг Горгасал, Давид Строитель, Георгий Блистательный, Александр Великий, Георгий Саакадзе и Ираклий Второй. Культom героизма пронизаны «Витязь в тигровой шкуре», «Амиран-Дареджаниани» и десятки других произведений нашей классики. Героическим духом овеяны и новые наши поэты — Григол и Вахтанг Орбелиани, Илья, Акакий, Важа Пшавела и Казбеги. Поэт прошлых дней восседал, как Бараташвили, на крылатом коне — Мерани и беседовал со звездами, а нынешний — взгромоздился на шелудивого осла, ухватился за его хвост и курит ему фиам...

Григол улыбался с недоверчивым видом. Однако вступать в спор он считал излишним и только спросил:

— А что такое «Орден доблестных?»

— Этот орден призван объединить всех мужественных людей и сделать каждого малодушного человеком доблести, героем.

— А в чем заключается доблесть?

Элизбар подробно объяснил ему: человек доблести, прежде всего, — отважный воин, рыцарь с незапятнанной честью, прямой и великодушный. Он ненавидит ложь и презирает материальные интересы. Зато душа, совесть, родина, женщина и острый меч — предметы его благоговеющего поклонения.

— Вы забыли труд, — подсказал Григол.

— Труд? — удивился Шукураули. — А он тут при чем? Труд унижает и мельчит, приучает к расчетливости и скупости, заражает материальными интересами. Для труда господь бог создал рабочего и крестьянина. «Дело пахаря трудиться, воин должен воевать».

— Извините меня, Элизбар, но читали ли вы Дон-Кихота? — прервал его Григол; не получив ответа, он встал и предложил гостю:

— Пожалуйста кушать, обед на столе. Правда, материальные блага эти добыты в поте лица простым тружеником, таким, как я, но это неважно: «Должен труженик трудиться, Элизбар же воевать». Вот видите, и у меня получились стихи. Значит, и я поэт! Ха, ха, ха! Итак, пожалуйста в столовую, уважаемый герой!

* * *

Военный патруль, миновав Дворцовую улицу, вышел на Головинский проспект. Командующий патрулем Климиашвили поглядывает со вниманием вокруг и замечает на лицах какую-то перемену, происшедшую со вчерашнего дня. Забастовка расширяется, положение день ото дня становится все острее. Город сидит на хлебе и воде. Люди глядят все угрюмей, ярость накапливается в сердцах, поднимается из глубин на поверхность и залегает в глубоких гневных складках на хмурых лицах. Вчера на улицах не было видно ни одного улыбающегося человека. Казалось, бушующее море вот-вот хлынет на берег, волны обступят дворец, и негодование народа взорвется, как бомба. А сегодня кое-где мелькают улыбки, и однажды возле самого дворца забил журчащий родник смеха. Горожане перешептываются, сообщают друг другу какие-то радостные вести. А у Сандро в душе и на лице — тревога: если народ радуется, значит, кому-то следует печалиться; если в одном стане смеются, в другом впору плакать.

Вчера если два человека разговаривали на улице, третий боялся к ним присоединиться: собираться группами было строго-настрого запрещено. А сегодня люди останавливаются не только втроем, но даже впятером, и безбоязненно беседуют. Все совместно читают какие то листки, вызывающие общую радость, горячо и оживленно разговаривают, усиленно жестикулируют и лишь при виде патруля медленно, неохотно расходятся. Совершенно ясно, что это — прокламации. Неужели толпа настолько обнаглела, что без всякого стеснения, среди бела дня, рядом с дворцом наместника и комендатурой...

— Да здравствует свобода! — слышался вдруг неподалеку дерзкий женский голос.

— За мной! Бегом марш! — скомандовал Климиашвили и двинулся по направлению к многочисленной группе, собравшейся перед храмом Кашвети.

— Да здравствует свобода! — неуверенно отозвалось несколько голосов.

— Патруль идет! — закричал кто-то, и группа мгновенно рассеялась, точно стайка цыплят при виде налетевшего ястреба.

Остались на месте лишь две молодые женщины да пятеро мужчин, спокойно дожидавшиеся патруля.

— Да здравствует свобода, Сандро! — снова, еще громче воскликнула Кето, сунув в руки Климиашвили напечатанные листки — это был экстренный выпуск последних телеграмм. — Вот, читайте!

— Сударыня!.. Кетеван!.. Что это значит? — растерянно бормотал Сандро.

Он машинально взял у Кето пахнувший свежей типографской краской листок.

— Читайте, говорю вам! Читайте! Это царский манифест. Там все есть — свобода слова, свобода собраний и союзов, неприкосновенность личности. Да здравствует свобода!

— Да здравствует свобода! — поддержали ее Марта, Нико, Леван, Ражден и еще какие-то незнакомые люди, случившиеся рядом.

(В доме Ахатнели новость эту узнали от Акакия. Торопливо рассказав ее всем и каждому, Акакий побежал куда-то в левобережную часть города: там партийный комитет заседал день и ночь, не прерывая ни на минуту своей работы. Дома остались только Андро, Мариам и маленькие дети. Все остальные поспешно оделись и пошли в город).

Климиашвили пробежал глазами телеграмму, которую сунула ему Кето, и пробурчал:

— Все же я не понимаю... Кетеван Ахатнели, дочь всеми уважаемого человека, выкрикивает на улице революционные лозунги, собирает народ... Право, не понимаю!

— Вот так и буду кричать и весь город соберу вокруг себя! — возразила Кето вызывающим тоном. — Сам ваш царь дал мне на это право, и я им пользуюсь. А вы не можете мне запретить! Вам такого права не дано!

— Я в этом вовсе не уверен. Сейчас все точно узнаю и вернусь. За мной! — скомандовал растерянный Климиашвили и направился в сопровождении патрульных к зданию комендатуры, находившемуся по соседству.

Через несколько минут, получив необходимые сведения, он вновь показался на улице, но уже ни во что не вмешивался и не пытался препятствовать народному ликованию.

Утром, выбегая второпях из дому, Кето вернулась с лестницы в комнаты, отрезала от своих свадебных шелков изрядное алое полотнище и сунула его себе за корсаж. И вот сейчас она извлекла этот красный шелк и обвязала его вокруг своей шляпы так, что длинные концы материи падали ей на плечи и на грудь. С этим пламенным украшением она направилась к оперному театру, горделиво подняв голову и взывая, как герольд:

— Собирайтесь! Выходите на середину улицы! Никого не бойтесь! Да здравствует свобода!

Все чаще и громче отзывались на ее возгласы со всех сторон:

— Да здравствует свобода! Конец самодержавию! С победой!

— Да у тебя и в самом деле смелости хоть отбавляй! — одобрительно приговаривала Марта; она шагала рядом, и лицо ее сияло спокойной радостью. — Bravo, Кето! Молодец, девушка!

Вдруг Леван выбежал на середину улицы и закричал:

— Сюда, ко мне! Все сюда! Не робейте — больше нам нечего бояться! Собирайтесь вместе!

К Левану тотчас же присоединились Ражден, Марта, Нико, Кето и еще человек двадцать других. Но народ все еще был охвачен недоверием и робостью. Никто не решался поверить удивительной вести. Все это казалось сном, многие даже толком не понимали, что случилось. Большинство предпочитало переждать в сторонке, посмотреть, как будут развиваться события.

— Это провокация, не иначе, — шептались люди.

— Поверьте, нас заманивают в ловушку!

— Подождем немножко. Посмотрим, что будет!

Вдруг Кето увидела неподалеку, на тротуаре, двух статных белобородых стариков, шагавших навстречу. Один из них был Якоб Гогешвили, знаменитый педагог, ревнитель и страж грузинского языка, автор учебников, на которых воспитывалось несколько поколений. Его

сопровождал другой известный воспитатель юношества Нико Цхведадзе, строивший в эту пору на деньги, собранные чуть ли не попрошайничеством, будущий университет, который он пока называл гимназией. Оба эти старика были друзьями Андро Ахатнели и прекрасно знали Кето.

Цхведадзе указал своему спутнику на девушку и погрозил ей пальцем. Гогебашвили остановился посреди тротуара и долго с недоумением разглядывал необычный наряд Кето.

Девушке стало неловко; она опустила голову, сделав вид, что не узнала или не заметила стариков, и медленно продолжала путь. Но через минуту она столкнулась лицом к лицу с Григолом.

— Что это значит, Кето? — воскликнул тот в изумлении, отводя девушку в сторону. — Ты решила открыто примкнуть к красным? А как же Авшаров? Ты отказала ему?

— Почему это я должна была ему отказать?

— Неужели ты сама не понимаешь нелепости своего поведения? Есть же предел всякому легкомыслию! Завернулась в красное, словно турчанка, и ходишь посередине улицы! Забыла, что послезавтра твоя свадьба? Забыла, чьей ты станешь женой? Если тебе так уж хочется быть знаменосцем революции, порви с Авшаровым. А так, право, не годится, никуда не годится! Ты знаешь, мне твой жених вовсе не по душе, но такого двуличия я не могу одобрить! стыдно! Сейчас же сними это с себя!

И Григол собственноручно сорвал с растерявшейся Кето красное полотнище.

— Дайте сюда, — сказала Марта, стоявшая рядом. — Нам это пригодится.

Она взяла у Григола алый шелк, привязала его к концу тросточки Нико и вернулась с этим самодельным флагом на середину улицы. Вокруг ярко горевшего на солнце знамени постепенно собиралось все больше народу.

Большинство, однако, все еще прогуливается по тротуару. Все чего-то ждут и осторожно присматриваются друг к другу. Но понемногу люди начинают верить в реальность происходящего. То, что вчера могло лишь привидеться во сне, стало сегодня явью: не скачут по улице казаки с обнаженными шашками, солдаты не стреляют по толпе из винтовок, не видно полицейских, выбегающих из-за угла с револьверами в руках. Время ускорило свой бег. Народ понемногу приходит в себя, собирается с мыслями, смелеет... И вот уже вместо перешептываний — громкие разговоры, улица наполняется ровным гулом, местами слышатся взрывы смеха. Все чаще мелькает в толпе красный цвет: то там, то здесь вспыхивает огнем алая лента, рубаха, платье, алый платок, шарф, галстук — пламенеющие знаки победоносной революции.

Знакомые, встречаясь на улице, обнимаются, целуются и изумленно спрашивают друг друга:

— Скажи, что это — сон или явь?

— Неужели я теперь свободный гражданин?

— Нет, право, никак не могу убедить себя!.. Значит, мы имеем право устроить какое хочешь собрание? Любой митинг? И я могу выступить и, никого не опасаясь, говорить о политике?

Какой-то шутник громко возгласил:

— Да здравствует свобода! — И тут же добавил, обращаясь к друзьям: — Посмотрим, арестуют меня или нет! — Но ничего страшно-

го не происходит; он повторяет еще громче: — Да здравствует свобода! — Удивительно! Никто не тычет ему кулаком в лицо, не тащит в полицию, он ощущает прилив смелости. — Смотрите-ка! Стало быть, я теперь в самом деле свободный человек? — и он голосит так, словно перекликается с кем-то на другом берегу реки: — Да здравствует свобода-а! Да здравствует свобода-а!

На проспекте — ни одного полицейского. Не видно и солдат. Только казаки и драгуны медленно проезжают на своих холеных лошадях. Так же, как и все остальные, они чувствуют облегчение. Забыты обычные страхи и осторожность. Революционеры упрятаны в кобуры, шашки спят в ножнах; казаки не рубят революционеров, а те не бросают в полицейских свои ужасные бомбы. Вон посреди улицы запевают марсельезу; звучит она как-то на гурийский лад. К маленькой группе, собравшейся около Марты, успело присоединиться человек сто. Марта смело вздымает над головой алый стяг и звонко выводит торжественную мелодию. Драгуны и казаки слышат эту ненавистную песню, видят повсюду еще более ненавистный красный цвет... и сохраняют такой безмятежно-спокойный вид, точно они оглохли и ослепли. Порой кто-нибудь из них, наклонившись к уху соседа, шепнет несколько слов — оба чуть заметно улыбнутся в усы и исподлобья, быстрым, вороватым взглядом обшарят все вокруг.

На широком Головинском проспекте скоро яблоку негде будет упасть. Со всех сторон, из боковых улиц и переулков, вливаются в него, точно многоводные притоки, густые толпы людей. Жители прилегающих городских районов — Мтацминды, Веры, Сололак, Старого города и даже дальнего Харпухи явились сюда чуть ли не до последнего человека.

Вот показался среди своих друзей и Зураб Гургенидзе. Он что-то шепнул на ухо Нико. Тот немедленно ворвался в оперный театр и всех поставил на ноги.

— Доставайте и вывешивайте все, что найдется красного в театре. Да поворачивайтесь живее! Это распоряжение революционного комитета!

Революционный комитет! Эти слова производят сегодня волшебное действие. Через десять минут открытая терраса театра, выходящая на проспект, вся разубрана алым бархатом и шелком и увешана темно-красными коврами.

Краснознаменная группа поднимается на террасу. Марта стоит впереди, на глазах у всей улицы, со своим самодельным алым стягом. Неподалеку от нее выглядывает из-за колонны Кето. Вид у нее несколько смущенный. Широкий балкон постепенно заполняется людьми. Здесь все известные члены партии и революционные руководители; здесь и всеведущие репортеры, и вездесущие шпионы и осведомители, пока еще не обнаруженные и не разоблаченные.

Зураб появляется на террасе одновременно с Акакием Ахатнели, прилетевшим сюда прямо из Заречья, с заседания Комитета.

— Поверь мне, это конец, это полная и решительная победа, — утверждает Акакий.

— А я говорю, что это только начало, и победы еще надо добиваться! — возражает Зураб. — Если не ошибаюсь, в нашей программе минимум содержится пункт о демократической республике! — напоминает он ироническим тоном.

— Ну мало ли что содержится в нашей программе! — махнув

рукой, отвечает Акакий. — Вспомни уж и мудрую грузинскую пословицу: — «Требуй поле за рекой — оттягаешь хоть лужок на берегу».

— А оттягав, почивай на лаврах, так, что ли?

— Там видно будет!

Кето услышала за спиной знакомые голоса и выглянула из своего уголка:

— Зураб! — воскликнула она. — Здравствуй! С победой тебя! Со свободой!

— Здравствуй, Кето! Ну что, радуешься?

— Конечно, радуюсь! А ты разве огорчен?

— Что за вопрос! Я рад, очень рад, только...

— Что за чудо! — прервал их Акакий. — Да вы, оказывается, на «ты»! А я думал, что вы не только не знакомы, но даже и не слышали друг о друге!

— На «ты» мы перешли нечаянно, от радости, — ответила Кето. — А знакомы мы с того самого времени, когда Зураб бежал из Метехи. Ты помнишь этот день, Акакий? Наконец-то я могу все рассказать без опасений! За Зурабом гнался военный патруль. Отстреливаясь от солдат, он вбежал к нам в дом.

— Знаю, знаю! — прервал ее Акакий. — Вбежал в наш двор, перелез по приставной лестнице в соседний и скрылся.

Кето звонко рассмеялась.

— Много ты знаешь! Вовсе не бегал через двор и не лазил на стену, а поднялся к нам и сидел в моей комнате. Да, да, в моей комнате! Я сама его спрятала, и с тех пор мы стали друзьями.

И Кето торопливой скороговоркой рассказала изумленному Акакию всю историю того тревожного дня, добавив в заключение, что Авшаров был прекрасно обо всем осведомлен, и однако, не выдал ее и Зураба.

— Замолчи, дуреха! — зашипел на нее Акакий. — Смотри, услышит кто-нибудь, не поздоровится твоему Авшарову!

— Кстати, я должен тебя поздравить, — вспомнил, услышав имя Авшарова, Зураб. — Через день, говорят, твоя свадьба?

Кето залилась краской. Слова Акакия «твоему Авшарову» неприятно укололи ее. А теперь ее поздравляют публично, во всеуслышание! И кто же? Сам Зураб! Зураб Гургенидзе!

Кто-то отвел Акакия в сторону.

— Нет, нет, Зураб, не надо меня поздравлять! — вырвалось у Кето, и она закрыла лицо руками. — Хоть ты не поздравляй меня...

— Отчего же, Кето? Почему тебя не надо поздравлять?

— Не спрашивай!.. Сегодня все во мне перевернулось... Не знаю — пойду с Авшаровым к венцу или спрячусь от него куда-нибудь подалее...

— Поздно уже! Если откажешь ему сейчас — весь свет тебя осудит! Да и как ты отцу с матерью на глаза покажешься?

— Не знаю... Не знаю... Ничего больше не понимаю... Голова кругом идет...

Оркестр, тем временем выстроившийся на балконе, грянул марсельезу. Все вздрогнули от неожиданности. Людское море хлынуло со всех сторон к театру, запрудило проспект и разлилось по прилегающим переулкам.

Обнажив головы, внимали люди звукам еще вчера запрещенного гимна. И вот поплыла торжественная песня. Люди пели с воодушевле-

нием, окрыленно, вдохновенно, одни по-грузински, другие по-русски, третьи — по-французски. Пели все — старые и молодые, женщины и мужчины, русские и грузины, армяне и азербайджанцы...

Когда марсельезу доиграли и допели до конца, кто-то громко крикнул:

— Да здравствует свобода!

Несколько тысяч человек восторженно подхватили этот возглас, и над проспектом трижды прогремело:

— Да здравствует свобода!

Оркестр сыграл марсельезу еще два раза. И дважды ее пропели от начала до конца.

Вдруг кто-то в толпе крикнул:

— Играйте российский гимн!

Одинокий выкрик этот прозвучал неожиданно, как пушечный выстрел среди пустыни.

— Долой! Не хотим! Да здравствует свобода! — загремел народ, порядком уже набравшийся духу.

Оркестр, тем не менее, приготовился играть. Но Зураб погрозил капельмейстеру пальцем:

— Не смейте! Не то всех вас выбросим с балкона на улицу!

— Товарищи! Граждане! — раздался в эту минуту громкий голос Акакия. — Первый свободный митинг свободного народа объявляю открытым!

Громовые аплодисменты и крики «Да здравствует» заглушили его слова. Оратору долго не давали говорить. Акакию никогда не приходилось выступать перед такой обширной аудиторией. Непривычный к свободному выражению своих мыслей, он мямлил, спотыкался, подыскивал слова — казалось, слепой осторожно и неуверенно продвигается по ухабистой улице, нащупывая палкой путь перед собой. Этот вялый тон, эти тщательно подобранные выражения выводили из себя Зураба и его друзей. Но люди на улице, для которых и подобное свободомыслие было совершенной новостью, внимали ему, затаив дыхание. Время от времени то там, то здесь в толпе раздавались аплодисменты и одобрительные возгласы.

После Акакия выступали эсер, федералист, дашнак, беспартийный демократ и еще один представитель социал-демократической партии. Ораторы задыхались от радостного волнения, речи их выражали лишь восторг по поводу достигнутой победы, а завтрашнему дню, его требованиям и нуждам уделялось в них лишь по несколько общих слов: «Не разобщайте своих рядов... Не нарушайте единства... Сплачивайтесь тесней... По-прежнему боритесь плечом к плечу!..»

Этот тон умиротворенного согласия и гармонии был нарушен одним лишь Зурабом. Прежде всего он употребил только обращение «товарищи», опустив официальное «граждане».

— Товарищи! — начал он так громко, что его слышали на расстоянии трехсот шагов, у театра Артистического общества. — Товарищи! Сегодня вы торжествуете победу. Веселитесь, ликуйте, смейтесь так, чтобы отзвуки вашего торжества докатились до самого Петербурга. Но помните, что заря, просиявшая сегодня над нами, назревала во мраке сотен и тысяч кровавых ночей! Торжество это орошено потоками крови, полито морями слез! И поэтому честь и совесть требуют от нас, чтобы мы помянули с благодарностью бесчисленное множество замученных палачами борцов.

Оркестр заиграл революционный траурный марш. Зураб снял шапку и затынул:

— Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Народ на улице единодушно подхватил суровый и скорбный напев. Растроганные, с обнаженными головами, люди благоговейно пели:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за народ,
За труд его, честь и свободу...

Когда песня смолкла, Зураб продолжал:

— Товарищи! Поздравляю вас с этой великой победой!.. Но напрасно иные внушают вам, будто манифест — это милость, дарованная вам верховными правителями. Никаких милостей, кроме пуль и плетей, не видали от них рабочие и крестьяне!

— Правильно! — вскричала Марта, стоявшая рядом с Зурабом; с разных сторон слышались возгласы: — Верно! Правильно!

— Сегодняшнего успеха мы добились своими руками. Манифест этот мы вырвали у царя силой, заплатив за него своею кровью! Радуйтесь, торжествуйте, но не забывайте, что это только начало нашего пути к конечной победе, к великой и светлой цели, для достижения которой придется пролить еще много крови и слез.

— Для чего это! — буркнул Акакий. — Напугает людей, все разбегутся!

— Молчи, Акакий! — сказал ему на ухо Нико сдавленным шепотом. — Разбегутся только такие, как ты. А мы и те, кто с нами, останемся на местах.

— Заслуживает свободы только тот, — продолжал Зураб, — кто стремится расширять и укреплять завоеванные права, кто готов защищать с оружием в руках добытую свободу от бесчисленных врагов, которые не так-то просто примирятся с победой трудового народа!

Разговоры о крови и об оружии в самом деле испугали многих собравшихся горожан.

— Пойдем, брат, отсюда! Как бы стрельбой дело не кончилось!

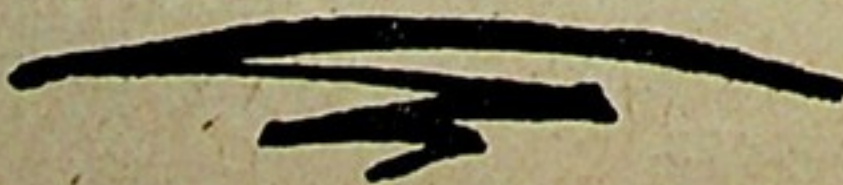
— Ей-богу, этот человек сейчас бомбу бросит!

— Идем, идем скорей! Говорю тебе — это все один обман! — слышалось с разных сторон.

В толпе скоро почти не осталось женщин.

А Зураб взывал к народу, предостерегал, объяснял, что осуществление всего, обещанного царем, потребует еще ожесточенной борьбы, что темные подземные силы немедленно сплотятся, чтобы атаковать даже куцую свободу, объявленную в царском манифесте, что социал-демократическая партия — единственный, подлинный и последовательный защитник интересов трудящихся — поставила перед собой более далекую и трудно достижимую цель — великую цель, за которую борется революционный пролетариат. Это пролетариат выковал своими мозолистыми руками сегодняшнюю победу.

Продолжение следует

Элефтер Андроникашвили,

директор Института физики, академик
Академии наук Грузинской ССР.

Наука и общество

Перед научными силами нашей страны поставлены новые задачи: в ближайшие годы они должны выйти на передовые рубежи на всех важнейших направлениях. Советской науке это под силу. Ведь недаром методическое, планомерное овладение космосом оказалось возможным только у нас. Ведь недаром наша наука первой проложила пути мирного использования атомной энергии: построила первую в мире атомную электростанцию, первый в мире атомоход.

Как достичь первенствующего положения в мировой науке во всех ее ведущих областях? Что должна сделать наука для того, чтобы производительные силы Советского Союза развились до уровня более высокого, чем это может быть достигнуто любой капиталистической страной?

Эти вопросы обсуждались не так давно на Всесоюзном и республиканском совещаниях научных работников, наметивших важные мероприятия по дальнейшему развитию советской науки, по дальнейшему совершенствованию методов координации научной работы.

Намечено, в частности, дальнейшее развитие сети научных учреждений.

В связи с этим мне бы хотелось поделиться своими соображениями о том, каким должен быть научный институт, входящий в систему Академии наук республики и какой будет роль науки в советском обществе через два-три десятилетия, когда, как сказано в проекте Программы КПСС, будет построен коммунизм. Эти вопросы мы рассмотрим на примере развития в Грузии физических дисциплин.

1. Физика в Грузии и перспективы ее дальнейшего развития

В Грузии наука развивается очень быстро. Растут кадры, множатся научные направления, крепнет экспериментальная база, пополняющаяся все новыми и новыми уникальными установками. В особенности ясно это видно на примере Института физики Академии наук Грузинской ССР, созданного в 1951 году. В то время в нем было представлено всего два направления теоретической физики. Ныне их шесть. Экспериментальная физика объединялась в двух отделах, теперь у нас десять отделов. За десять лет в институте произошло десятикратное увеличение числа научных работников. Сейчас в Институте свыше 150 физиков, имеющих диплом.

Работая над важнейшими проблемами современной науки, такими, как физика космических лучей и частиц высоких энергий, ядерная физика, физика твердого тела, физика низких температур, физика плазмы, биофизика, институт располагает вполне современной и мощной экспериментальной базой.

Достаточно сказать, что задачи, возникающие при изучении космических лучей и элементарных частиц, решаются не только в лаборатории, организованной нами совместно с объединенным Институтом ядерных исследований при гигантском синхрофазотроне в Дубне, рассчитанном на энергии в 10 миллиардов электроновольт. Для этих же целей в распоряжении Института физики имеется высокогорная станция, уникальная аппаратура которой разрешает исследовать элементарные частицы с энергиями в сотни раз большими. Наконец, теперь мы располагаем подземной лабораторией, предназначенной для исследования результатов взаимодействия элементарных

Статья печатается в порядке обсуждения.

частиц, обладающих энергиями в миллион раз большими, чем это может дать самый мощный ускоритель мира.

Но, вместе с тем, никто из грузинских физиков не удивится, если речь пойдет о получении температур в сотни тысяч градусов, то есть в десятки раз больших, чем температура поверхности Солнца.

Для решения самых современных проблем ядерной физики, а также физики твердого тела институт располагает атомным реактором.

Обладая такой техникой, Институт физики считает себя обязанным заботиться не только о развитии собственно-физических дисциплин. Многие мы делали и делаем для того, чтобы оказать существенное влияние на становление таких наук, как физическая кибернетика, ядерная химия, биология.

Институт делает достаточно много для тяжелой индустрии и для перерабатывающей промышленности республики. Однако мы в долгу перед нашим сельским хозяйством, для которого физика может сделать, пожалуй, еще больше, чем для промышленности. Поэтому мы планируем создать с течением времени специальный отдел агрофизики.

Таким ли должен быть физический институт, входящий, в частности, в состав республиканской Академии наук, чтобы отвечать требованиям современной науки и жизни социалистического государства?

Ясно, что каждая наука может развиваться только по законам логики, заложенным внутри нее самой и одинаковой вне зависимости от разнообразия местных условий. Одно исследование должно рождать другое, генетически с ним связанное, цепь научных фактов должна развиваться логически. Только так и можно прийти к крупным научным открытиям. Вместе с тем необходимо стремиться к тому, чтобы цепь этих исследований принадлежала к одному из главнейших направлений физики и чтобы руководящая идея была одной из важных «стратегических» идей. На второстепенных направлениях нельзя сосредоточить всю мощь современного интеллекта. Только на главных направлениях могут вырасти новые научные школы, которые в состоянии тягаться с сильным конкурентом.

Однако соблюдения только этих условий, при головокружительных темпах развития современной мировой науки, не достаточно. Этот темп настолько высок, что равняться на выдающиеся достижения науки становится все труднее и труднее. В этих обстоятельствах крупный результат может быть получен не механическим повторением результатов, уже полученных наукой в другом месте, и не усилиями развить скорость на том же пути, по которому

прошли другие ученые. Крупный результат в таких случаях может быть получен единственным способом: надо уметь поставить свою веху далеко на пути будущего развития науки. Для этого нужны многие условия. Нужна первоклассная экспериментальная база, требующая огромных капиталовложений. Нужна способность быстро перестроить эту базу в направлении наиболее выгодных на сегодняшний день ударов. Нужен очень крепкий, очень профессиональный коллектив ученых, безукоризненно владеющих методикой исследования. Экспериментальная база и коллектив ученых должны обеспечить возможность откликаться на самые важные и самые сложные события, происходящие в мировой науке по данному ее разделу.

Вот тот уровень, к которому, как мне кажется, следует стремиться повсеместно. В какой-то степени этот уровень на сегодняшний день в Грузии уже достигнут. Например, грузинские физики сумели поставить свои вехи на пути дальнейшего развития таких наук, как физическая кибернетика, биофизика и медицинская физика, сформулировав новые научные проблемы. Этим совершенно новым проблемам было суждено зародиться в Грузии, и мы должны создать все условия, необходимые для их развития. В известной мере нами поставлена веха и на пути будущего развития физики частиц высоких энергий. С другой стороны, созданная в Грузии материальная база по некоторым из основных направлений современной физики действительно разрешает откликаться на весьма животрепещущие вопросы.

Следует ли развивать науку в республике одновременно в нескольких «стратегических» направлениях? Конечно, да! Во-первых, случайный поворот научных событий может привести к тому, что то или иное научное направление временно может оказаться не эффективным. Для таких крупных центров, как, например, Москва или Ленинград, в которых каждая наука развивается во многих направлениях, притом в нескольких научных учреждениях, это, конечно, не страшно. Но если в республике направление, ставшее не эффективным, было единственным, то наука на длительный период может оказаться на мели, иными словами для небольшой республики, обладающей ограниченной сетью научных учреждений, это может обернуться катастрофой. Поэтому при всех условиях необходимо иметь одно или два запасных направления.

В современной науке новые направления развиваются так быстро, что в любой момент некоторые из них могут оказаться абсолютно ведущими. Поэто-

му те научные центры, которые вовремя не позаботились о том, чтобы развивать исследования в этих новых областях, могут оказаться отброшенными на исходные позиции. Достаточно привести в качестве примера физику плазмы, этого четвертого агрегатного состояния вещества, которому суждено сыграть такую важную роль в учении об управляемых термо-ядерных реакциях или при построении двигателей нового типа, работающих на «физическом» топливе, или, наконец, при преобразовании ядерной энергии в электрическую и так далее. Сказанное касалось развития основных областей физики.

Но есть у науки и другие цели, не менее важные, чем те, о которых шла речь выше, — это формирование новых научных направлений, новых дисциплин. Я лично против «потребительского» подхода к науке: наука не может и не должна работать по отдельным «разовым» заданиям. Однако она должна быть самокупаемой в самом общем смысле этого слова, она должна оказывать как можно большее влияние на развитие окружающего общества. Каждое научное учреждение должно влиять на смежные науки, должно формировать новые научные направления, стоящие на стыке разных наук. А такая дисциплина, как современная физика, может дать особенно много не только смежным наукам, но и медицине и сельскому хозяйству. Поэтому при организации нового института важно найти правильное место и правильное его положение среди других научных и культурных учреждений республики. И если такое место действительно найдено институтом, если удалось протянуть настоящие связи между несколькими смежными дисциплинами, то это обеспечит естественный рост сети научных учреждений в нужных для республики направлениях. В наших планах на будущие 7—10 лет ясно отражены те направления, которые уже успели зародиться в Институте физики.

Вот так будет выглядеть система учреждений физического профиля через несколько лет.

Кроме Института кибернетики, успешного уже отделиться от Института физики, мы намерены создать следующие научные организмы. На базе ядерного реактора вскоре возникает филиал Института физики, в котором будут сосредоточены все исследования по ядерной физике, а также исследования свойств вещества, облученного ядерными излучениями.

Коллектив ученых, работающих ныне на материале высокогорных и подземных станций, вполне созрел для того, чтобы организоваться в самостоятельный Институт высоких энергий.

Работы, ведущиеся ныне в отделе биофизики, в ближайшее время будут значительно расширены. В последующие годы на базе этого отдела возникнет филиал Института физики, в котором сосредоточатся исследования по биофизике и медицинской физике. Основными проблемами, над которыми будет работать этот филиал, явятся термодинамика жизненных процессов, а также изучение физических свойств нормальных и патологических тканей, изучение физической дефектности патологической ткани, то есть отклонение от нормы тех физических параметров, которые определяют состояние животной ткани.

Отдел агрофизики, который мы намерены с течением времени основать при институте, будет реорганизован, как только определятся его тематика и его возможности, в самостоятельный Институт агрофизики.

Я не касаюсь здесь тех проблем, за счет которых Институту физики предстоит расширить свою работу и которые получают свое развитие в стенах института.

Какими должны быть взаимоотношения между физическим институтом и промышленными предприятиями? Приходится часто сталкиваться с мнением, что ученый-физик не может предвидеть практические применения своих теоретических исследований. При этом ссылаются на Фарадея и Максвелла, которые, живя в XIX веке, действительно не могли заглянуть в будущее. Особенно же часто ссылаются на Герца, открывшего электромагнитные колебания и тем самым подтвердившего теорию Максвелла, но категорически отрицавшего возможность их практического применения.

В наше время эту точку зрения нельзя считать безусловно справедливой. Конечно, возможность применения того или иного конкретного явления, изучаемого ученым, может быть и не ясной с самого же начала. Но при тех темпах развития науки, которые сейчас наблюдаются повсеместно, почти каждая ее область имеет достаточно хорошо очерченные перспективы применения в практике. Чаще же всего решение вопроса о возможных применениях приходит непосредственно в процессе изучения явления.

Поэтому наметить точки соприкосновения между наукой и практикой, чего требует партия в своем проекте Программы, в наше время не так уж трудно.

И практически каждый физический институт, какого бы профиля он ни был, может чрезвычайно эффективно влиять на развитие производительных сил и на технический прогресс своей страны.

Сравним темпы развития физических наук в Грузии с тем, что известно о

развитии науки в других странах мира. Если воспользоваться сообщениями ООН, то в среднем по всему миру удвоение численности научных работников и числа научных учреждений происходит раз в 15 лет. США развиваются несколько быстрее: в них удвоение научного состава и числа научных учреждений происходит в среднем за 10 лет. Таким образом, темп развития физических дисциплин в Грузии, на примере Института физики, оказывается достаточно высоким.

2. Об отношении науки к обществу

Многие искренне недоумевают: зачем нужны, например, Грузии, такие темпы развития науки? Не приведет ли это к тому, что каждый гражданин Советского Союза «заделается» ученым?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в недалекое будущее и постараемся вообразить себе, что будет представлять собой советское общество через 20—30 лет. По основным наметкам 20-летнего плана, задачи которого изложены в проекте Программы КПСС, к тому времени должно вчерне исчезнуть разграничение между физическим и умственным трудом. Это значит, в свою очередь, что основные производственные процессы в промышленности и в сельском хозяйстве будут автоматизированы и что огромное количество лиц, которых мы сейчас называем «людьми физического труда», будут свободны для того, чтобы заняться умственным трудом. Но и среди людей, занятых умственным трудом, к тому времени произойдут существенные перемены, так как ряд профессий отомрет. Исчезнут профессии статистиков, экономистов, бухгалтеров, ревизоров, контролеров и многие другие. И здесь людей заменят вычислительные и управляющие машины.

Ряд профессий (педагогика, медицина), хотя и останутся по-прежнему массовыми, но их пополнение будет идти, как и раньше, не очень быстро. Итак, произойдут огромные сдвиги в профессиональной структуре общества.

Естественно, возникает мысль, что в результате автоматизации и механизации производственных процессов, точно такие же изменения претерпит общественная жизнь и в капиталистических странах. Однако существенное различие между Советским Союзом и, например, США заключается в том, что эти процессы в странах капитализма будут сопровождаться массовой безработицей и углублением противоречий между умственным и физическим трудом, тогда как при коммунизме те же самые процессы преобразования общества вызовут массовый прилив людей к «творческим» профессиям. Ими явятся все те профессии,

которые будут связаны, например, с наукой или новыми видами техники. Сильно разрастутся и те группы людей, которые заняты обслуживанием научных учреждений, потому что наука является как раз той областью жизни, которая не может удовлетвориться стандартными условиями, стандартными приборами, стандартными материалами и всей той стандартной продукцией, которая будет производиться с помощью автоматов и управляющих машин. К тому же обслуживание научных учреждений с течением времени станет значительно сложнее, оно будет требовать привлечения все больших и больших масс лаборантов, техников, механиков, инженеров и так далее.

Стоит ли говорить о том, что подготовка кадров, расширение фронта работ и другие процессы, свидетелями которых мы являемся сейчас и которые кажутся такими «бурными», с точки зрения нашего ближайшего будущего являются далеко не достаточными.

Итак, в ближайшие годы наука, и в частности физическая наука, станет очень массовой. И не только потому, что будет наблюдаться освобождение больших людских резервов от физического труда.

Сам внутренний строй современной науки, как, например, физики, становится таким, что все большее и большее число ее разделов требует для решения важных задач привлечения большого количества работников и в ряде случаев — привлечения большого количества разных коллективов.

Что нового вносит в характер общественных взаимоотношений современная наука, развивающаяся по столь новым законам? По-видимому, очень много: привлечение к решению научных задач огромного государственного значения больших человеческих масс, работающих в общем для них всех направлении и притом на высоком профессиональном уровне. Именно современная наука, развивающаяся на фоне передовой идеологии, способна сделать народ современным. И если это неосуществимо в капиталистическом мире, в котором интеллектуальная дискриминация охватывает постепенно все более культурные нации, это может и должно быть осуществимо в рамках союза социалистических стран. Поэтому возможность организовать у себя широко задуманные исследования, имеющие большое научное значение и требующие для своего решения большого количества людей, особенно важна для малых наций, могущих благодаря этому воспитывать в нужном направлении коллективный интеллект своего народа.

Безусловно, в ряде стран развитого капитализма научные достижения,

следуя старым, давно заложенным традициям, продолжают оставаться и достаточно многочисленными и достаточно важными. К таким странам относятся, в первую очередь, Англия, Франция, Италия. Интересны последние научные достижения таких малых стран, как Голландия, Дания, Швеция.

Но достаточно проследить по журналам на протяжении двух-трех лет за сменой имен известных вам авторов научных статей, и вы увидите, что огромное количество прославленных ученых, которые должны были бы являться гордостью своей страны, покидают ее ради того, чтобы приобщиться к научным исследованиям, которые ведутся в других странах на более совершенной материально-технической базе, обеспечивающей быстрые темпы получения и публикации научных результатов. Так хиреют, а иногда и отмирают крупные научные школы, еще недавно задававшие тон в своей области.

Иное положение наблюдается среди народов, объединенных в Советском Союзе: не интеллектуальная дискриминация, а интеллектуальное равенство становится все более и более последовательным законом развития общественных взаимоотношений.

Свидетельством этого является тот факт, что многие из городов республик Закавказья, Прибалтики, Средней Азии, не говоря уже о городах таких многочисленных народов, как украинцы, стали в настоящее время важными научными центрами.

3. Наука и ученый

Итак, многие научные проблемы уже сейчас решаются путем привлечения огромных масс людей или путем привлечения нескольких коллективов, каждый из которых характеризуется своим профессиональным профилем. Благодаря этому совместно работающие коллективы иногда даже не могут вникнуть в сущность вопросов, которые решаются каждым из них в отдельности. Эти новые взаимоотношения между научными коллективами, решающими с помощью различных методов отдельные этапы общей задачи, но не понимающими друг друга, хорошо описаны в статье академика А. И. Алиханова, напечатанной в одной из наших газет¹.

В этих новых обстоятельствах по-новому решается ряд этических вопросов, в частности, вопрос о взаимоотношениях руководителей и руководимых. Во многих областях научного творчества ученый-руководитель является не

только автором научного замысла. Ему же принадлежит право распределения ролей между отдельными сотрудниками или между целыми группами сотрудников. Он, вместе с тем, является и главным истолкователем результатов, полученных не им лично, а коллективом, иногда даже несколькими коллективами. Ясно, что таким руководителем и истолкователем научных результатов может быть только такой человек, который в свое время соприкасался с различными явлениями, из которых состоит изучаемая проблема.

Прибегая к аналогии, можно сравнить труд ученого с трудом артиста или с трудом режиссера спектакля. И если в прежние времена главу научной школы можно было уподобить режиссеру камерного спектакля, в котором он сам исполнял ту или иную роль, то теперь деятельность руководителя исследования следовало бы сравнить с деятельностью режиссера кинокартины с многочисленными массовыми сценами, ради которых привлекается уйма людей самых разных типов.

Таким образом, крупным ученым в целом ряде отраслей современной физики в наши дни может стать только тот, кто одновременно является и творческой личностью, и опытным организатором, и обладателем большой воли. Практика показывает, что чаще всего он и бывает известен, как главный автор исследования, а иногда и единственный его автор. А на самом деле — истинным автором является коллектив. Не следует ли ожидать, что по крайней мере у нас, в СССР, скоро возникнет такая традиция, когда статьи будут печататься без перечисления их авторов? Когда будет указываться только коллектив-исполнитель? Тем самым претерпит коренные изменения одна из этических сторон научного творчества, коль скоро исчезнет такой фактор, как жажда славы. По существу, в ряде областей науки такое положение уже возникло.

Можно предвидеть, что облик ученого будет претерпевать существенную трансформацию, так как относительное число ученых, которые стали таковыми по призванию, будет все время падать. Наоборот, процент лиц, которые, не будучи учеными по призванию, будут заниматься наукой, как профессией, значительно возрастет. По существу и сейчас мы уже являемся свидетелями того, как научная работа перестает быть призванием и становится профессией. Такая трансформация будет вызываться не только массовым приливом людей к так называемым, творческим профессиям, но, прежде всего, тем, что относительно малый процент научных работников будет обладать достаточным кругозором для того, чтобы охватить все этапы или все стороны непрерывно

¹ А. И. Алиханов. «Может ли физик предсказывать?» «Литературная газета», 1/1—1961 г.

усложняющихся исследований, в которых им предстоит участвовать. А с течением времени, несмотря на все углубляющуюся специализацию отдельных научных дисциплин, для решения крупных научных проблем будет требоваться привлечение нескольких разных дисциплин, а следовательно будет необходимым и несравненно более широкий кругозор.

В этой связи с особенной остротой ставится вопрос о сохранении старых и создании новых традиций.

Наука больше, чем любой другой вид творческой деятельности, не может слепо подчиняться раз и навсегда установленным традициям. Традиционность, так свойственная, например, английской университетской науке, по самому своему существу противоречит духу науки, которая всегда стремится к новому. И вместе с тем ни одно из научных учреждений не сможет приобрести своего индивидуального облика, не создав своих традиций. И в самом деле: какое же может быть творчество, если нет индивидуальности?

Вопрос о сохранении старых и о возникновении новых традиций является одним из самых сложных и спорных вопросов при организации современной науки. Прежде всего и главным образом он касается проблемы коллектива и индивидуума.

Идеальной является система, при которой ученый решает сам, и преимущественно индивидуально, все основные задачи, стоящие на пути к научному открытию. Это обеспечивает высокий уровень ответственности за каждый вывод. Это обеспечивает глубину понимания проблемы, уровень научного творчества. Но такой метод работы, как правило, не обеспечивает необходимых темпов, соответствующих головокружительной скорости развития науки во всем мире. А в ряде случаев он стал даже совершенно бессмысленным.

Основная задача здесь заключается, по-видимому, в том, чтобы сочетать воспитание способности к индивидуальному исследованию со способностью работать в коллективе. На одном из ранних этапов развития каждому будущему ученому следует давать совершенно самостоятельные научные задачи, в которых он мог бы разобраться сам. На какой-то период своей жизни будущий ученый должен остаться с наукой один на один, с глазу на глаз. Но когда выбрать такой период — это огульно предрешить нельзя. Одних надо сперва учить на заданиях, являющихся частью большого коллективного исследования и уже потом предоставлять им возможность три-четыре года творить в одиночку. Другим эту самостоятельность можно предоставить почти сразу.

Но ясно одно, что, проработав не-

сколько лет индивидуально, молодой ученый в наш век неминуемо вольется в коллектив и будет испытывать радость уже не от индивидуального творчества, а от ощущения грандиозности научных замыслов, посылных только коллективу.

4. Основные задачи

Как обеспечить на еще более высоком уровне все то, что необходимо советской науке для выхода на передовые рубежи всех главных научных направлений? Как сделать, чтобы достижения науки незамедлительно становились достижением практики, чтобы они быстро влияли на развитие производительных сил страны?

Прошедшие совещания научных работников указали на необходимость решения в общегосударственном масштабе нескольких первоначальных задач. Прежде всего — это оснащение научных учреждений новейшими типами приборов, организация на более высокой основе научного быта исследовательских учреждений, координация деятельности научных учреждений друг с другом и с производственными предприятиями, подготовка кадров научных работников.

Остановимся на первом вопросе. Известно, что успехи социалистической экономики неразрывно связаны с преимущественным развитием тяжелой промышленности по сравнению с легкой. Вообще говоря, такое же соотношение должно существовать и между темпами развития научных исследований и темпами развития индустрии. А для этого необходимо, чтобы темпы совершенствования и обновления материальной базы научных исследований опережали темпы количественного и качественного роста тяжелой индустрии.

Это предложение было высказано мною еще в 1957 году в связи со всенародным обсуждением вопроса о преобразовании управления промышленностью¹. Действительно, процесс совершенствования и обновления научной базы должен идти гораздо быстрее, чем это имеет место реально. Приборостроительная промышленность в нашей стране должна развиваться особенно быстро, обгоняя все другие отрасли индустрии. Сейчас, когда перестраивается управление научно-исследовательской работой по всей стране, следовало бы предусмотреть значительное расширение исследовательских лабораторий, конструкторских бюро и экспериментальных заводов, деятельность которых была бы направлена на дальнейшее улучшение экспериментальной базы крупных институтов Советского Союза.

¹ Э. Л. Андроникашвили. «Ускорить развитие науки на местах». «Известия», 5/V—1957 г.

Действительно, все то новое в смысле материального обеспечения, что приходит в науку, большей частью не рождается из логики развития научных событий, как это должно было бы быть, а преимущественно приходит к нам из индустрии, создающей новые типы лабораторного оборудования, исходя из своих внутренних потребностей. Ясно, что при таком положении вещей наука не может быть истинно прогрессивной по отношению к производству, если по своей технической вооруженности она плетется в хвосте у промышленности.

Я не говорю о тех редких исключениях, каковыми являются мощные ускорители, исследовательские реакторы, крупные электромагниты, которые делаются только ради науки и которые производятся в каждом отдельном случае по решениям правительства Советского Союза.

Эта задача с моей точки зрения является важнейшей.

Пора и у нас в республике подумать о создании новой отрасли хозяйства — создании научного приборостроения нестандартного типа, которое изготовлялось бы по заказам научных учреждений. Нам надо организовать конструкторское бюро для создания приборов нового типа. В особенности это необходимо для таких отраслей науки, как химия, биология, медицина, ибо эти науки наименее удовлетворены стандартной продукцией приборостроительной промышленности.

Наконец, у нас нет и тех кадров, которые могли бы создавать образцы новых приборов, необходимых почти для всех наук. Исключение составляют разве только физики, подготовленные к тому, чтобы разрабатывать конструкции необходимых им приборов.

Вероятно, было бы целесообразно организовать приборостроительную специальность при физическом факультете Тбилисского университета, на котором можно было бы сосредоточить как преподавание физико-математических и инженерных наук, так и преподавание необходимых основ химии, биологии и других дисциплин.

Особенно неотложной является реорганизация на новой основе научного быта исследовательских учреждений — вопрос, который то и дело возникал в выступлениях участников Всесоюзного и республиканского совещаний.

Между тем, важность этого вопроса ясна всем. Необходимость оперативного снабжения, удовлетворяющего потребность ученых по мере их возникновения (то есть вне предварительных заявок), уже давно узаконена специальным правительственным постановлением. Пришла пора реализовать это решение и найти такие формы материального обес-

печения науки, которые действительно и по существу удовлетворяли бы требования ученых.

Сравнительная необеспеченность научного быта на периферии и в республиканских научных центрах может иметь далеко идущие последствия, которые необходимо избежать. В самом деле, даже поверхностное знакомство с распределением крупных ученых по Советскому Союзу показывает, что здесь не все в порядке. Около 90 процентов академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР живет и работает в двух городах: Москве и Ленинграде. Несомненно, это вызвано несравненно более легкими условиями работы, которые предоставляются ученым в этих городах. Но так же несомненно и то, что концентрация крупных ученых в немногих научных центрах идет вразрез с усилиями Советского государства организовать повсеместно крупные научные центры.

В последние годы этой важнейшей задаче уделяется все большее и большее внимание: организация крупнейшего научного центра в Новосибирске, создание первоклассных научных центров в Средней Азии, в республиках Закавказья, на Украине и в других республиках свидетельствует о том, что этому вопросу правительство Советского Союза уделяет огромное внимание.

Благодаря этой политике в настоящее время материальную базу грузинской физики в какой-то мере можно сравнивать с материальной базой таких городов, как Ленинград и даже Москва.

И действительно, если сложить все то, что имеется у нас в институте, в Институте кибернетики, в Грузинском физико-техническом институте, на физическом факультете Тбилисского университета, то выяснится, что грузинский физик может работать практически в любой области, притом на достаточно высоком уровне. Единственно, чего нам не хватает, — это крупного ускорителя.

Казалось бы, что этим обеспечены условия, при которых наука в Советском Союзе будет развиваться повсеместно в нужных темпах, способных обеспечить не только ее главенствующую роль на всех важнейших направлениях, не только быстрое развитие передовых видов новой техники, но и своевременную «перекачку» людей от профессий, связанных только с физическим трудом, к профессиям творческим и обслуживающим творчество.

Однако, как показывает опыт, главное заключается не в наличии мощных экспериментальных установок. Главное заключается в количестве времени, затрачиваемом на получение научного результата, а это время полностью определяется условиями научного быта. Как уже было сказано, эти условия, существующие в столицах союзных республик, ни

в коей мере нельзя сравнивать с тем, что существует в научных учреждениях центрального подчинения.

Совершенно очевидно, что настало время уравнивать условия, создавшиеся с одной стороны в центре, а с другой — на периферии. И это является одной из важнейших задач государства в области научной политики, так как без этого нельзя обеспечить равномерный по всему Советскому Союзу прилив людей к творческим профессиям.

Касаясь вопроса о сущности координации научных исследований, вспомним о тех важнейших задачах, которые стоят перед советской наукой.

Это, прежде всего, формирование и развитие таких новых дисциплин, которые стоят на стыке двух или трех уже сложившихся наук. Примерами таких направлений могут служить ядерная химия, ядерная техника, биофизика, о которых уже говорилось выше. Как правило, именно на стыке двух смежных наук рождаются исследования, наиболее быстро приводящие к практическим применениям. В решении таких задач должны участвовать несколько институтов, могущих разрабатывать смежные проблемы. Мне кажется, что в той степени, в какой решение поставленной задачи может быть поручено научным учреждениям, входящим в одно и то же ведомство (например, Академия наук республики), располагающее необходимыми материалами и финансовыми ресурсами, координация должна быть внутриведомственной.

Однако, когда речь идет о координации работ, ведущихся научным институтом, например, академического подчинения, с одной стороны, и промышленным

предприятием, ответственным за внедрение — с другой стороны, или когда координации подлежит деятельность учреждений, подчиненных разным ведомствам, то роль координирующего центра должна принадлежать, как я полагаю, специальному органу правительства республики.

Наконец, о координации исследований в важнейших областях науки и техники, имеющих общее значение. Мне представляется, что вовсе не следует координировать все учреждения, занимающиеся данной тематикой. Координировать, притом во всесоюзном масштабе, надо работу тех учреждений, которые обладают достаточно мощной материальной базой и достаточно сильным коллективом, чтобы принять на себя большую долю работы, подлежащей выполнению в рамках Советского Союза. Для каждого из важнейших направлений развития науки и техники следовало бы заранее определить объем материальных ресурсов, которые могут быть выделены государством, и распределить эти ресурсы между несколькими наиболее сильными коллективами.

Таким образом, формы координации научной работы должны быть разнообразными. Но ни в коем случае координация не может быть многоступенчатой, так как это лишило бы ее необходимой гибкости.

Заканчивая эту статью, хочется выразить уверенность в том, что конец текущей семилетки застанет грузинских ученых стоящими во всех областях науки на уровне самых передовых достижений наиболее передовых стран мира: в рамках Советского Союза для каждой из наших республик для этого имеются все предпосылки.

Неоплаченный долг

Из записной книжки

Война приближалась к развязке. Враг покидал выстоявшую, несломленную страну, оставляя кровавые следы. Города после боев лежали в руинах, измученная земля стонала от взрывов, поднимавших к небу фонтаны развороченной почвы, но победоносный народ мужественно шел вперед.

В сухих руставских степях тоже грохотала взрывчатка и вздымались к небу фонтаны развороченной почвы. Но здесь закладывался фундамент новой жизни — возводился промышленный город, росли красивые строения, парки, сады.

Набравшееся сил весеннее солнце 1944 года изумленно смотрело на выросшие за полгода в степях заводские трубы, на поднявшиеся стены зданий.

Город рос... Как в сказке возникали широкие улицы, стройные архитектурные ансамбли, просторные площади, стадионы, шелестящие листвой аллеи. И это была чудесная сказка, в которой торжествовали добро, любовь, созидание, поправшие зло, ненависть, разрушение.

Это был триумф труда и самоотверженности человека, проявление удивительной жизнеспособности советского строя.

Семнадцать лет назад первый заступ коснулся древней руставской земли... И вот перед нами — глобус с обозначением только одной точки: «Рустави». От нее тянутся по всему земному шару голубые нити, они пересекают континенты, моря и океаны, Запад и Восток, разветвляются, множатся...

Это — пути, по которым шествует продукция руставских заводов: стальные трубы и азотные удобрения, цемент и башенные подъемные краны.

* * *

Шумит мартеновский цех. Языки пламени вырываются из топки, жадно лижут стенки печей. Плавится сталь. Пульты управления уставились в пространство черно-белыми глазами приборов. На циферблатах разговаривают стрелки — дрожат, мечутся, колеблются, замирают. Здесь мозг плавки.

Голос из громкоговорителя предупреждает о чем-то сталеваров. Опустился

палец на кнопку пульта, пришли в движение люди. В открывшейся дверце печи бурлит кипящая сталь. Сталевары громадными лопатами загружают разверстое жерло печи. Работают слаженно, быстро, красиво. В каждом движении — сила, воля, сноровка.

Любуешься их работой, как высоким искусством. Мечущееся в печи пламя сообщает волшебный темп и пластику этим строгим ритмичным движениям.

Загрузка печи окончена. Снова палец, опустившийся на кнопку, наглухо захлопывает дверцу. Убраны лопата и метла, — анахронизмы этого цеха, единственные орудия труда, требующие приложения физических усилий человека. Все остальные процессы выполняют автоматы и механизмы.

Напряженно всматривается в наблюдательное окошечко печи человек лет тридцати пяти. Со лба струйками стекает пот. Синие стекла очков прячут глаза, но весь его облик выражает упрямство и непокорность, будто он даже в эти спокойные минуты продолжает с кем-то спорить, в чем-то убеждать, что-то доказывать. Несколько минут назад я наблюдал его в работе, и он просто покорила меня своей виртуозной сноровкой.

Мой пристальный взгляд, видимо, начал его беспокоить. Он обернулся, резко подтянул очки на лоб и как-то неловко прошел мимо нас.

— Кто это? — спрашиваю я сопровождавшего меня по заводу товарища.

— Георгий Чачанидзе, сердитый дядя, — с улыбкой замечает он. — Дотошный, неугомонный, покоя от него никому нет. Мастером был. Четыре печи подчинялись ему. Оставил их, пришел простым сталеваром к этой — пятой печи.

— Почему?

— В прошлом году эта печь дала на 12 тысяч тонн стали меньше, чем планировалось. И в начале этого года снова не справилась с заданием.

— А как сейчас?

— Сейчас вошли в график, большей частью план даже перевыполняется.

— Познакомь нас, пожалуйста!

Вряд ли личное знакомство открыло

для меня что-либо новое в этом человеке. Говорил о себе он очень неохотно, на мои расспросы отвечал скупой, односложно. Я все время чувствовал его желание поскорее от меня избавиться.

Биография его была типичной для основного ядра десятитысячной армии руставских рабочих.

В 1944 году ему исполнилось семнадцать лет, и его прямо со школьной скамьи взяли на стройку металлургического завода. Потом — годы учебы в техникуме, затем металлургический завод. Получил звание мастера, а сейчас снова по своей инициативе работает простым сталеваром, член партии, общественник.

Приняв меня за корреспондента газеты, он снисходительно заметил: «Что ж, напишете, наверное, как обычно: такой-то выполнил и перевыполнил план на столько-то процентов, как будто человек посторонний сумеет понять цену этих процентов. Вы лучше объясните читателю, что без самого, казалось бы, незначительного болтика он утром не сможет одеться, обуться, позавтракать. Потому что без этого болтика не сработает ни одна машина — ни та, что шьет обувь, ни та, что землю обрабатывает, ни та, что отправляется на разведку космоса... а этот человек сделал этих болтиков не триста, а шестьсот. Еще многое надо разъяснить людям... Вот я, например, до недавнего времени, все никак не мог понять, за что артистам присуждают Ленинские премии? Думал, неужели это такой тяжелый и сложный труд? И если бы не беседа с лектором нашего университета культуры... Разъяснить надо!»

* * *

Сталевары баграми разбивают летку печи. Затем струя расплавленной стали льется из бадьи в огромные четырехугольные чугунные сосуды, — так называемые «лукошки». Паровоз увезет эту сталь для дальнейшей обработки в другие цехи.

Мне объясняют, что до недавнего времени лукошко, которое заполняется расплавленной сталью, было очень недолговечным. Им могли пользоваться всего тридцать пять, в лучшем случае тридцать семь раз, и оно выходило из строя. Никто в мире не мог пользоваться им дольше до тех пор, пока начальник участка мартеновского цеха Семен Сихарулидзе не нашел способа продлить ему жизнь. Собственно, у него родилась только идея, а обдумывали и обсуждали ее всем коллективом.

Теперь лукошко перевозит сталь не менее пятидесяти раз, и за прошедший год рационализаторы сэкономили два миллиона рублей. Те же миллионы, которые дало внедрение этого метода эксплуатации лукошек на других метал-

лургических заводах нашей страны, подсчитать еще не успели.

— Новый наблюдательный пункт себе нашел? — кричит кому-то наверх мой спутник. — Высматриваешь себе очередную премию? — шутит он.

Человек, которого я с трудом разглядел наверху, на балконе, вытянувшись вдоль цеха, явно не оценив остроумия моего спутника, что-то буркнул в ответ, даже не поворачиваясь в нашу сторону: он ни на секунду не мог оторваться от своих мыслей.

— Он сберег заводу еще полмиллиона, — объясняет мне мой спутник. — Заменял подкладку на крышке лукошка (мы ее называем приростом). Когда сталь остывала, подкладка из огнеупорного кирпича легко повреждалась, трескалась. Необходимо было ее заменить. Сейчас по его методу делаем эту подкладку из жидкого шлака.

Рационализатор подошел к нам.

— Вы, кажется, литератор? — спрашивает он. — И, пожалуй, сумеете помочь мне. Как по-грузински слово «багор»?

Я предлагаю несколько слов, которыми, как мне кажется, можно было бы воспользоваться в данном случае, мучительно припоминаю слова, они вертятся на языке, но никак не удается их произнести.

— Нет, это в переводе на русский — лом, а это — гарпун, орудие, с помощью которого охотятся за китами, — с досадой отвергает он один вариант за другим. Мне стало неловко за свое незнание, подавляя в себе стыд, я посоветовал ему заглянуть в словарь.

— Рылся уже... напрасно. Понимаете ли, я сейчас работаю над одним... в общем, мне необходимо найти точное наименование этого орудия, чтобы правильно выразить свою мысль. Просто неудобно без конца прибегать к русской и иностранной терминологии.

Течет сталь. Широкая горящая струя рассыпается снопами искр, наполняется бадья. И здесь, рядом, человек, руками которого возведен новый город, создана мощная индустрия, плавится сталь, занят мучительными поисками простого слова. Такой пустяк, а помочь ему не могу.

Будто почувствовав мое смущение, сталевар поторопился переменить тему разговора, начал рассказывать об экономичности своего метода.

— Заметно уменьшились случаи выхода из строя прироста — объясняет он. — Но есть еще кое-какие возможности... вот пытаюсь докопаться...

Наверное, здесь все так устроены — искания, новшества... Это воздух, которым здесь дышат, этим здесь живут.

Заместитель начальника трубопрокат-

ного цеха Ираклий Жордания добрых два часа знакомил меня со своим хозяйством. Я знал, как загружен этот человек, и меня даже удивили его подробные терпеливые разъяснения. Я понимал, что я не первый и не последний из тех, кто отрывает его от дел, отнимает столь необходимое время. Но он не только не дал мне это почувствовать, а как будто, наоборот, пытался заставить меня вникнуть в такие процессы и детали, на которые я сам, пожалуй, и не обратил бы внимания. Он молод (ему около тридцати) очень подвижен, разговорчив...

Расспросил меня, над чем я работаю, для чего собираю материал.

— Буду писать сценарий для документального фильма, — сказал я.

Он усмехнулся.

— Позавчера видел один документальный фильм. На экране изображение: идет по желобу чугун, а диктор сообщает зрителю: идет грузинская сталь. В нашем цехе работала съемочная группа студии «Грузия-фильм», снимали эпизоды для нового художественного фильма. Мне потом довелось посмотреть эти кадры. Возможно, с точки зрения кинематографии они и безупречны. Но в отношении проката труб — там полная безграмотность. Я заметил режиссеру, что зритель у нас сведущий, и безусловно, такие огрехи не останутся незамеченными. Режиссер в ответ только посмотрел на меня, но взгляд его красноречиво говорил: не суйся-ка ты, братец, не в свое дело. Я твердо убежден: когда в художественном произведении показаны технические процессы, нельзя путать чугун со сталью, домну с мартеном.

Ведь нам никто не простит выпуска негодных труб, а наше дело ничуть не проще... Нужно только строже судить каждое проявление безответственного, недобросовестного отношения к делу.

Неожиданно мой собеседник умолк.

— Что-то четвертому транспортеру нездоровится, слышишь, как шумит? — обратился он к моему спутнику. — Видно, корпуса ослабли, надо подтянуть.

— Пока машина не остановится, можно не торопиться, — отшутился мой друг.

Но заместитель начальника цеха ответил на шутку очень серьезно:

— Ждать, пока машина выйдет из строя, смогут и без меня. А я нахожусь здесь, чтобы не допустить этого.

* * *

Здесь, в цеху, завязалось еще одно мимолетное знакомство.

— Подойди к тому парню, поговори с ним о литературе, — просит меня мой друг. — Для него блаженство — спорить о прочитанных книгах, анализировать их. Автандил Ломидзе на заводе пять лет. Демобилизовавшись старшим сержан-

том, он пришел сюда разнорабочим. Сейчас Ломидзе — старший прокатчик, депутат городского совета, борец-второразрядник.

Мой спутник представил меня. Парень сказал, что он очень любит читать.

— Вот и сейчас, — почему-то застенчившись, сказал он, — я перечитываю Гамсахурдиа. «Десница великого мастера» — моя любимая книга.

— Да! Великолепный роман, — вмешался в разговор мой спутник. — О величайшем подвиге, величайшем человеческом творении повествует автор, потому и произведение получилось выдающимся.

— Я бы не сказал, что создание нового города, большого индустриального центра, — подвиг менее значительный, чем сооружение Светицховели. Однако на этом материале писатели еще не создали такого же замечательного произведения. Не разглядели еще нас писатели по-настоящему, не оценили по достоинству, — ответил Автандил.

Мы долго говорили о литературе, и я был поражен, как много читает и как тонко судит о книгах этот простой руставский рабочий.

Рабочий нового поколения, поколения, строящего коммунизм, в лягзе рольгангов рассуждает о сложных теоретических проблемах грузинской советской литературы и искусства.

* * *

Заместитель начальника доменного цеха Реваз Парасташвили проводил диспетчерское совещание. Он пригласил меня в кабинет немедленно, как только ему доложили о моем приходе.

В сером табачном дыму сидели десять-пятнадцать человек. Воцарилась неловкая тишина: мы как будто исподтишка разглядывали и изучали друг друга. В этой трудной обстановке я вынужден был представиться и объяснить цель моего прихода. На секунду все зашевелились, но тотчас же снова установилась эта мучительная тишина.

Реакция на мой визит была своеобразной, ее невозможно объяснить одним словом: это не было ни интересом, ни любопытством, ни радостью, ни игнорированием. Но я вдруг ощутил, что разглядывают меня сильные, серьезные, строгие люди, и я сам себя пожалел: слишком слабым и маленьким почувствовал себя среди них...

Заместитель начальника доменного цеха был человеком невысокого роста.

Мне уже говорили о том, что он — один из крупнейших специалистов в стране, один из немногих обладателей звания «Лучший мастер до-

менных цехов Министерства черной металлургии СССР», прекрасный организатор, энергичный, умный, чуткий человек.

— Кто поможет товарищу ознакомиться с нашим цехом? — обратился он к сидящим.

После продолжительного молчания кто-то без всякого энтузиазма предложил свои услуги.

— Постарайтесь показать и рассказать все подробно, обстоятельно, не торопите гостя! — попросил он этого добровольца.

На первой домне, в бригаде коммунистического труда знатного доменщика Арчила Дзамашвили я видел, как уборщица сняла со стены табельную доску. На пол со звоном посыпались номерки. Без всякого уважения к ним, она сгребла жестяные кружки метлой и выбросила в мусорное ведро.

Оказалось, в доменном цеху уже давно упразднили табельную систему. Да и к чему она здесь?

Уже давно здесь все мастера, бригады, старшие рабочие взяли себе за правило приходить ежедневно за полчаса до начала смены, чтобы посмотреть, что успели сделать товарищи предыдущей смены, и сразу же перенять даже незначительное новшество в их работе.

Молодые инженеры покинули свои уютные кабинеты с чертежными досками и стали у агрегатов, машин, печей, установок, потому что почувствовали, что здесь они будут куда полезнее людям.

На глазах происходит явление огромного исторического значения: исчезает грань между физическим и умственным трудом.

Почти при каждом цехе металлургического завода создано «общественное конструкторское бюро», в которое сотнями поступают от рабочих и служащих рационализаторские предложения. В бюро проверяют эти предложения, производят необходимые расчеты и вычисления, дополнительную доработку с тем, чтобы оперативно, в кратчайшие сроки внедрить их в производство.

А разве не бывало случаев, когда рядовой рабочий требовал пересмотра какого-либо изобретения, легшего в основу диссертационной работы на соискание степени кандидата или доктора технических наук, и выдвигал свои предложения.

Не перечить также всех бригадиров и мастеров, покинувших передовые налаженные участки работы, чтобы помочь отстающим, нисколько не задумываясь над тем, что такой шаг, возмож-

но, повлечет за собой материальный ущерб, отказ от лишних часов досуга. А сколько новых тревог и риска! Ведь зачастую еще приходится убеждать, уговаривать начальство, чтобы разрешили перейти на другой участок.

На большом участке мартеновского цеха по почину рабочих ликвидирован технический контроль и должность техконтролера.

Два поколения людей боролись за то, чтобы окончательно исчез человек-механизм, человек-пружина, живущий по воле разума или безрассудства другого человека. И вот он — новый человек, — опора нашего сегодня, кузнец коммунистического завтра. Его руками создана гигантская индустрия Рустави — великое национальное, государственное и общечеловеческое дело.

* * *

— Пошли с нами обедать. А то если будешь ждать, пока твой папаша тебя подкормит, ноги протянешь, — шутливо приглашает мой друг юношу из электроремонтной мастерской.

— Он единственный сын у своего отца, — поясняет мой друг. — Но как только сыну стукнуло восемнадцать и в руках у него был аттестат зрелости, отец ему наказал: «Отправляйся-ка на все четыре стороны и начинай жить своим трудом. Больше отцовской копейки не получишь».

И не потому, что не было у него возможности помогать сыну — он бригадир в колхозе...

Да, парнишка — мировой! Вот уже три года здесь работает, учится в Политехническом институте на вечернем отделении. Комсомольский заводила, любимец всей нашей молодежи.

Мы познакомились, отправились вместе обедать.

— Вы не подумайте только, что мой отец скряга какой-нибудь. Он очень заботлив, все время печется обо мне, раз в два-три месяца непременно навещает меня, аккуратно шлет длиннющие послания, в которых наставляет на путь истинный. Он у меня немножко философ, — юноша произнес эти слова с такой теплотой и сердечностью, что я сразу почувствовал, сколько добрых чувств скрыто в душе этого человека.

— А ты дай почитать отцовские письма, — посоветовал ему мой друг.

— Пожалуйста. Вот последнее... — Он достал из бокового кармана смятые листки, исписанные неровным старческим почерком. После приветствия, расспросов о здоровье и делах, старик писал:

«Сынок! Помнишь ли ты инженера на-

шего колхоза? Того, что гвозди присвоил, колхозный кирпич проглотил и оконные стекла туда же отправил? Выгнали мы его. Природа одарила волка крепкими зубами, но не внушила ему, что овец есть не следует. Вот и с ним так получилось. Дали ему знания, хорошую профессию, но не сумели внушить, что нужно еще быть человеком.

Ты, наверное, думаешь: зачем он мне все это пишет? Мы с матерью с самого раннего детства старались приучить тебя к труду, старались сделать из тебя хорошего человека. Это дается нелегко. И если б мы сейчас стали тебя баловать, посылать деньги, все наши усилия за много лет пропали бы даром. Ты уж не взыщи, знай, что нам для тебя ничего не жалко. Все, что мы делаем, — делаем для тебя. А ты учись, хорошо вникай во все. Не знаю, хватит ли у тебя способностей, чтобы стать хорошим инженером... а хотелось бы! Но самое главное — учти, что честный и добрый человек, даже если из него и не получился ученый, куда нужнее и полезнее, чем человек с большими знаниями, но дурными наклонностями. Такой гораздо больше разрушит, чем построит. Старайся, сынок, жить так, чтобы нам на старости лет краснеть за тебя не пришлось, и чем меньше ты будешь рассчитывать на мою поддержку, тем легче тебе будет в жизни. Старайся быть самостоятельным во всем».

Это письмо вызвало оживленный разговор о правильном и неправильном воспитании; сами собой напрашивались примеры из жизни, шел обмен мнениями.

* * *

Рабочий день завершен.

— Мне сегодня хочется отдохнуть и развлечься, — заявил мой друг. — Надоело заниматься серьезными делами.

Он предложил заглянуть в гости к своему двоюродному брату, который три месяца назад женился, а он после свадьбы так и не удосужился заглянуть к молодоженам, посмотреть, как устроились эти хорошие, простые молодые люди.

С пустыми руками идти неудобно. Мечемся от прилавка к прилавку, ни на чем не можем остановиться.

Наконец меня осенило: нужно достать цветы.

— И непременно гвоздики! — решил мой друг.

Гвоздик в Рустави не оказалось, и мы едем за цветами в Тбилиси.

Весна только входила в город, и цветы еще были редкостью. После долгих поисков, мы собрали по одному-два цветка букет гвоздик и белых роз. И те, кому они предназначались, сумели по достоинству оценить наши «муки». Нас встретили с таким радушием, с такой искренней радостью, что я через минуту уже не ощущал, что впервые вижу

этих людей, впервые в их доме. Я находился в доме хороших, верных друзей. Кроме нас, там были еще гости — друзья хозяев. Шуткам, смеху не было конца. Молодожены заражали всех своей непосредственностью, чудесным настроением. Все с аппетитом уничтожали незатейливые приготовления молодой хозяйки — все казалось необычайно вкусным.

Внезапно мой друг исчез и вернулся только спустя полчаса с огромным кулком мандарин и, высыпав их на вазу, поднес молодой женщине, сидевшей рядом с ним.

Как выяснилось потом, женщина невзначай заметила, что была бы не прочь сейчас съесть мандарины. «Она ждет ребенка, понимаешь, — объяснил он мне потом. — В таких случаях ни в чем нельзя отказывать».

Мы стали прощаться, нас настойчиво уговаривали не уходить, но мой друг почему-то заупрямился и поторопился покинуть этот гостеприимный дом.

Мы направлялись в Тбилиси на машине моего друга, но вдруг он свернул с дороги и поехал в Соганлуги.

— Что тебя сюда занесло? — недоумевал я.

— Просто настроение такое. Здесь многолюдно, шумно, а мне сейчас не хочется тишины.

Мой спутник — друг юности, сосед по парте в техникуме. Отец его был рядовым тружеником, поваром. Растил четверых детей. Друг мой был старшим. Воспитывая детей, отец воспользовался всеми благами, которые подарила народу Советская власть. Отдал их в музыкальную школу, обучил иностранным языкам. Но ни в чем не отступал от самых строгих законов спартанского воспитания. Умер он от сердечной болезни в том году, когда мы кончали техникум. Друга моего призвали в армию. Прослужив восемь лет, он в сорок седьмом обосновался в Рустави. Сердцем прирос к заводу. Знает каждый его кирпич, и каждый винтик. Меня просто поражает разносторонность его интересов, поражает, как много он успевает. Он до предела загружен на заводе, он всегда выполняет массу партийных и общественных поручений, он трогательно заботится о матери и младших братьях и сестрах, много работает над собой, захлеб читает художественную литературу, знакомится со всеми книжными новинками по искусству, хорошо разбирается в живописи, в музыке. К гуманитарным наукам он нулся с юности, а призвание нашел в технике.

Человека, который с ним познакомился покороче, очень удивит то, что он так не получил высшего образования, принадлежит к разряду тех «дел», которые он пока не успел. Еще он так и «не успел» устроить свою

личную жизнь, «не успел» жениться, хотя ему уже сорок и он мечтает о семье, о детях.

— Скоро управлюсь с делами, жевюсь! — обещает он.

Это была не единственная остановка. Проехав через Тбилиси, мы снова неожиданно свернули с пути и очутились на мцхетском Джвари. Разговаривать не хотелось. Мой друг совсем ушел в свои раздумья, и я не решался потревожить его. Так, погруженные каждый в свои мысли, мы долго молча смотрели на окутанную сумерками древнюю столицу Грузии. Так же молча сели в машину, продолжая свой путь. Приемник доносил из какой-то далекой страны приятную мелодию. Мой друг быстро ее уловил и начал насвистывать. Потом мы петляли по глухим переулкам Тбилиси, взбирались на крутые подъемчики.

Возле одного из домов он остановил машину и громко постучал в окно. За стеклом появилось заспанное лицо юноши. Через минуту он выскочил на улицу; его просто распирало от радости, он не знал, с чего начать разговор, все время пытался нас затащить к себе. Но мой спутник, расспросив его об учебе, о домашних делах насильно сунул ему в руку несколько хрустящих бумажек.

Мы поехали дальше.

— Здесь снимают комнату мои земляки, ребята из нашей деревни, — пояснил он по дороге. Оба — студенты, способные, хорошие ребята. Зачастую тугова-то им приходится, вот и стараюсь время от времени «подбодрить» их немножко.

— Ну, а теперь поехали домой, в Рустави, спать.

* * *

На Всесоюзном совещании передовиков и ударников коммунистического труда у руставцев родилась идея: сделать Рустави городом коммунистического труда и высокой культуры. В Рустави все одобрили этот славный почин.

Сейчас на каждом руставском предприятии, в каждом цеху, в каждом учреждении вы увидите лозунги и плакаты с этим призывом.

Месяц я жил в этом городе, жил его делами, его чаяниями и заботами. Я

видел, с каким упорством, энтузиазмом, я бы даже сказал с азартом, борются руставцы за осуществление цели, и час за часом крепнет уверенность в том, что в самое ближайшее время Рустави будет городом коммунистического труда, первым на нашей грузинской земле городом коммунизма.

Решение сделать Рустави городом коммунистического труда не было плодом чьей-то фантазии и изобретательности. Оно естественно и закономерно вытекало из повседневной жизни города, уже вплотную подошедшего к коммунистическому завтра.

Город родился... Живет и дышит полной грудью мощный очаг тяжелой индустрии Грузии. Заново возродилась и обновилась грузинская металлургия. И что самое главное — на грузинской земле формируется новый человек. Человек, который в большой обиде на нашу литературу, на наших писателей, — потому что ему с трудом удастся разглядеть самого себя в современных произведениях искусства — живописи, скульптуры, музыки, кино, драматургии, а главное — в книгах. Еще слишком мало пишут о рабочем человеке — главном производителе всех материальных ценностей на земле. А если и рассказывают о нем, то зачастую этот новый человек, предстает перед читателями односторонним, обедненным, скучным. Иногда даже создается впечатление, что автор походя бросил милостыню этому герою, упомянул о нем, чтобы тот не обиделся. А разве этого он ждет от литературного произведения? Этот рабочий человек, своим трудом производя материальные блага, создает для писателей, для тружеников искусства превосходные условия творчества. Но произведений, достойных нового человека, еще очень и очень мало.

Эти мысли рождались в беседах со многими людьми, повстречавшимися мне в Рустави. Это их обиды и их претензии к нашей литературе, с которыми я вполне согласен.

Нужно еще много, много работать, чтобы по достоинству воспеть этих замечательных людей, чтобы воздать Кесарю кесарево!

Анна Николадзе

Книга о братстве и дружбе

Истории взаимоотношений Грузии с братскими народами Советского Союза и в первую очередь — с русским народом у нас в республике посвящено немало серьезных научно-исследовательских трудов. Одним из них является книга Тенгиза Буачидзе «Литературные статьи», выпущенная в прошлом году Госиздатом Грузии.

«Хотите ли узнать Кавказ так, как будто бы он был вашей родиной? — читайте Пушкина и Лермонтова», — советовал В. Белинский.

И как раз статьей «Пушкин и грузинская общественность» открывается книга Т. Буачидзе.

Поэзия Пушкина, воплощающая в себе творческий гений русского народа, всегда привлекала лучших представителей грузинской общественности. «Первыми переводчиками Пушкина, — пишет автор исследования, — были царевич Теймураз, Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Соломон Размадзе, Михаил Туманишвили, Вахтанг Орбелиани и другие».

Т. Буачидзе подробно останавливается на первых переводах произведений Пушкина, осуществленных Ал. Чавчавадзе, и отношении грузинской передовой интеллигенции, особенно грузинских шестидесятников — «тергдалеули» и их идейного вождя И. Чавчавадзе к великому русскому поэту.

«Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой и другие передовые деятели, — писал Илья Чавчавадзе, — являются славой и гордостью русского народа. Благодаря им Ев-

ропа по-иному оценивает духовные силы России, выразителями которых являлись упомянутые русские люди с большой душой».

Известно, с какой высокой требовательностью относился Илья Чавчавадзе к делу перевода.

Восхищаясь «алмазным пером» Пушкина, он выбирал для своих переводов те стихи великого русского поэта, которые отвечали его эстетическому кредо.

Из статей о Пушкине Т. Буачидзе выделяет критическую статью Нико Николадзе.

«Значительная роль, — пишет исследователь, — принадлежит Нико Николадзе в правильном освещении творчества Пушкина... Представителей русской литературы Нико Николадзе расценивал с позиции Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Именно с этих позиций рассматривал он творчество Пушкина, называя его великим поэтом русской земли, родоначальником критического реализма в России, который бесспорно наделен был от природы богатейшими дарами и способностями».

Т. Буачидзе разбирает также статью видного грузинского публициста 80-ых годов А. Нанейшвили, в которой дается блестящий анализ новаторского творчества Пушкина.

Подробно останавливается автор книги и на нигилистических ошибках при оценке творческого наследия Пушкина Антоном Пурцеладзе и полемике, разгоревшейся между ним и «тергдалеули» вокруг творчества русского поэта.

Далее Т. Буачидзе анализирует статьи Н. Ломоури и других деятелей грузинской культуры, проливающие свет на отношение грузинской общественности прошлого века к творчеству Пушкина.

Одна из глав книги посвящена грузино-украинским литературным взаимоотношениям.

Автор особо выделяет замечательные страницы дружбы наших народов, связанные с именами Давида Гурамишвили, Тараса Шевченко и Акакия Церетели.

«В творчестве Гурамишвили, — говорится в исследовании, — ярко отразилась украинская тема. Некоторые его стихи созданы по мотивам украинского и русского фольклора. Следует особенно отметить лирический шедевр поэта «Зубовка», в котором впервые в грузинской поэзии живописуется чудесный образ украинки».

Вполне правомочно и справедливо утверждение автора книги о том, что грузино-украинские литературные связи окрепли именно в XIX веке, в период борьбы этих народов за социальное и национальное раскрепощение. Имена Тараса Шевченко, Михаила Коцюбинского, Леси Украинки, Ивана Франко, Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Важа Пшавела, Якоба Гогешвили, Нико Николадзе знаменуют собой новую эру освободительного движения, тесно связанного с прогрессивно-революционным движением в России второй половины XIX века. Справедливо и другое его положение — что для украинцев «тема Кавказа органически связана с идеями борьбы против самодержавия». Свидетельство этому — поэма Т. Шевченко «Кавказ».

Внимание исследователя привлекает знаменательная встреча А. Церетели и Т. Шевченко в 1860 году, оставившая неизгладимое впечатление у грузинского поэта. Автор приводит ряд интересных воспоминаний грузинских современников о Лесе Украинке.

Культурные связи Украины и Грузии еще более окрепли после Великой Октябрьской революции. В столице социалистической Украины — Киеве — начал свой творческий путь видный деятель грузинского театра Котэ Марджанишвили. В годы граждан-

ской войны он поставил на сцене Киевского драматического театра революционный спектакль «Овечий источник». Лучшие представители украинской советской литературы Микола Бажан, Павло Тычина, Максим Рыльский переводят на украинский язык произведения грузинской литературы, а грузинские писатели — почти все лучшие произведения украинских авторов.

В отдельных главах книги дан анализ «Слова о полку Игореве», произведений Державина, Радищева, Лермонтова, Гоголя, поэтов-декабристов, а также представителей белорусской литературы.

Глубоким анализом выделяются в книге статьи «Александр Радищев» и «Слово о полку Игореве».

В статье «Александр Радищев» прослеживается жизненный и творческий путь первого революционного писателя России, бесстрашного борца за права народа и великого певца свободы.

Исследователь разделяет мнение критиков, считающих, что в формировании передовых революционных воззрений Радищева немалую роль сыграли Вольтер, Дидро, Монтескье, Гельвеций. Но основополагающим стержнем его философских воззрений был политический радикализм, присущий мыслящей передовой интеллигенции России, и его отрицательное отношение к самодержавно-крепостнической России. Автор отмечает также, что в своих произведениях А. Радищев упоминает Колхиду.

Давая краткий обзор жизни и творчества Г. Державина, автор критически оценивает придворный аристократизм, присущий его поэзии, но при этом он не упускает из виду, что поэт екатерининских времен, любимец императрицы «смело говорил правду в глаза венценосцам» и в своих сатирических одах («Вельможа» и др.) резко обличал бюрократическую иерархию Екатерины с ее фальшивой моралью.

Анализируя поэзию декабристов, Т. Буачидзе заключает, что «декабристы выразили тот глубокий интерес к истории, который явился следствием национального подъема в период первой Отечественной войны в широких слоях общества».

Совершенно прав Т. Буачидзе, счи-

тая, что в декабристской литературе «общественно-политическая тематика, прежде всего, дана в лирике поэтов-декабристов» и что «первое место в ней принадлежит поэту, хоть и не примыкавшему формально к декабристам, но являющемуся самым блестящим выразителем дворянско-революционного мировоззрения. Это был Пушкин».

К сожалению, исследователь уделяет очень мало внимания связи декабристов с грузинской культурой. Лишь в нескольких строках говорится о пребывании В. Кюхельбекера, А. Одоевского, А. Бестужева-Марлинского в Грузии и об их отношении к ней.

Целая глава отведена анализу творчества Лермонтова. Однако думается, что следовало бы глубже обрисовать образы Демона и Мцыри. Вызывает сомнение утверждение автора, что характер Мцыри в корне противоположен характеру Демона. Ведь основная коллизия «Мцыри» — единоборство героя с душным миром монастырской жизни, с одной стороны, и трагический конфликт Демона с миром действительности, с другой стороны, сближают, роднят эти обра-

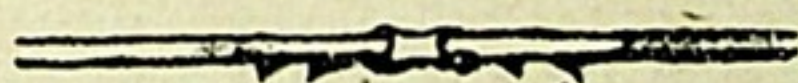
зы, так же, как роднит их вечное стремление к свободе, к познанию жизни, природы.

В последних главах книги Т. Буачидзе касается некоторых вопросов истории украинской и белорусской литературы. Среди этих статей особенно выделяется статья о Т. Шевченко.

Заключительная глава посвящена общему обзору белорусской литературы, начиная с XIX века и вплоть до наших дней. Среди крупнейших писателей Белоруссии исключительное внимание уделяется Якубу Коласу и Янке Купала, чьи имена близки грузинскому народу.

Надо думать, что при следующем издании книги автор расширит круг своих исследований, дополнит их новыми данными о русско-грузинских литературных отношениях.

Грузинский читатель с интересом прочтает книгу, в которой затрагиваются важные и актуальные вопросы — истории русской литературы русско-грузинских литературных взаимоотношений, украинской и белорусской литературы и их связи с духовной культурой нашего народа.

Путешествие по городам и дорогам республики

Не одна новая книга о нашей республике появилась в связи с ее недавним юбилеем, издана различного рода справочная литература, в которой отражены достижения в тех или иных областях экономики и культуры за четыре десятилетия. Книга Михаила Давиташвили «Под небом Грузии» также ставит целью показать рост республики за годы Советской власти, содержит большой познавательный материал. Это сборник путевых очерков, вернее, один большой очерк, рожденный путешествиями по Грузии. В нем активно присутствует автор, рассказывающий в большинстве случаев о том, что увидено им в жизни, познано из первоисточника и потому в его передаче приобретает для читателя яркость зрительного образа.

Впечатления, наблюдения, сведения, использованные в книге, накоплены за долгие годы журналистской работы. Михаил Давиташвили много ездил по республике, много писал в газете.

К собственным впечатлениям автор добавляет большой запас фактов, документов, высказываний о Грузии выдающихся общественных деятелей, а также деятелей культуры разных времен и народов.

Книга М. Давиташвили «Под небом Грузии» — как бы своеобразная картина жизни нашей республики, но без академической сухости и безликости изложения, очеловеченная живой мыслью, рассуждениями, чувством автора, который не устает любоваться родным краем. Он ведет нас в горы, леса, на берег моря, рассказывает о том, чем богат каждый уголок Грузии, что представляла собой эта земля в далекие от нас времена.

Путешествие начинается с общего обзора «У карты республики», и это

оправдано. Если книгу раскроет человек, впервые знакомящийся с Грузией, он должен знать, чем примечателен этот край, получить основные сведения о нем для того, чтобы правильно увидеть, понять и оценить частности. Ведь ко всякому путешествию нужно подготовиться. Но, если даже вам кажется, что вы хорошо знаете Грузию, Тбилиси, с которого начинается путешествие, и тогда вы обнаруживаете в книге немало нового для себя.

Арабский географ Ибн Хацкаля и Алексей Толстой, Марко Поло и Пушкин, Чайковский и Максим Горький... Кого только не видел седой Тбилиси, сколько великих корифеев цивилизаций всех эпох оказывались плененными его неувядаемым очарованием. Город — воин, строитель и бунтарь — первым поднял знамя борьбы за новую Грузию и первым в республике водрузил знамя победы Советской власти. Те, чьим достоянием были раньше лишь убогие лачуги («Заприте в этих помещениях собаку, осла, лошадь — зачахнут, — писал некогда гласный городской управы. — А человек живет... Живет и деньги платит...»), стали хозяевами жизни. Им, людям труда, обязан наш Тбилиси своим сегодняшним обликом, своим возрождением. Тбилиси старый, отошедший, остался лишь в музейных экспонатах. История городской промышленности и градостроительства, культурная жизнь города, его многонациональное население — многое нашло отражение в книге. И хотя столица — сердце республики, ее слава и гордость — автор не может только на ней сосредоточивать внимание. Он ведет нас дальше...

Самгорский район. Здесь земли — самые бедные в Грузии водой,

здесь меньше всего выпадает осадков. По завету Ленина коммунистам Кавказа проведены работы по орошению, десять лет назад в Самгори была создана мощная оросительная система. И край ожил, расцвел, преобразился, гостеприимно принял переселенцев с гор.

Новый социалистический Рустави вернул грузинам былую славу мастеров-металлургов. Metallургический гигант родился на глазах нашего поколения как детище великой дружбы советских народов. Завод в Рустави помогала строить вся страна. И на всю страну прославлены имена лучшего в Союзе горного Героя Социалистического Труда Вардиша Коберидзе, знатного доменщика Арчила Дзамашвили, названного недавно Н. С. Хрущевым в числе самых достойных представителей республики.

С любовью рассказывает М. Давиташвили о замечательных людях колхозного села. Люди трудового подвига, герои наших будней, они по праву стали героями правдивой, строго документальной книги. В числе этих героев — первая женщина-трактористка в Грузии Елена Натрошвили, шелковод-новатор Осания Айвазашвили, бригадир механизаторов Пируз Рижамадзе, кукурузовод Закро Цоциашвили, садовод Михаил Рчеулишвили, чаевод Дареджан Такидзе и многие другие. Читатель видит их живыми, в заботах, в радости, в мечтах о будущем. И хотя мы быстро расстаемся с одними ради других, встречи не проходят бесследно, каждая добавляет новый штрих к большому, монументальному портрету, который автор пишет с одного героя, чье имя — трудовой народ Советской Грузии.

Живы в республике старики, помнящие прошлый век и прежний строй. Что может быть убедительнее свидетельства очевидцев? Им иной раз и предоставляются страницы книги для рассказа о пережитом, сопо-

ставления давно минувшего с нынешним. В других случаях автор сам сообщает о прошлом отдельных районов, уголков.

Громко звучит в книге тема дружбы народов. Многие страницы повествуют о братских отношениях между грузинским, украинским и армянским колхозами, о судьбе китайца, которому принадлежит большая заслуга в культивировании чайных кустов на грузинской земле.

Книга «Под небом Грузии» содержит элементы публицистики. Временами автор вторгается в рассказ как участник событий, отвлекается от описания, чтобы вслух порассуждать о социальном значении наблюдаемых явлений, громко выразить свое восхищение увиденным. Но, почувствовав, что увлекся, он «одергивает» себя («пусть лучше читатель судит сам»), возвращается к фактам, документам, людям. Изобилие фактического материала, многотемность, безусловно, создавали большие трудности, но автор, на мой взгляд, успешно их преодолел.

М. Давиташвили вложил в свою книгу страстность журналиста, с жадным интересом следящего за ростом и подъемом родной республики. Он водил нас по Алазанской долине, горам Месхетии, садам Карталинии, показал богатства курортов Грузии, своеобразие Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии, познакомил с рабочими, колхозниками, учеными и мастерами искусства. Автор сумел передать читателю свою неистощимую любознательность, горячую заинтересованность во всем, увиденном в пути.

Книга «Под небом Грузии» щедро иллюстрирована, хорошо издана. Ее хочется скорее взять в руки, полистать, разглядеть фотоснимки. А после того, как она прочитана и можно судить о содержании, напрашивается общий вывод: хорошая, полезная и нужная книга.

Подписано в печати 16 октября 1961 г. 6 печ. листов + 1 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₈.

Тираж 2.500

Заказ № 1019

УД 08772

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

Цена 40 коп.

საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

5